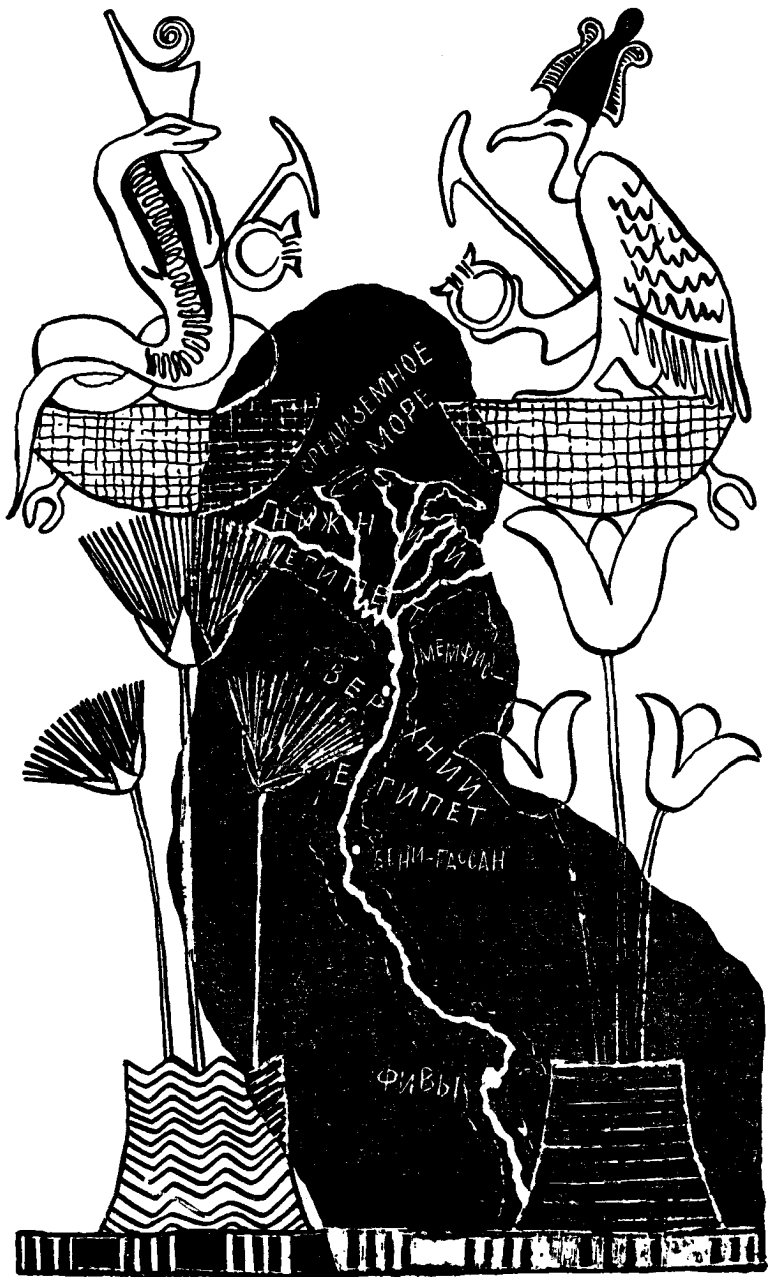

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. РАК

*В царстве
пламенного Ра*

*Мифы, легенды
и сказки
Древнего Египта*

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Художник И. Косарева

Рак И.

Р 19 В царстве пламенного Ра: Мифы, легенды и сказки Древнего Египта/Рис. И. Косаревой.— Л.: Дет. лит., 1991.— 160 с., ил. (Школьная б-ка.)

ISBN 5—08—000292—1

Книгу составили мифы, легенды и сказки Древнего Египта в пересказах для детей.

Р $\frac{4803010201-179}{M101(03)-91}$ 282—90

Р 2

ISBN 5—08—000292—1

© Рак И. 1991

© Косарева И. Рисунки. 1991

Что такое миф

Великие народы прошлого оставили после себя бесценное наследие.

Культура Древней Греции, или Эллады, зародилась и достигла своего расцвета гораздо позже, чем египетская культура, но и она удалена от нас в бездну времени более чем на двадцать пять веков. А культура Древнего Египта насчитывает почти пять тысячелетий! Но уже тогда, на заре человеческой истории, обе эти культуры достигли поистине невиданного размаха, небывалого великолепия.

Древними мастерами созданы замечательные шедевры архитектуры, скульптуры, живописи, которые и сегодня, тысячелетия спустя, восхищают нас своей красотой и совершенством. В сокровищницу творений человеческого гения вошли произведения греческих поэтов и драматургов. Минуло двадцать пять веков, но до сих пор в театрах нашей страны и за рубежом ставятся трагедии Еврипида и Софокла, до сих пор мы от души смеемся над незадачливыми героями комедий Аристофана и Менандра, до сих пор читаем и перечитываем поэмы великого Гомера, наслаждаясь волшебной мелодией древнего стиха.

Большинство греческих поэм, гимнов, драм написано на мифологические сюжеты. Это могли быть сказания о богах или о героях, совершивших легендарные подвиги: о «хитроумном Одиссее», который после десятилетнего, полного приключений и опасностей странствия по морям вернулся на родную Итаку, об отважном воине Ахиллесе, об аргонавтах, о Персее, одолевшем страшное чудовище — Горгону Медузу, от одного взгляда на которую человек превращался в камень... Многим из вас эти предания уже знакомы, хотя бы по книге Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» или Л. и А. Успенских «Мифы Древней Греции». Может быть, кто-нибудь из вас уже читал поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Но даже если подробное знакомство с греческой мифологией вам еще только предстоит, все равно с персонажами античных мифов вам, несомненно, так или иначе приходилось сталкиваться. На мифологические сюжеты написано множество картин; к мифологическим образам часто обращались в своих стихах А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Шиллер и другие поэты; а такие выражения, как «сизифов труд», «танталовы муки», «троянский конь», «яблоко раздора», «авгиевы конюшни» прочно вошли в лексикон всех языков мира.

Иначе обстоит дело с мифологией древнеегипетской. В отличие от греческой, она не приобрела особой популярности, а стала достоянием лишь узкого круга специалистов и ученых-историков.

Почему же так произошло?

Причин много. Немалую роль сыграла и географическая удаленность Египта от европейских стран, и то, что к началу нашей эры египетская культура пришла уже в совершенный упадок, традиции ее стали забываться, их не наследовал никакой другой народ, как наследовал эллинскую культуру Рим, а культуру Рима — эпоха Возрождения. Есть и другие причины, достаточно глубокие. Но главная среди них, пожалуй, та, что древнеегипетская мифология сама по себе слишком уж необычна, слишком не похожа ни на одну из мифологий других народов.

Когда в 1822 году французский филолог Франсуа Шампольон (1790—1832) разгадал тайну египетских иероглифов и ученые смогли наконец прочитать древние письмена, они столкнулись с удивительными фактами.

Оказалось, что для многих богов не существует даже строго определенных правил, которые предписывали бы, как именно этих богов полагается изображать. Одного и того же бога изображали то в виде какого-нибудь животного, то в виде человека со звериной головой, а то просто в виде человека. У некоторых богов не было постоянных имен: их имена менялись по нескольку раз в течение суток. Так, утреннее солнце воплощал бог Хепри¹, который, по мифологическим представлениям египтян, принимал облик жука-скарабея и катил солнечный диск до зенита подобно тому, как навозный жук катит перед собой свой шар. Дневное солнце воплощал бог Ра — человек с головой сокола, а вечернее, «умирающее» солнце — бог Атум. Таким образом, Ра, Атум и Хепри были как бы тремя разновидностями одного и того же бога — бога солнца.

Кроме того, в отличие от олимпийских богов, божества Древнего Египта зачастую не имели строго определенных функций. У греков, к примеру, была богиня любви Афродита, бог войны Арес и так далее, а у египтян хотя и были сходные божества — богиня любви Хатхор и богиня-воительница Нейт, но наряду с этим существовало очень много богов «абстрактных», каких в греческой мифологии совершенно не встречается. Например: Ху, Сиа, Сехем и Хех — «воля», «разум», «энергия» и «вечность». Были боги — воплощения мудрости или могущества какого-то другого бога или боги — олицетворения какого-либо закона природы... А разговор о характерах египетских богов, как выяснилось, попросту не имеет смысла. Про Зевса мы знаем, что он могуч и всемогущ, про Гермеса — что он пройдоха и плут, а

¹ За редкими исключениями, нам неизвестно, как в древнеегипетских словах ставилось ударение. Поэтому ученые приняли чисто условное правило: делать ударение на предпоследнем слоге.

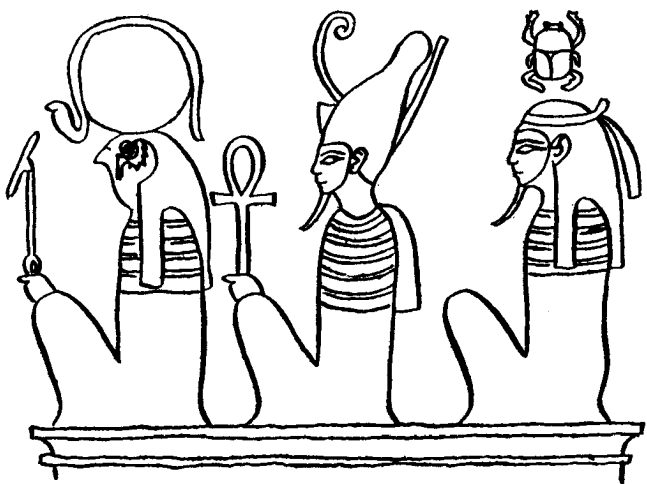
древнеегипетский бог в одном и том же мифе мог быть то добрым, то злым, то справедливым, то беспощадным и коварным.

Наконец, об одном и том же явлении могло одновременно существовать множество разных представлений, которые при этом противоречили друг другу самым нестижимым образом. Так, небо изображалось и в виде коровы, и в виде крыльев коршуна, и в виде океана, и в виде женщины — небесной богини Нут.

Конечно, такое нагромождение противоречий, с нашей точки зрения, не укладывается ни в какие логические рамки и попросту идет вразрез со здравым смыслом. Именно эти противоречия и делают египетскую мифологию чрезвычайно трудной для понимания, именно из-за них она не получила в последующие исторические эпохи столь широкого распространения, как мифология Древней Греции.

Объяснить, откуда эти противоречия возникли, сравнительно нетрудно. В разных областях и городах страны складывались разные варианты одних и тех же сказаний и легенд, которые, естественно, во многом не совпадали. Они передавались из уст в уста, переписывались с папируса на папирус; раз от разу все больше искажался первоначальный смысл текста, добавлялось что-то новое, забывалось старое, все большим становилось несоответствие между разными представлениями об одном боге. Наконец, как в любом фольклоре, сказания смешались и переплелись.

Труднее понять, каким образом беспорядочное, казалось бы, нагромождение исключаящих друг друга представлений могло сложиться в единую, цельную картину. Ведь если в наши дни

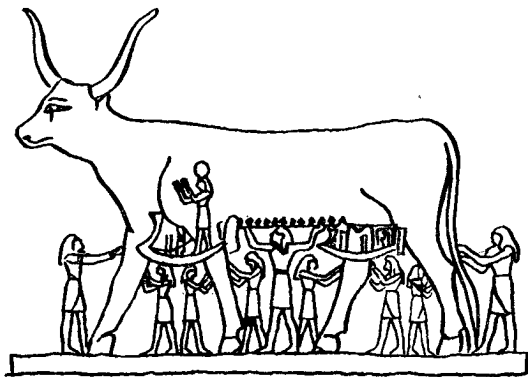
человек из двух разных источников получит два противоречивых известия, он сразу сделает вывод, что какое-то из двух известий (а может быть и оба) не соответствует истине. Нельзя одновременно верить, что вчера в Москве был дождь и что его вчера в Москве не было: одно утверждение автоматически исключает другое. Как же в сознании египтян одновременно уживались четыре, пять, шесть и больше взаимоисключающих представлений об одном боге? Как они могли верить сразу десяткам и сотням противоречивых легенд?

Давайте попробуем в этом разобраться.

К сожалению, в наши дни большинство людей считает, что древние египтяне изображали, например, бога солнца Ра в виде человека с головой сокола, а небо — в виде океана, коровы, крыльев птицы и так далее потому, что были наивны. Они, дескать, не обладали достаточными знаниями о природе, об окружающем мире и, чтобы хоть как-то объяснить непонятные для них явления — гром, ветер, закаты и восходы солнца, движение звезд, смену времен года, — выдумали мифическое могущественное существо Ра, который якобы и движет солнце по небу. На самом же деле такое простое, само собой напрашивающееся объяснение слишком поверхностно и содержит лишь очень малую долю истины.

Во-первых, никто из египтян не понимал изображение солнечного бога Ра буквально; никто не верил, что где-то на небесах действительно живет такое существо — человек с соколиной головой. Нет, изображения Ра, как и изображения других богов, служили только символами божества. Об этом писал еще знаменитый древнегреческий историк Геродот, посетивший Египет около 450 г. до н. э.: «Пишут... художники и высекают скульпторы изображения Пана¹ подобно эллинам — с козьей головой и

¹ Геродот называет Паном древнеегипетского бога Бансбдждета.

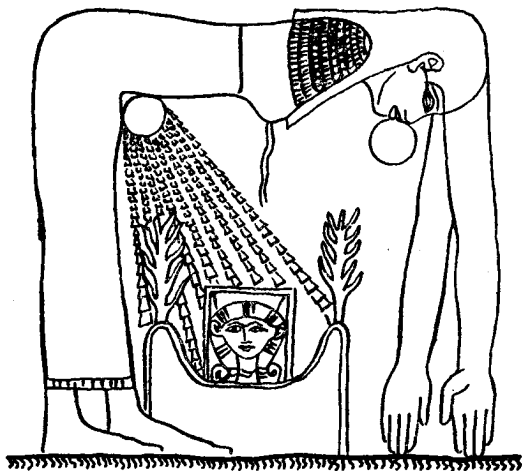

козлиными ногами, хотя и не считают, конечно, такое изображение правильным, полагая, что этот бог имеет такой же вид, как и прочие боги. Но почему они все-таки изображают его таким, мне трудно сказать». Нам тоже трудно, а скорее всего и невозможно узнать, как в действительности представляли себе египтяне бога солнца, но зато мы можем с уверенностью заключить, что в виде сокологолового человека они его не представляли, а лишь изображали. Это — символ; и это не покажется вам таким уж удивительным и непонятным, если вы вспомните, что всякого рода символические изображения широко распространены и в наше время. Например, в городе Волгограде в честь победы Красной Армии над фашистскими захватчиками в Сталинградской битве установлен памятник, изображающий нашу Родину, восставшую на борьбу с оккупантами, в виде женщины с мечом в руке. Ведь никто из нас не воспринимает это изображение буквально, никто не представляет себе Родину — Россию — в виде женщины. Все мы прекрасно понимаем, что это символ, все мы знаем его значение. И гербы государств, и гимны, и знамена — это тоже символы.

Во-вторых, ни к какой мифологии, а к древнеегипетской особенно, нельзя подходить с точки зрения логики и «здорового смысла».

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, в чем разница между понятиями «миф» и «сказка»?

Сказка — это заведомый вымысел. Тот, кто рассказывает сказку, всегда знает, что он рассказывает нечто такое, чего не было и не могло быть на самом деле, хотя и рассказчик, и слушатель в какой-то степени верят в эту выдумку (точно также и мы

с вами, хотя и знаем, что на Земле нет ни страны лилипутов, ни страны великанов, но, когда мы читаем сказку Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера», эти страны начинают для нас как бы существовать в действительности). Миф же — это вполне определенная картина окружающего мира и система взглядов на жизнь. Это попытка объяснить и явления природы, и смысл жизни, и нравственные ценности, и принятые в обществе моральные нормы. Разумеется, каждая эпоха объясняет это своими, доступными ей методами. В наше время в сознании людей, в их мирозерцании преобладает логика, строго научный подход к жизненным явлениям; для египтян же большее значение имели чувства, эмоции, красота и поэтичность окружающего мира, а не только познание и научное объяснение его явлений. Поэтому в мифологии Древнего Египта преобладает именно поэтичность. И вполне естественно, что в поэзии небо может быть одновременно и океаном, и крыльями коршуна, и коровой. Это — символы, своеобразные «поэтические определения» неба.

А можно ли найти пример подобного «поэтического определения» в нашей жизни? Конечно можно! Вот какое определение поэзии дает Борис Леонидович Пастернак в одном из своих стихотворений, которое так и называется — «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,
Это — шелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.
Это — сладкий заглохший горох,
Это — слезы вселенной в лопатках¹,
Это — с пультов и флейт Фигаро
Низвергается градом на грядку...

Теперь, после всего сказанного, у вас уже не вызовут недоумения следующие строки из древнеегипетского гимна богу Осирису:

Сущность твоя, Осирис,
Непознаваема для разума простого смертного.
Ты — луна, сияющая на небесах,
Ты — великий Нил, орошающий поля,
Твои благодатные разливы даруют жизнь людям,
Ты — вечно воскресающая после смерти природа,
Твое величество, Осирис, — это царь Загробного Мира.

Мифология Древнего Египта чрезвычайно поэтична, — а в поэзии, конечно, символика гораздо больше, чем в науке. Поэтому мифы невозможно понять, если подходить к ним с мерками нашего «здорового смысла». Никому ведь не придет в голову искать научную логику в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опре-

¹ Лопатки — стручки гороха. (Примеч. Б. Л. Пастернака.)

деление поэзии» и, не найдя ее, упрекать поэта за то, что он «был наивен и не замечал противоречий»!.. С точки зрения здравого смысла «нелогичны» и некрасовские строки: «Ты и убогая, ты и обильная... Матушка-Русь!», и державинские: «Я царь — я раб — я червь — я Бог!», но и в том и в другом случае с помощью образов и символов мысль выражена предельно ясно и понятно. А попробуйте выразить эти же мысли сухим, лишенным метафор языком! Если у вас что-нибудь и получится, то даже тогда вместо одной поэтической строки вам понадобится, по крайней мере, пять — десять предложений.

На символической построена не только мифология, но и все изобразительное искусство Древнего Египта. В этом заключается основное его отличие от искусства Древней Греции. Давайте сравним два рисунка — эллинский и древнеегипетский. На обоих рисунках изображен восход солнца. Разберем сперва эллинский рисунок. В колеснице, запряженной крылатыми конями, бог солнца Гелиос взлетает на небеса. Лучи его короны золотят океан, волны разбрызгивают искристую пену, и упоенные, счастливые юноши резвятся, радуясь началу нового дня. Рисунок можно в каком-то смысле назвать реалистическим: восход солнца изображен в точности так, как его описывают соответствующие мифы и легенды.

Посмотрите теперь на следующий рисунок. Перед вами иллюстрация к тексту «Мифологического папируса певички бога Амона Та-хем-эн-мут». Та же самая сцена восхода солнца. Из-за склона розовой горы, цвет которой символизирует одновременно и цвет зари, и цвет существующей в действительности горной вершины Эль-Курна близ Фив, появляется Ладья Вечности — лодка, в которой Ра перевозит солнечный диск через небесный океан. Символическое изображение небесного океана держит на рогах богиня неба Нут, изображенная в виде коровы. Упоминания о том, что Нут держит на рогах небеса, вы не встретите ни в одном мифе: это — символ! Над Ладьей парит новорожденное солнце — бордовый стилизованный диск с головой барана внутри (символ Амона-Ра). Диск катит по небу жук-скарабей Хепри (самого Хепри на рисунке нет, но он подразумевается).

Навстречу восходящему светилу раскрыл лепестки лотос, и павиан издает ликующий крик, приветствуя новый день. Горные павианы считались в Египте священными, поскольку при восходе солнца они издают радостные крики. Кроме того, эти обезьяны считались священными животными бога мудрости Тота. Таким образом, на нашем рисунке павиан символизирует сразу двух богов — Тота и Ра, как бы их «слияние воедино». Это, к примеру, может означать, что свет, который Ра дарует земле, и существующий миропорядок едины и неразделимы. Можно, конечно, и как-нибудь по-другому истолковать этот символ... А что означает стоящая на носу Ладьи богиня правды и мирового порядка Маат (с пером на голове)? Установленный богами закон, по которому солнце умирает вечером и неизменно воскре-

сает утром? Справедливость, за соблюдением которой зорко следит Ра? Ассоциаций и толкований можно найти сколько угодно, и все они будут в одинаковой степени правомерными. Как в стихотворении!

И павиан, и лотос, и Ра, и Маат — все изображения, которые представлены на рисунке, по своему назначению очень напоминают иероглифы. Знаете ли вы, на каком принципе основана иероглифическая письменность? В тех языках, где используются иероглифы, слова составляются следующим способом. Например, есть три иероглифа: «огонь», «дом» и «вода». Каждый иероглиф заключает в себе какое-то конкретное значение, причем только одно. Но если «соединять» иероглифы друг с другом, то возникнут и новые значения: «огонь-дом» — «пожар», «огонь-вода» — «гроза», «дом-вода» — «корабль». Точно так же и на нашем рисунке: каждое сочетание изображений дает новую аллегория, новый смысл. Павиан и лотос — растительный и животный мир. Павиан и Маат — мудрость установленного богами закона. Лотос и Маат — его красота (поскольку лотос считался символом красоты, процветания и воскресения после смерти). Маат и Ра — справедливость бога-владыки. Лотос, павиан и Ра — жизнь, источником которой является солнечное тепло... Если в сцену полета Гелиоса добавить, например, еще одного юношу или заменить юношей морскими нимфами, то общий смысл рисунка от этого не изменится. Но если проделать то же самое с египетским рисунком — например, изобразить там стебель папируса, — то сразу возникнут новые образы и символы. Папирус считался эмблемой Нижнего (Северного) Египта, лотос — Верхнего, и вместе они будут олицетворять объединение Двух Земель в единое государство. Вся страна приветствует новое солнце — воскресшего после ночи бога Ра.

Понять психологический склад, образ мышления другого народа чрезвычайно трудно даже в том случае, когда этот народ — наши с вами современники. И уж тем более непонятна для нас психология древних египтян. Как, например, представить себе, что мистэрии (своеобразные «театральные представления» на мифологические сюжеты) они воспринимали не как **ИЗОБРАЖЕНИЯ** мифологических событий на сцене, а как **САМИ СОБЫТИЯ**, происходящие в действительности? Как понять, что жрец-бальзамирщик, надевавший во время мумификации покойника маску шакалового бога бальзамирования Анубиса, считался **САМИМ БОГОМ АНУБИСОМ** до тех пор, покуда маска была на нем? Да и не только жрец мог отождествиться с богом, — богом мог «стать» абсолютно любой человек. Существует легенда о том, как Ра был однажды ужален ядовитой змеей и вылечился с помощью магических заклинаний. Поэтому, если египтянина кусала змея, лекарь первым делом читал заклинания, целью которых было отождествить пострадавшего с богом Ра. Злой демон, по наущению которого действовала змея, имел дело уже не с простым смертным, а с богом и в ужасе обращался в бегство, а больной вылечивался.

Не торопитесь объяснять это пресловутой «наивностью» и

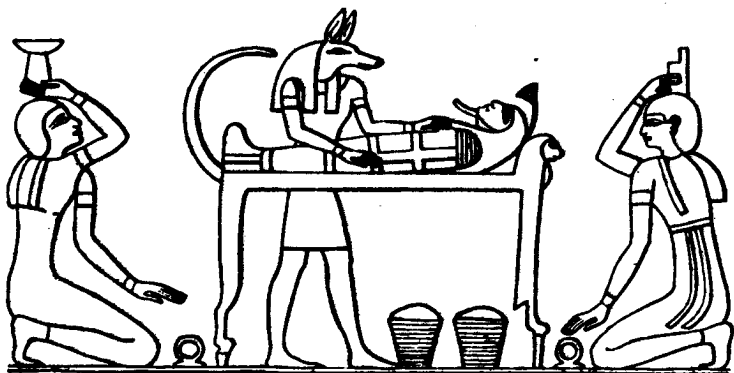
«недостатком знаний». Ведь мы с вами тоже совершаем множество поступков, которые кажутся нам естественными и логичными (как и египтянам казалось логичным отождествлять пострадавшего от ядовитого укуса с богом), но которые, если вдуматься, абсолютно бессмысленны. Вот несколько примеров.

В XVII веке в Испании, в одной из деревень, высекли плетью церковный колокол — за то, что этот колокол плохо звонил. Тем из вас, кто снисходительно над этим улыбается, вряд ли покажется удивительным, если кто-то у вас на глазах, споткнувшись о камень, со злости пнет этот камень ногой... Во время семейных ссор иногда бьют посуду... Отшвыривают в сторону (иногда так прямо и об стенку) тетради с расчетами, книги, рукоделия, если не клеится работа... Не правда ли, похоже на высеченный колокол?

Верующие египтяне приносили душам умерших родственников пищу, клали ее подле гробниц, а у нас даже неверующие приносят цветы к памятникам и на могилы.

А древнеегипетские мистерии? Египтяне следили за развитием событий в спектакле и с замиранием сердца ждали, чем все кончится: победит ли бог солнца (роль которого исполнял фараон) своего врага — гигантского злого змея (длинный раскрашенный канат из пальмового волокна), изрубит ли он его на куски? Между тем «сценарий» мистерии был всем хорошо известен. Трудно это понять? Ну а как, в таком случае, мы с неослабевающим интересом смотрим по многу раз один и тот же фильм, перечитываем любимый роман?

Древние египтяне думали, что мир сотворили боги. Легенд о сотворении мира было очень много, все они противоречили друг другу, но это не заставляло египтян усомниться, что Вселенная — творение богов. Современные ученые тоже выдвигают множество противоречащих одна другой гипотез о происхождении Солнечной Системы и при этом остаются материалистами.

Египтяне придавали огромное значение словам — любимым, вытесанным ли на каменной плите, записанным на папирусе или произнесенным вслух. Слова были для них не просто звуком или надписью; египтяне верили, что слова обладают магическими свойствами, что любая фраза способна повлиять на окружающий мир. И особое значение имело имя человека. Если кто-то хотел навлечь зло на своего врага, он писал его имя на клочке папируса и затем сжигал этот клочок. В коллекции Государственного Эрмитажа есть очень интересный экспонат — статуэтка фараона Сенусерта III, правившего государством в XIX веке до н. э. На этой статуэтке выбито имя Рамсеса II, который занимал египетский престол через 600 лет после Сенусерта III. В эпоху правления Рамсеса скульпторы, стремясь создать как можно больше статуй для увековечения этого фараона, нередко использовали и готовые статуи, изображавшие прежних владык Египта: стесывали старые имена и высекали имя Рамсеса II. Внешнее сходство в данном случае было делом не таким уж важным: имя важнее.

Для нас слова не обладают магической силой. Но все-таки мы им придаем гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд. В романе Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» есть один эпизод, прекрасно это доказывающий. Сергей Иванович Кознышев влюблен в Вареньку и собирается сделать ей предложение во время прогулки в лес. Причем Варенька очень хорошо знает, что Сергей Иванович в нее влюблен, знают об этом и окружающие, да и сам Сергей Иванович тоже знает, что Вареньке известно о его чувствах к ней. Казалось бы, зачем еще нужны слова, если все и так всё знают? Однако во время лесной прогулки Сергей Иванович так и не набрался смелости для признания в любви — и никакой свадьбы не состоялось. А все потому, что не были произнесены слова!

«...Он повторял себе и слова, которыми он хотел выразить свое предложение; но вместо этих слов, по какому-то неожиданному пришедшему ему соображению, он вдруг спросил:

— Какая же разница между белым и березовым (грибом)?

Губы Вареньки дрожали от волнения, когда она ответила:

— В шляпке почти нет разницы, но в корне.

И как только эти слова были сказаны, и он и она поняли, что дело кончено, что то, что должно быть сказано, не будет сказано, и волнение их, дошедшее перед этим до высшей степени, стало утихать».

Наверняка нашим потомкам, лет через триста, многие наши поступки будут казаться столь же нелепыми, какими нам сейчас представляются поступки древних египтян.

Предрассудок — он обломок
Древней правды: храм упал,
А руин его потомок
Языка не разгадал,—

сказал русский поэт Е. А. Баратынский.

Древние египтяне селились на восточном берегу Нила. Западный же берег был отдан «вечности» — загробной жизни. Здесь строили пирамиды и гробницы. Обычай этот тоже был основан на символикe: так же, как Ра, то есть солнце, «рождается» на восточном берегу небесного океана и «умирает» на западном, так и люди, «скот бога Ра», проводят свою земную жизнь на востоке, а после смерти переселяются на запад — в Поля Камыша, загробный рай, место успокоения, блаженства и вечной жизни. Смерть для древнего египтянина была просто уходом в другой мир, который абсолютно во всем был похож на мир земной: умершие, согласно верованиям, ели, пили, обрабатывали землю, собирали урожай и так далее. Только смерти не было в Загробном Царстве: там египтянин жил вечно.

Этой идеей «вечности» пронизано все искусство Древнего Египта. Бытовые постройки не сохранились до наших дней: «временные», земные, жилища строились из кирпича-сырца, который рассыпался в прах под натиском тысячелетий. А для построек, связанных с «вечной жизнью», использовался и «вечный», неподвластный времени, материал — камень. Пирамиды тоже олицетворяют собой идею вечности: их незыблемые громады словно напоминают людям, что все перемены, творящиеся вокруг, незначительны и мимолетны; что земная жизнь по сравнению с вечностью пирамид и скал длится всего одно мгновение. Греки называли пирамиды «первым чудом света». И «вечность» сделала свое дело: это единственное из «чудес света», которое сохранилось до наших дней... Строгой симметричностью и монументальностью характеризуется древнеегипетская скульптура. Это создает ощущение равновесия, покоя, устойчивости, символизирует вечность.

Так же «монументальна» и вся древнеегипетская мифология.

Олимпийские боги помогают Персею убить Горгону Медузу; Одиссею — благополучно преодолеть опасности путешествия; весь Олимп принимает самое живое участие в Троянской войне, — а боги страны Нила, в отличие от олимпийцев, значительно меньше заняты какой бы то ни было «бурной» деятельностью и почти никогда по собственной охоте не вмешиваются в людские распри. Поэтому в египетских мифах преобладают не увлекательные приключения, а философские рассуждения богов и их величественные монологи.

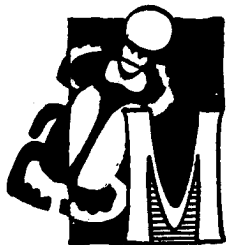
Сами по себе сюжеты египетских мифов, как правило, не остры. Их главное содержание составляют не события, а философский подтекст, который за этими событиями кроется. Мифы, как стихотворения, символически, в художественной форме передают представления египтян о законах природы, о красоте, о смысле жизни, о том, каким должен быть, по их понятиям, справедливый государственный уклад. Разумеется, таким же глубоким содержанием наполнены и мифы Эллады, но в них это содержание передается другим способом. Полный бурными событиями эллинский миф воспекает человеческие возможности, способ-

ность человека преобразовать своей деятельностью мир, улучшить его. Монументальный, статичный миф Древнего Египта зовет человека слиться с природой, принять раз навсегда заведенный мудрый порядок, подчиниться этому порядку и не пытаться что-либо изменить, ибо всякое изменение будет только к худшему.

В эту книгу включена небольшая часть мифов и сказок Древнего Египта. Изложены они в очень упрощенном виде, и потому лишь в незначительной степени отражают глубину, поэтичность и многогранность миросозерцания древних египтян. Тем, кто захочет всерьез понять, что такое мифологическое мышление древнего человека, а также подробнее изучить историю, культуру и искусство Древнего Египта, следует обратиться к научной и научно-популярной литературе на эту тему. Список рекомендуемой литературы приведен в конце книги.

РАССКАЗЫ О БОГАХ

Как был сотворен мир

Между двумя цепями гор, тянущимися вдоль нильских берегов, в напоенном солнцем просторе лежит удивительный край Та-Кемет — «Черная Земля», как нарекли свою страну сами ее жители, древние египтяне. В противоположность «Красной Земле» — мертвой пустыне, что раскинула свои дышащие жаром пески по другую сторону горных хребтов, «черная» — значит живая, плодородная земля. Добрый речной бог Хапи — пожилой мужчина в набедренной повязке рыбака, увенчанный короной из связок папируса, лотосов и водорослей, владыка Нила и повелитель наводнений — каждый год заставляет реку разливаться вширь, а когда вода уходит, на пашнях и лугах остается густой слой плодородного речного ила. Это и делает землю Та-Кемет живой, черной... Шумят по берегам тенистые рощи финиковых пальм, колосятся злаки на полях, по водной глади плавают ослепительно прекрасные цветы — белые, голубые и розовые лотосы, в прибрежных тростниковых зарослях вьет гнезда водоплавающая дичь. Воздух звенит птичьим многоголосьем.

Жители Та-Кемет построили города, воздвигли роскошные дворцы и храмы. Один за другим плывут на юг караваны судов. Они плывут к южным каменоломням, где под охраной вооруженных плетками надсмотрщиков рабы добывают песчаник и гранит. Каменные глыбы по бревен-

чатоу настилу волокут к берегу, грузят на палубы, и суда отправляются в обратный путь. А в городах их с нетерпением ждут. На каждой пристани дежурят погонщики с упряжками быков. За небольшую плату они перетасчат глыбы к храму, — и вскоре трудами искусных каменотесов святилище украсится еще одной статуей бога, величественной колоннадой или обелиском.

Бурлит жизнь в Та-Кемет, плодоносят пашни, фруктовые сады ежегодно дают богатый урожай, — и благодарные египтяне славят щедрого Хапи, поют ему хвалебные гимны в храмах и приносят жертвы.

Слава тебе, Хапи, бог Великой Реки!
Ты разливаешься, чтоб оживить Египет,
Орошаешь поля, даруешь дождь с небес,
Ты — наш кормилец и благодетель!
Земля ликует, все живое радуется.
Ты наполняешь амбары, даешь траву для скота.
Зеленей же, зеленей же,
О, Хапи, зеленей же!

Но не всегда было так, не всегда цвела и благоухала Черная Земля. Давным-давно, много миллионов лет назад, на месте городов с их дворцами, храмами и оживленными рыночными площадями, где с утра до вечера не смолкают крики торговцев, наперебой расхваливающих свои товары, был Хаос — бескрайний и бездонный океан. Этот океан назывался Нун.

Мрачное он представлял зрелище! Окаменевшие, холодные воды Нуна, казалось, навечно застыли в неподвижности. Не было ни воздуха, ни тепла, ни света: все окутывал первозданный мрак, всюду царила тишина. И ничто не нарушало покоя. Проходили столетия, тысячелетия, а океан Нун оставался неподвижным.

Но однажды свершилось чудо. Вода вдруг заплескалась, заколыхалась, и на поверхности появился великий бог Атум.

— Я существую! — воскликнул он, и Вселенная содрогнулась от громopodobного голоса, возвестившего начало жизни. — Я сотворю мир! Я сделаю это, ибо мое могущество настолько велико, что я сумел сам себя создать из вод океана! Нет у меня отца и нет матери; я — первый бог во Вселенной, и я сотворю других богов!

А вокруг, как и прежде, все было объято непроглядным

мраком и мертвенным безмолвием. В океане не было ни одного, даже самого крошечного, клочка суши, куда можно было бы ступить ногами — все затопляла вода. Мрачная пучина уже клокотала, готовясь поглотить Атума: уже пенился внизу похожий на разинутую пасть чудовища водоворот и неумолимо затягивал бога в свое жерло. Надо было как можно скорей создать землю, хоть какой-нибудь островок. Спасение от гибели было только в этом. С невероятным усилием Атум оторвался от воды, воспарил над бездной и, воздев руки, произнес волшебное заклинание. В тот же миг раздался оглушительный грохот, и среди пенных брызг из пучины вырос холм Бен-Бен.

Атум опустился на холм и стал размышлять, что ему делать дальше.

«Конечно, сперва я создам других богов, — думал он. — Только вот кого именно? Может быть, бога плодородия? Но ведь нет еще земли, на которой выросли бы травы и злаки, и нет людей, которые могли бы обрабатывать землю, сеять зерно и собирать урожай... Лучше я создам ветер. Без ветра этот океан вновь замрет и останется навсегда неподвижным. И еще я создам богиню дождя и влаги — чтоб вода океана подчинилась ей».

И Атум создал бога ветра Шу и богиню Тефнут — женщину с головой свирепой львицы. Это была первая божественная пара на земле.

Но тут случилось несчастье. Непроглядный мрак все еще окутывал Вселенную, и в темноте Хаоса Атум потерял своих детей. Сколько он ни звал их, сколько ни кричал, оглашая водную пустыню плачем и стенаниями, ответом ему было безмолвие. А это могло означать все, что угодно, даже самое худшее. Может быть, Шу и Тефнут заблудились в океане, а может, они погибли в бездне.

В полном отчаянии Атум вырвал свой Глаз и, обращаясь к нему, воскликнул:

— Глаз мой! Сделай то, что я тебе скажу. Иди в океан, разыщи моих детей Шу и Тефнут и верни их мне.

Глаз отправился в океан, а Атум уселся и стал дожидаться его возвращения. Медленно тянулось время, дни проходили за днями, столетия за столетиями. Всюду был мрак, тишина, холод. Потеряв наконец всякую надежду вновь увидеть своих детей, Атум закричал:

— О горе! Что же делать мне? Мало того, что я навеки потерял своего сына Шу и свою дочь Тефнут, я, вдобавок, еще лишился Глаза!

И он создал новый Глаз, и поместил его в свою пустую глазницу.

Но едва он это сделал, вдали послышался шум. Бог насторожился: что это могло значить? Не грозит ли ему какая-нибудь новая, неведомая опасность?.. Он встал с земли, повернул голову и внимательно прислушался.

Шум быстро нарастал. Вскоре уже можно было различить отдельные голоса. И бог узнал эти голоса — это были голоса его детей! Верный Глаз после многолетних поисков все-таки нашел их в океане и теперь торжественно вел к холму Бен-Бен. Не в силах поверить в такое счастье, Атум заплакал от радости. Его слезы дождем хлынули на землю.

Едва Шу и Тефнут ступили на холм, бог бросился им навстречу, чтобы поскорей их обнять, как вдруг Глаз, весь пылая от ярости, подскочил к Атуму и гневно прохрипел:

— Что это значит?! Не по твоему ли слову я отправился в океан Нун и вернул тебе потерянных детей! Я сослужил тебе великую службу, а ты — и это благодарности! — ты тем временем создал себе новый Глаз и поместил его туда, где по праву должно находиться мне!

— Не гневайся, — сказал Атум. — Я помещу тебя на лоб, и ты оттуда будешь созерцать мир, который я создам, будешь любоваться его красотой.

Но оскорбленный Глаз не желал слушать никаких оправданий. Стремясь во что бы то ни стало наказать бога за предательство, он превратился в ядовитую змею кобру. С угрожающим шипением кобра раздула шею и обнажила смертоносные зубы, нацеленные прямо в Атума.

Однако бог спокойно взял змею в руки и поместил к себе на лоб. С тех пор глаз-змея украшает короны богов и фараонов. Называется эта змея урей. Урей зорко смотрит вдаль, и если на пути бога встретятся враги, он уничтожает их, испепеляя своими лучами.

Из вод океана вырос белый лотос. Бутоны раскрылись, и оттуда вылетел бог солнца Ра, который принес миру долгожданный свет. Увидев Атума и его детей, Ра заплакал от радости. Его слезы упали на землю и превратились в людей.

Шу женился на Тефнут. У них родились дети, вторая божественная пара: бог земли Геб и богиня неба Нут. Геб и Нут очень любили друг друга и появились на свет крепко обнявшимися. Поэтому в начале творения небо и земля были слиты воедино.

Но однажды Геб и Нут поссорились. Причиной ссоры

послужило то, что богиня неба пожирала своих детей — звезды. Разгневанный Геб напустился на свою супругу и принялся осыпать ее проклятиями. Желая положить конец их разладу, солнечный бог Ра велел Шу:

— Ступай и разлучи их! Раз они не могут жить в мире, пусть живут врозь.

Богу ветра ничего не оставалось делать, как выполнить приказ владыки. Он взмахнул руками, произнес заклинание, и в тот же миг по всей Вселенной разразилась страшная буря, завыл-забушевал ураган. Сколько ни противились Геб и Нут, сколько ни напрягали силы, ветер разорвал их объятия. Небо отделилось от земли. По всему океану зачернели маленькие острова и огромные материки, вздыбились горные хребты, потекли реки, и родившиеся из слез Ра люди с радостными криками покинули холм Бен-Бен и разбежались по зеленеющим долинам. Они построили города, воздвигли величественные храмы для богов и дворцы для вельмож, стали обрабатывать пашни и собирать богатые урожаи. Вокруг холма Бен-Бен они построили город Иуну, а на самом холме соорудили святилище солнечного бога Ра.

Наступил золотой век — время, когда люди и боги жили на земле совместно.

Такая версия сотворения мира провозглашалась жрецами города Иуну. Греки называли этот город Гелиополем, что означает «город, где поклоняются солнцу». Иуну был главным культовым центром солнечных богов Ра и Атума.

Однако в любом крупном городе был свой бог-покровитель, и почитался он там гораздо усиленной, чем во всех других городах Египта. Жрецы-служители такого божества стремились придать его культу как можно большее значение для всей страны, сделать роль своего бога в общегосударственной религии как можно более важной. Для этого они, помимо всего прочего, разрабатывали свои собственные учения о сотворении мира, по которым именно их бог считался творцом и прародителем всех наиболее популярных богов Египта — Шу и Тефнут, Геба и Нут и богов, рожденных ими.

В древнейшей столице Египта, городе Хет-Ка-Пта¹,

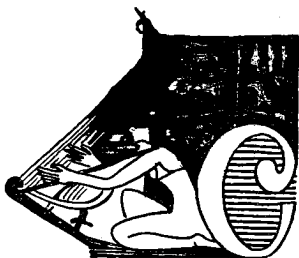
¹ Хет-Ка-Пта — «крепость души Птаха». По-видимому, от этого названия произошло и название всей страны: греческое «Айгюптос» и затем современное «Египет». Сам город Хет-Ка-Пта греки называли Мемфисом.

творцом мира считался бог Птах (или Пта), покровитель ремесел и искусств. Птах создал себя сам, затем создал Атума, — а уже Атум творил мир, действуя «согласно воле Птаха». Птах, кроме того, наделил богов могуществом, «вдохнул в людей жизнь», дал людям законы и письменность, сообщил им все магические заклинания, научил их поклоняться богам, орошать поля, строить дома, высекать статуи и так далее.

В городе Шмуну популяризировалось иное учение: в первозданную тьму Хаоса влетела белая птица Великий Гоготун. Она снесла яйцо, в котором был свет. Этот свет и дал начало жизни.

Самое замечательное, что при таком обилии противоречащих друг другу учений не было ни одного учения, вера в которое считалась бы обязательной. Понятий «ересь», «еретик» — не существовало, и никто не подвергался преследованиям со стороны жречества за «ложную, неправильную веру». Даже одна и та же легенда о сотворении мира могла существовать сразу в нескольких вариантах. Так, версия, что люди родились из слез Ра, не была единственной в учении жрецов города Иуну. По другому мифу, людей вылепил из глины на гончарном круге бараноголовый бог Хнум.

*Бегство
Тэфнут
в нубийскую
пустыню*

частливо жили египтяне. Бог Шу приго-

нял им дождевые тучи, богиня Тэфнут поливала пашни, щедрый Хапи удобрял поля, а великий Ра согревал землю своими лучами. Люди не переставали благодарить богов за неслыханно богатые урожаи. Они распевали гимны в храмах, украшали статуи богов цветами, поливали жертвенники пальмовым вином и благовонными маслами. Всем казалось, что жизнь всегда будет радостной и сытой. Откуда людям было знать, что уже в недалеком будущем на них обрушатся величайшие бедствия — засуха и мор.

А причиной этому послужила ссора, неожиданно вспыхнувшая между Тэфнут и Ра.

Гордая богиня дождя принимала от людей жертвенные дары и слушала сладкозвучные хвалебные песнопения в свою честь. Но вдруг на холме Бен-Бен, в храме солнца, зазвучала музыка. Это земледельцы благодарили лучезарного Ра за свет и тепло, которые он дарит Черной Земле.

И лицо богини сразу помрачнело. Ей показалось, что, хотя египтяне и поют ей каждый день о своей любви, все-таки гораздо больше почестей достается солнечному богу.

— Как же так! — нахмурилась она. — Солнце иссушает почву, и, если б не мои дожди, ни одно зерно, брошенное под соху, не проросло бы.

— Ты неправa, — рассудительно возразил ей бог солнца, случайно услышав ее слова. — Посмотри на землю: по всей реке люди построили дамбы, плотины и оросительные каналы. Они сами питают поля водой, если нет дождя. Но что бы они делали без моих лучей?

— Ах так? — вскричала оскорбленная богиня. —

Ладно! Раз мои дожди никому не нужны, я навсегда покидаю Та-Кемет!

Она превратилась в львицу и бросилась бежать, грозно сверкая раскаленными, как угли, глазами и оглашая горы лютым рычанием.

— Остановись! — закричал ей вслед солнечный бог.

Но Тефнут не слушала его. Она неслась, едва касаясь земли, и вскоре скрылась из виду.

Поняв, что взывать к строптивой богине бесполезно, Ра замолчал. «Что же делать? — в ужасе подумал он, встревоженным взглядом окидывая побережье Нила. — Ведь с ее уходом на землю обрушится смертоносная засуха, которая погубит всех людей, а ведь они ничем не провинились!.. Надо во что бы то ни стало вернуть эту своенравную гордичку».

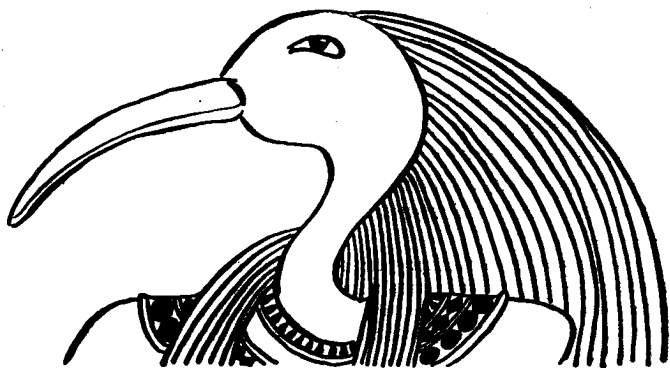
— Тефнут! — крикнул он в последний раз, но в ответ услышал лишь собственное эхо. Оно зловеще прохохотало в ущелье, и горы погрузились в безмолвие, такое же мрачное, какое миллионы лет назад царило в океане Нуне.

Солнце между тем палило все сильнее, и вскоре жара сделалась уже совершенно невыносимой. К вечеру земля на побережье ссохлась, стала твердой, как камень, пожухла трава на заливных лугах, заметно обмелели колодцы. А ночью налетел огнедышащий ветер-суховей и обрушил на города тучи раскаленного песка, принесенного из пустыни. Только к утру песчаная буря наконец утихла, и люди смогли выйти из домов. Многим пришлось вылезать через окно и отгребать песок от дверей — иначе их было не открыть. Густой слой песка покрывал сады, огороды, крыши, а плодовые деревья, еще вчера зеленые и свежие, были теперь как мумии с сухими скрюченными руками-сучьями.

Час спустя в городе Иуну, на рыночной площади, собралась огромная толпа. Люди возбужденно переговаривались, спорили. То один, то другой украдкой кидал взгляд на небо: не покажется ли из-за гор хоть маленькая дождевая тучка? Но небо сияло бездонной, безнадежной голубизной, а солнечные лучи жгли все сильнее, так что невозможно уже было оставаться на открытом месте. Вскоре толпу облетела страшная весть: пересох Нил.

— О великая Тефнут! Чем мы прогневали тебя?! — в отчаянии воскликнули люди.

И они двинулись всей толпой в храм, надеясь умиловить богиню влаги щедрыми дарами и песнопениями.

Между тем Ра пришел в Золотой Чертог — земной дворец богов.

Золотой Чертог был так великолепен, что с ним не могло сравниться ни одно здание, построенное людьми. Даже храм Мемфиса с громадными статуями богов и жертвенниками показался бы рядом с Чертогом ветхой лачугой бедняка. Сам бог Птах, покровитель ремесел, зодчества и живописи, воздвиг этот Чертог. И это поистине было творение, достойное великого бога! Все здание окружали исполинские колонны в виде связок папируса и бутонов лотоса, снизу доверху изукрашенные резными надписями, прославляющими могущество Ра. У входа высились два обелиска, врезавшиеся в самое небо верхушками с золотыми пирамидками. Эти пирамидки отражали солнечные лучи, рассыпая вокруг дворца сияющие искры зайчиков. Тут же стояли сфинксы, увенчанные красно-белыми царскими коронами. Их постаменты обвивали гирлянды живых цветов.

Главной и самой большой комнатой в Чертоге был тронный зал. Туда и прошел Ра. Он сел на свой золотой трон, взял в руки жезл и бич о трех плетях — символы власти, принял царственную позу и стукнул жезлом о пол, призывая слуг.

Еще не замерло эхо в гулких сводах Чертога, а уж слуги появились и пали к ногам божества.

— Что тебе угодно, владыка? — с молитвенно воздетыми руками вопрошали они.

— Приведите ко мне лунного бога Тота! — властно сказал Ра. — У него воистину мудрое сердце!¹

Слуги низко поклонились и ушли. Через несколько минут перед тронном солнечного бога предстал Тот. Это был высокий, хоть и немного сутулый, мужчина с бронзово-смуглым телом; только голова у него была не человеческая, а птичья — голова ибиса: изогнутый длинный клюв и блестящие глаза, похожие на виноградины. Он был в одной набедренной повязке, да голые плечи прикрывал полосатый праздничный платок.

— Здравствуй, Тот, — сказал Ра. — Нужно ли тебе рассказывать, что произошло?

¹ По древнеегипетскому поверью, ум находился в сердце. Однако египтяне знали о назначении мозга, поэтому слова вроде «у него сердце мудрое, как у Тота» они скорее всего понимали в том же смысле, в каком мы понимаем выражения «доброе сердце», «любить всем сердцем» и т. п.

— Мне все уже известно,— ответил Тот с почитительным поклоном.

Ра кивнул. Он знал, что от мудрого сердца Тота не укроется ничего, даже тайные помыслы богов. Недаром Тот считался покровителем знаний, мудрости, медицины и колдовства, недаром ему известны все волшебные слова и чудодейственные заклинания. Ни один египетский писец, ни один школьник не приступит к работе, не помолившись Тоту.

— Ты хочешь, чтобы я привел Тефнут из Нубии? Ибо она убежала в нубийскую пустыню,— сказал Тот, задумчиво вертя в руках пальмовую ветку — символ владычества над временем.

— Да,— сказал Ра.— Но учти: богиня эта очень самолюбива и могущественна. Она приняла облик лютый львицы. Силой ее назад не привести. Одолеть ее гнев можно только умом и хитростью. Поэтому я и обратился за помощью к тебе.

— Хорошо,— поклонился Тот.— Я исполню твой приказ. Я верну беглянку.

Сказав это, он превратился в маленького павиана и вышел из Чертога.

Долго бродил по нубийской пустыне Тот, очень долго, но наконец ему удалось найти Тефнут. В облике львицы богиня дождя охотилась на антилоп. Приблизившись к ней, Тот поклонился и сказал:

— Здравствуй, могучая львица! Ра и все боги пребывают в великой печали, ибо ты покинула Та-Кемет. Внемли же моему совету: не таи в сердце гнев, забудь свою обиду и вернись домой.

— Убирайся прочь, маленький ничтожный павиан! — зарычала свирепая Тефнут.— Я не желаю тебя слушать. Уходи, или я растерзаю тебя в кровавые клочья!

Тот понял, что против ярости Тефнут все разумные доводы будут бесполезны. Поэтому он решил прибегнуть к лести. «Кто очень силен, обычно бывает и очень глуп,— подумал он, усмехаясь про себя.— А глупый охотно верит в любую льстивую ложь!.. Однако надо быть осторожным. Нельзя докучать ей настойчивыми угрозами. Вон какие у нее острые клыки!»

— Не трогай меня, львица! — произнес он вкрадчиво и как бы виновато.— Я знаю, что ты — самая прекрасная и самая могущественная из богинь!.. Но объясни мне:

почему ты, такая сильная, боишься меня — маленькую слабую обезьянку? Почему ты испугалась? Я этого не понимаю.

— Я-а?! Тебя?! Боюсь?! — опешила львица и села с вытаращенными глазами и широко открытым ртом.

— А разве не так?! — Тот в свою очередь изобразил на лице недоумение. — Но, богиня, рассуди сама! Если в дом человека заползет скорпион, человек сразу его убьет: прихлопнет сандалией как только заметит. А почему? А потому что человек, хоть он и сильнее скорпиона, все-таки боится его: боится, что скорпион его ужалит... Или змея: она боится, что ей причинят зло, и из страха нападает на всех, кто подойдет близко, даже на безобидных коров и лошадей. А большая корова боится маленького слепня и убивает слепня хвостом, едва он сядет ей на спину... И только владыка зверей лев — вот кто действительно могуч! Если к его логову случайно приблизится шакал или обезьяна, он даже не взглянет на них; а если он дремлет, то даже и не подумает проснуться, услышав шум. Потому что он не знает страха. Ему не нужно убивать, чтобы доказать свое могущество. Убивает лишь тот, кто не уверен в своей силе и потому боится.

Тефнут стало очень стыдно.

— Так знай же: я не боюсь тебя, слабая тщедушная обезьяна! — с налитыми кровью глазами взревела она, стараясь под этой свирепостью скрыть свое смущение. — Клянусь, я не трону тебя, потому что я — самая могущественная из богинь, и ты несколько мне не страшен!

Довольный первым успехом, Тот подавил хитрую улыбку и, придав своему лицу выражение безысходной грусти, сказал со вздохом:

— Великая и прекрасная богиня! Твой супруг Шу очень тоскует по тебе. А земля Та-Кемет погрузилась в безмолвие, какого еще не было со времен сотворения мира! — Печально закатив полные слез глаза, Тот многозначительно помолчал. — В твоих храмах больше не устраивают торжества, богиня. Твои жрецы облачились в траурные голубые одежды, твои алтари пусты, твои музыканты касаются струн, но струны не звенят под их пальцами.

Тот недаром считался непревзойденным мастером красноречия: свирепая богиня мало-помалу разжалобилась. Чем вдохновенней Тот описывал ей бедствия, терзающие ее родину, тем больше хмурилось ее лицо и тем сильнее

сжималось сердце от сострадания к людям, с которыми она, ослепленная беспричинным гневом, так жестоко расправилась. Богиня сама не заметила, как на глаза ее навернулись слезы. Это не укрылось от пронизательного Тота. Однако хитрый бог ничем не выдал своего торжества. Наоборот, придав лицу еще более скорбное выражение, он воскликнул:

— Но если ты забудешь свою обиду и вернешься в Та-Кемет, то вновь станет полноводным Нил¹, зазеленеют поля, заколосятся злаки! Ведь ты — самая прекрасная богиня. Только благодаря твоей милости существует жизнь на земле. Никто отныне не посмеет оспаривать у тебя право называться величайшей из богинь. Люди и боги веками не забудут, как ужасен твой гнев. Вернись в Та-Кемет. Люди уже достаточно наказаны. Ведь если ты не вернешься, они все умрут, — продолжал павиан Тот, видя, с каким нескрываемым удовольствием Тефнут слушает его льстивые речи. — А если не останется людей, кто же будет тебя хвалить, услаждать твой слух музыкой и пением, украшать цветами твои статуи в храмах? Кто будет славить тебя, называя самой великой, самой прекрасной, самой могущественной из богинь? Кто превознесет твою несравненную мудрость?.. Между прочим, о восхитительная владычица дождя, ты явила людям свое могущество, но ты пока ничем не доказала своей мудрости. Так докажи ее, и тебя будут славить еще больше!

— Как же мне это сделать? — озабоченно спросила львица.

— Нет ничего проще, — ответил павиан, — самым мудрым считается тот, кто умеет подчинять свои чувства велению рассудка. Разгневаться может и глупец и мудрец, но глупец, ослепленный гневом, становится рабом своего гнева. В пылу бешенства он сам не ведает, что творит, и все его поступки ему же оборачиваются во зло. Так глупый путник, когда заупрямится его осел, в ярости осыпает животное бранью, потом принимается нещадно хлестать его сыромятной плеткой и забивает до смерти, после чего ему приходится плестись пешком и, вдобавок, нести на себе поклажу, взвалив ее на плечи. Как видишь, богиня, гнев его самого превратил в осла. Можно также сказать, что гнев превратил его в раба, ибо переноска

¹ С возвращением Тефнут на родину египтяне связывали разливы Нила. Мистерии ухода и возвращения богини разыгрывались каждый год перед половодьем.

тяжестей — это занятие рабов. Изнемогая от жары, изрыгая брань и проклятия, глупец тащит тяжесть подобно длинноухому вьючному животному. В конце концов, когда идти становится невозможно, он бросает свое добро под куст и из последних сил добирается до города. Наутро он нанимает погонщика и приводит его в то место, где был спрятан груз, но все уже растащили воры. Глупец лишился своего осла, своих покупок, за которыми он ездил в другое селение, и надо еще платить погонщику за напрасное беспокойство. Мудрый же, в отличие от глупца, не раб своих чувств, но их господин. Когда его осел заупрямится, мудрый хоть и почувствует, что в его сердце закипает гнев, однако он не станет давать воли гневу. Даже если он очень торопится, он не станет бить осла, а решит дать ему отдых и, хоть потеряет на этом час времени, все равно доберется до города раньше, чем глупец. К тому же он сохранит и свое добро, и своего осла, и не должен он будет платить погонщику, и не придется ему тащить на плечах груз, изнемогая от жажды и жары... Великая Тефнут! — закончил павиан свою речь. — Слепленная праведным гневом, ты ушла из Та-Кемет, и люди увидели твое могущество. Но если теперь ты сумеешь победить свой гнев, люди поймут, насколько ты мудра. Вернись же на родину, львица. Помни: нет ничего дороже родины. Даже крокодил, когда он стареет, покидает чужбину и приплывает умирать в свой родной водоем. А люди говорят: лучше быть бедняком у себя на родине, чем богачом на чужой стороне.

Лесть маленького павиана и его разумные речи оказали действие на своенравную Тефнут. Богиня дождя решила вернуться в Та-Кемет.

Она уже собралась торжественно объявить свое решение Тоту, уже открыла было рот, как вдруг замерла, пронзенная внезапной мыслью.

— Как! — едва не закричала она, бледнея от злости. — Я ведь поклялась никогда не возвращаться! Я считала, что нет такой силы, которая заставила бы меня изменить свое решение. Я не послушалась бы и самого Ра, если б он пришел за мной, — и вдруг какой-то маленький ничтожный павиан мало того, что чуть не сломил мою непреклонную волю, но еще заставил меня сокрушаться и жалеть людей! Меня, могучую, непобедимую львицу!.. Да я сейчас растерзаю эту наглую обезьяну!

Богиню охватила ярость. Вздвигнув гриву, издав рыча-

ние, от которого содрогнулась пустыня, она выпустила острые, как кинжалы, когти и изготовилась к прыжку.

Маленький павиан задрожал от страха.

— Богиня! — закричал он. — Вспомни о своей клятве! Ведь ты именем Ра поклялась не причинять мне зла!

Тефнут в нерешительности застыла.

— Хорошо, павиан, — прорычала она после некоторого раздумья. — Очень жаль, но ничего не поделаешь. Придется мне сдержать свое обещание. Однако не смей воображать, что ты взял надо мною верх! Это не ты заставил меня вернуться в долину Нила. Я сама решила так!

— Конечно! — горячо подтвердил Тот. — Разве может быть иначе? Разве кто-нибудь имеет власть над таким могущественным божеством, как ты? Ты решила вернуться на родину, и я восхищаюсь твоей мудростью! Я буду идти впереди твоего величества и буду развлекать твое величество песнями и плясками.

И они отправились в Та-Кемет.

Вернувшись на родину, Тефнут совершила торжественное шествие по городам. Жители Та-Кемет ликовали:

Ее величество возвращалась из земли Бугем,
Чтобы увидеть Нил египетский со всеми
чудесами Земли возлюбленной¹...

Приносятся ей жертвы из всяких
прекрасных вещей, быки и гуси...

Ударяют женщины в бубны для нее.

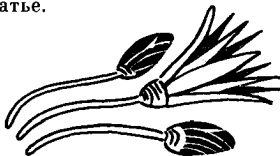
Возливали ей вино и приносили масло,

И венок золотой был обвит вокруг ее головы².

Наконец Тефнут встретила с Ра. Узнав о возвращении Тефнут, солнечный бог пустился в пляс. В честь богини дождя был устроен пир, который продолжался много дней подряд. В благодарность за услугу, которую Тот оказал солнечному богу, он тоже был приглашен на пир.

¹ «Земля возлюбленная» — одно из названий Древнего Египта.

² Перевод М. Э. Матье.

*Сказание
об истреблении
людей*

ного веков солнцеликий Ра жил и царствовал на земле. Ночной его обителью был белый лотос. Когда-то в стародавние времена этот священный цветок вырос в океане Нуне: он появился из солнечного луча, пронзившего воды океана. Ра спал в благоухающем бутоне, а утром, когда распускались лепестки, бог пробуждался и торжественно взмывал в небеса, озаряя Та-Кемет золотым сиянием своей короны.

И весь день до самого заката бог солнца, приняв облик сокола, парил над своими владениями и зорко следил с небес, все ли на земле благополучно. Иногда он опускался слишком низко. Тогда наступала засуха.

Править государством Ра помогали две богини, его дочери. Южная часть Египта находилась под покровительством богини-коршуна Нехбет. Имя «Нехбет» в переводе с древнеегипетского языка означает «розовый лотос». Цветок лотоса считался эмблемой южной части страны. Эмблемой же северного Египта был папирус, и покровительница севера, богиня-кобра, звалась по цвету папируса — Уаджет, что означает «зеленая».

Много-много столетий жизнь текла своим чередом, по раз навсегда заведенному порядку, установленному всемогущими богами. Лишь однажды, на триста шестьдесят третьем году правления Ра, против него возник заговор. В этом заговоре участвовали злые демоны, недруги солнца, покровители темноты и мрака. Превратившись в крокодилов, гиппопотамов и змей, они выступили в поход против солнечного бога. За ними шла целая армия таких же чудовищ — крокодилов и гадов. Врагов Ра египтяне всегда изображали в виде этих животных.

Но владыка Вселенной быстро навел порядок. Узнав о мятеже, он велел своему сыну Гору вступить в битву с заговорщиками. Гор принял облик крылатого солнечного диска, взлетел на небо и так стремительно обрушился оттуда на стан врагов, что те немногие демоны, которых Гор не успел пронзить своим не знающим промаха копьем, бежали без оглядки. В память о блестящей победе сына Ра нарек его именем Гор Бехдетский — поскольку сражение с демонами произошло у города Бехдет — и велел Тоту поместить изображение крылатого солнечного диска на всех храмах Египта.

И жизнь опять вошла в привычное русло. Столетие за столетием в Та-Кемет царил покой.

Но время сделало свое дело: великий Ра состарился. В крыльях его уже не было прежней силы, острые соколиные глаза перестали различать мелкие предметы, когда бог солнца взирал с поднебесной высоты на долину Нила, притупился слух, покрылись хлопьями седины голубые волосы. У всех богов волосы были голубого цвета — такие же, как небо в ясную погоду.

Однажды владыка мира, сидя в Золотом Чертоге на своем троне, обложенном пуховыми подушками, предавался горьким размышлениям о том, что могущество его иссякает.

— Как знать, смог ли бы я теперь разгромить армаду вооруженных демонов? — задумчиво проговорил он, устремив взгляд на расписной потолок Чертога.

И случилось на беду, что как раз в этот момент мимо дворца гнал упряжку быков один человек из близлежащего города. Услыхав, что сказал солнечный бог, этот человек вздрогнул, словно его хлестнули по спине бичом, боязливо втянул голову и ускорил шаг. Отойдя подальше от Чертога, он воровато оглянулся. Вокруг не было никого. Египтянин сел на землю и, подперев голову рукой, глубоко задумался. Вдруг глаза его прищурились и торжествующая улыбка выступила на лице. Он вскочил на ноги и бегом помчался в город.

А Ра и не подозревал, что его сокровенные мысли, которые он не решился бы открыть даже богам из своей свиты, стали, по собственной его неосторожности, известны людям. Как обычно, он позавтракал, с наслаждением съев изысканные яства, что принесла ему на серебряном блюде Утренняя Звезда, — сочные плоды, финики, мед, орехи; умылся водой из священного озера и взлетел

на небо. Снова ослепительные лучи его короны затопили Та-Кемет, снова защебетали птицы, распустились цветочные бутоны, потянулись навстречу теплу колосья и луговые травы.

Вдруг Ра заметил, что в городе царит какое-то непонятное оживление. Люди огромной толпой собрались на рыночной площади и что-то горячо обсуждали.

— Что там происходит? — удивился бог. — О чем эти люди так спорят?

Он вернулся в Чертог и приказал слугам немедленно привести к нему Тот.

— Ступай в город, узнай, что там случилось, а потом вернись и все мне расскажи, — велел он Тоту, когда бог мудрости и луны явился на его зов.

— Мне незачем туда ходить, я уже все знаю, — ответил Тот.

— Тогда рассказывай! — воскликнул Ра, в нетерпении взмахивая жезлом.

— Мне незачем и рассказывать, — так же спокойно ответил Тот. — Посмотри в окно.

Бог солнца повернулся к окну и оцепенел. Чего угодно он ждал, но только не того, что открылось его взору. Вдоль речной долины двигались полчища вооруженных воинов. Ярko блестя на солнце кованые щиты, развевались флаги, остро заточенные наконечники копий и стрел были нацелены в сторону дворца богов. Армия стремительно приближалась. Многие воины уже вскинули на изготовку туго изогнутые луки.

— Что это значит, Тот?! — едва смог выговорить бог солнца.

— Это значит, что они хотят тебя убить и захватить власть, — ответил бог мудрости. — Кто-то им сказал, что ты уже одряхлел и не можешь вступать в сражения. Вот они и решили, что им легко удастся тебя свергнуть.

— Ах вот как! — воскликнул Ра. — Ну нет! Я еще силен!.. Послушай, Тот. Отправляйся и приведи сюда немедленно всех богов. Я хочу знать, что они думают об этом. Пусть они скажут, как нам бороться с мятежниками.

Вскоре в Золотой Чертог явились Шу, Тефнут, Геб и Нут. Последней пришла любимая дочь Ра — богиня веселья, любви, пляски и музыки Хатхор. Это была совсем юная и очень красивая девушка, облаченная в голубые, ниспадающие до земли одежды. Голову ее украшала

корона в виде золотого диска и коровьих рогов. Эти коровьи рога символизировали небо: ведь египтяне часто изображали небеса в виде коровы со звездами на животе. Вокруг диска обвилась кобра-урей. Подняв голову, раздув шею и обнажив налитые ядом зубы, змея грозно шипела. В руке у Хатхор был систр — музыкальный инструмент, состоящий из гирлянд металлических кружочков. Когда богиня встряхивала систром, кружочки издавали мелодичный звон.

Войдя в тронный зал, все боги пали перед владыкой на колени.

— Что случилось? Зачем ты нас позвал? — спросили они.

— Случилось неслыханное! — воскликнул Ра. — Люди, которые родились из моих слез, платят мне теперь черной неблагодарностью. Я заботился о них, щедро дарил тепло их садам и пашням, а они нацелили в меня свое оружие и хотят меня убить. Посмотрите в окно! Вон они идут с воинственными криками. Коварные предатели!.. Ответьте же мне: что нам делать? Я бы, конечно, мог испепелить их всех своими лучами, но я решил сперва дождаться вас и выслушать ваши советы.

— Нет у тебя времени выслушивать наши советы! — закричал Геб. — Армия уже окружила Чертог. Злодеи вот-вот ворвутся сюда. Убей же их скорее, иначе будет поздно.

— Да, их надо проучить, — подхватил Шу, боязливо косясь в окно. — О владыка наш, великий Ра, зачем тебе нужны наши советы? Беспощадная расправа — вот наказание, которого они заслуживают. Если бы ты даже собрал всех мудрейших богов во главе с Тотом, и они бы три года думали, как усмирить мятежников, все равно они не придумали бы ничего другого. Убей людей.

— Что ж, — сказал Ра, — если нет другого выхода...

Он подошел к окну и резко распахнул его. В тот же миг толпа воинов с яростными криками бросилась на приступ. Забряцало оружие, тонко зазвенела тетива на луках, в воздух поднялась туча стрел.

Ра произнес заклинание. Кобра-урей, дремавшая на его короне, зашипела, раздула шею и сверкнула глазами. Из глаз змеи, подобно молниям, вылетели сотни раскаленных лучей. Стрелы мятежников вспыхнули и сгорели в воздухе, не долетев до окна. Потом загорелась трава. В одно мгновение все поле было охвачено огнем.

Толпа смешалась, но люди не кинулись врассыпную.

Они отступили, укрылись в горной расселине и продолжали из укрытия обстреливать дворец.

— Смотрите! — воскликнул Ра. — Они все еще не образумились! Горы надежно защищают их от лучей урея. — Он помолчал, испытующе глядя на богов. — Ну? Кто из вас может теперь сказать, что нам делать дальше.

— Пусть кто-нибудь из нас сам пойдет в горы и сразится с ними, — неуверенно предложил Шу.

— Кто?

Боги не ответили. Ра поочередно посмотрел им в лица, но каждый, встретившись взглядом с владыкой, тут же смущенно опускал глаза. Каждый понимал, что если сейчас сразиться с людьми, можно этим очень угодить Ра и снискать его особую милость. Но страшно было вступать в битву с такой огромной и хорошо вооруженной армией.

Ра нахмурился.

— Так кто же? — Он помолчал еще немного, затем пристально посмотрел на Геба. Геб весь съежился под взглядом властелина. Он понял, что из всех богов Ра выбрал его. Ужас обуял бога земли. Опустив глаза, он пролепетал.

— Пусть это будет... твоя дочь, богиня Хатхор!

Ра вздрогнул. В очах его сверкнули ненависть и досада, лицо помрачнело. Он не хотел подвергать свою дочь опасности. Но коварный Геб поставил его в безвыходное положение. Теперь Ра не мог отвергнуть предложение Геба, потому что этим он слишком явно бы показал свите, что готов пожертвовать кем угодно, лишь бы сохранить дочь. Властелину Вселенной это не к лицу: властелин должен быть суров и тверд, как гранитная скала. Бог солнца посмотрел на Хатхор и, подавив вздох, хмуро сказал:

— Иди же и убей их, дочь моя!

— Ты приказываешь это... мне? — переспросила Хатхор.

Можно было понять ее растерянность! Ведь она была богиней любви и добра, она привыкла веселить и ублажать людей. Она всегда помогала девушкам-невестам шить наряды к свадьбе, а женщинам — заботиться о семье и растить детей. Ее музыкой наслаждались от мала до велика все египтяне. И после этого она должна заняться убийствами, как свирепая дочь бога Птаха — богиня войны Сохмет!..

Сохмет?.. Едва только Хатхор вспомнила про Сохмет, как на ум ей пришла спасительная мысль. Она, конечно, не

могла послушаться приказа владыки, несмотря даже на то, что он был ее родным отцом. Но она не могла и выполнить этот приказ — во всяком случае до тех пор, пока она была доброй богиней Хатхор. Оставалось одно: перестать быть такой богиней.

Хатхор произнесла волшебное заклинание и тут же превратилась в Сохмет.

А Сохмет, дочь Птаха, покровителя искусств и ремесел, который построил Золотой Чертог, была богиней грозной, не знающей ни жалости, ни сострадания. Гнев ее был страшен: он приносил засухи, эпидемии и мор. Египтяне боялись эту богиню до ужаса и потому изображали ее в виде лютой львицы или женщины с львиной головой. Нельзя было без содрогания смотреть даже на статуи Сохмет.

Вот в какое чудовище превратилась добрая богиня Хатхор! В свирепую львицу.

С кровожадным рыком львица ринулась в горы, где затаились люди. Крик ужаса прокатился по горным склонам и ущельям, когда египтяне увидели приближающуюся богиню. Никто даже не выпустил стрелы в Сохмет, никто не метнул в нее копьа — все побросали оружие и обратились в бегство.

Но разве можно убежать от разлютовавшейся львицы? Сохмет в два прыжка настигла людей и принялась безжалостно их терзать, орошая поля и горные склоны кровью и разбрасывая вокруг себя куски окровавленного мяса.

Ра, стоя у окна, молча наблюдал это побоище. Боги столпились у него за спиной и тоже смотрели вдаль, как замороженные.

— Они уже достаточно наказаны, эти бунтари! Они больше никогда не причинят тебе зла. Пощади людей! — вдруг взмолилась небесная богиня Нут, не в силах больше выносить страшное зрелище.

— Ты права, — согласился Ра. — Сохмет, богиня! — окликнул он бегущую львицу. — Оставь их и уходи. Ты уже выполнила то, что я тебе велел.

Львица обернулась.

— Ну уж нет! — свирепо прорычала она, оскалив окровавленные клыки. — Я уничтожу их всех до одного! Хочу досыта напиться кровью этих злодеев.

— Уходи! Я — владыка мира, я создал людей, и только я один имею право решать, жить им или нет. Повелеваю: уходи!

Но упрямая Хатхор-Сохмет не послушалась отца. Ей

очень понравилось пить человеческую кровь. Жажда мести заглушила в ней голос разума. Она вновь набросилась на людей. Полные ужаса египтяне убегали вверх по Нилу, а львица неотступно их преследовала и не давала пощады никому.

Видя, какую бойню учиняет его любимая дочь, Ра понял, что конца этой кровавой битве не будет, что уговаривать Сохмет бесполезно. Бог солнца не на шутку встревожился. Его гнев на людей окончательно прошел.

— Что нам делать? — воскликнул он.

Ответом ему было растерянное молчание.

— Ведь она убьет всех людей! Не останется ни одного! — в отчаянии закричал Ра.

Вдруг в окно впорхнула черная белогрудая птица с длинным клювом. Это был ибис, священная птица бога Тота. Ибис встряхнул перьями — и перед тронем Ра предстал сам бог мудрости, луны и письменности Тот.

— Я научу вас, что делать, — сказал он своим рассудительным, невозмутимым голосом. — Прежде всего, владыка, погаси свои лучи. Пусть наступит ночь.

Ра погасил лучи. Смолкло пение птиц; ночной мрак окутал долину Нила.

— Теперь, — продолжал Тот с каменным спокойствием, — теперь пошли своих рабов-скороходов к верховью Нила, на остров Элефантину. Там в горах есть каменоломни, а в каменоломнях тех находится рудник, и в этом руднике очень много красного минерала «диди». Пусть твои гонцы наберут полные мешки этого диди и принесут сюда.

— Я все понял! — закричал Ра. — Воистину, Тот, ты — мудрейший из богов!.. Зовите же, зовите поскорее гонцов!

Вскоре гонцы по приказу Ра умчались на остров Элефантину. Боги, сидя в Чертоге, с нетерпением дожидались их возвращения.

Гонцы вернулись через несколько часов, неся полные мешки диди.

— Теперь, — воскликнул Ра, — отнесите это все на мельницу! Пусть мельники истолкут красный камень в порошок, а их рабыни пусть сварят как можно больше ячменного пива.

И опять потянулось томительное ожидание. Боги взволнованно ходили по залу. Один только Тот ничем не выказывал своего волнения.

К утру владыке Вселенной наконец доложили, что пиво сварено. Целых семь тысяч сосудов. Ра вскочил с трона.

— Скорее же, не медлите! Насыпьте в пиво толченого красного порошка диди и вылейте сосуды на поля!.. Теперь люди будут спасены,— добавил бог, с облегчением вздыхая.

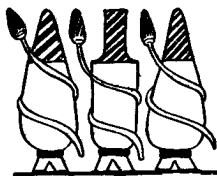
Повеление Ра было незамедлительно исполнено: пиво, смешанное с порошком, вылили на поля. Долина Нила покрылась лужами кроваво-красного цвета. Ра взмахнул крыльями и взлетел на небо. Наступило утро.

Солнце и птичье щебетание разбудили львицу Сохмет, дремавшую в ущелье. Богиня зевнула во всю ширь своей клыкастой пасти, продрала заспанные глаза и увидела алые лужи. Взгляд ее хищно засверкал. Она тут же бросилась пить окрашенное пиво, приняв его за кровь.

На славу трудились ночью мельники и пивовары! Пиво получилось очень вкусное. Сохмет лакала его, лакала, выпивала лужу за лужей — и не могла насытиться. Вскоре голова у нее закружилась, взгляд сделался мутным, ноги перестали слушаться. Она так опьянела, что уже не только забыла про людей, но и не видела ничего вокруг. Тут к ней подошел бог солнца и сказал:

— Успокойся, любимая моя дочь. Прими свой прежний облик — облик доброй богини Хатхор — и ступай отдыхать в Чертог богов. Люди никогда не забудут, как жестоко они поплатились за свою дерзость. Отныне все жители Та-Кемет будут чтить тебя еще больше и каждый год будут устраивать праздник в твою честь.

С тех пор египтяне каждый год в день праздника Хатхор приносят в храмы кувшины с пивом и пальмовым вином и ставят их к изваяниям любимой дочери солнечного бога.

Как Ра покинул землю

огда бог солнца спас египтян от расправы, которую учинила над ними свирепая львица Сохмет, он снова созвал богов и пожаловался им:

— Устал я царствовать. Силы мои иссякают с каждым днем. Поэтому я решил покинуть землю.

— Что такое ты говоришь?! — запротестовали боги. — Нет равных тебе в могуществе! Кто дерзнет оспаривать твой трон после того, как ты расправился с целой армией бунтовщиков?

— Мне лучше знать! — сурово возразил владыка Вселенной. — Если я останусь на земле, то рано или поздно придет время, когда мне уже будет не под силу сражаться, и какой-нибудь бог или демон свергнет меня с престола. Поэтому я улечу на небеса.

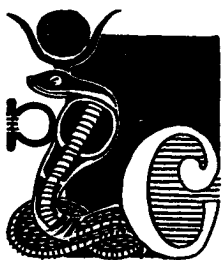
— Что ж, будь по-твоему, владыка, — печально согласились боги.

Тогда небесная богиня Нут превратилась в корову. Ра сел на ее спину и торжественно сказал:

— Вознеси меня на небо! Там я буду царствовать над миром. Но пусть мои враги — крокодилы, змеи и гиппопотамы — знают: хоть я и удаляюсь с земли, я все равно остаюсь властителем Вселенной. Я буду безжалостно пресекать все зло, которое они замыслият. Земной же престол я передаю Гебу. Поклонитесь ему, боги: отныне он ваш повелитель и царь.

Сказав это, Ра вручил Гебу царский жезл. Нут, принявшая облик коровы, стремительно взмыла ввысь, унося великого солнечного бога.

Так закончилось земное царствование Ра. Наступила новая эпоха золотого века — эпоха царствования Геба.

Путешествие солнечной Ладьи

тех пор, как могущественный властелин

богов вознесся на небо, в мире все изменилось.

Ра уже не летал, как прежде, над землей и не ночевал в священном лотосе. Но несмотря на это солнце все так же сияло днем, гасло вечером и вновь вспыхивало утром. Боги — Ра и его свита — теперь перевозили солнечный диск в Ладье. Эта Ладья называлась «Ладьей Вечности»¹.

Днем она плыла по небесному океану с востока на запад, и солнце освещало землю. Обратный же путь — с запада на восток — Ладья проделывала ночью: она плыла под землей через Загробный Мир, и солнце дарило тепло своих лучей мумиям, лежащим в саркофагах. На рассвете Ладья через пещеру в восточных скалах вновь выплывала на небосвод, и все повторялось сызнова — изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие.

Много опасностей подстерегало богов, плывущих в Ладье Вечности, много удивительных приключений переживали они во время путешествия. Вот как проходило это путешествие.

Гребцы взмахнули веслами. Ладья Вечности выплыла из пещеры на небо и легко заскользила ввысь, вспенивая острым носом воду небесного океана.

Ра, как и полагалось этому великому богу, восседал в шатре, на украшенном искусной резьбой золоченом троне. У трона была расстелена камышовая циновка, на которой, скрестив ноги, сидел бог-писец Тот. На коленях Тот дер-

¹ Точный перевод названия Ладьи бога солнца — «Ладья Миллионов Лет».

жал развернутый папирусный свиток, а по правую руку бога находились приспособления для письма — дощечка с красками и несколько тростинок.

Посреди Ладьи, разливая вокруг себя сияние, лежало солнце.

Вся свита владыки была здесь. На носу Ладьи, гордо развернув плечи и вскинув головы, стояли Маат и Хатхор. Головной убор Маат украшало пушистое перо. Это перо считалось символом справедливости. Ведь Маат была богиней справедливых законов и мудрого миропорядка, которому подчинялись все явления природы — и разливы Нила, и смена времен года, и движение созвездий на небесах. Зорко глядя вперед, Маат следила за соблюдением законов. В этом ей помогала Хатхор. Завидев на пути Ладьи врагов, она тут же превращала их в пепел лучами своего урея.

Возле трона стоял, держа копьё, сын Ра, бесстрашный Гор Бехдетский, готовый в любой момент по приказу отца ринуться в бой и сокрушить злых демонов.

Но небо было чистым. Не хмурились у горизонта тучи, нигде даже не было видно ни единого облачка. «Сегодня плавание будет спокойным,— подумал Ра.— Все исчадия зла — крокодилы, змеи и гиппопотамы — попрятались в пучину Нила. Там они залечивают раны после вчерашней битвы».

Ра вспомнил бой, который пришлось выдержать богам вчера. Сражение выдалось на редкость долгим и кровопролитным. Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые гады застали экипаж Ладьи врасплох. Они подкараулили Ладью у самой пещеры, и едва только она выплыла на небо, кинулись на нее со всех сторон и вцепились в борта, стремясь перевернуть. Один из крокодилов разинул пасть и хотел уже было проглотить солнце. Если бы ему это удалось, наступило бы солнечное затмение. Но Гор Бехдетский пронзил копьём зубастое страшилище.

И все-таки армия злых демонов была слишком многочисленна. Вскоре они начали одолевать богов. Поэтому на земле вчера разгулялось ненастье: выл-бушевал ураган, кудлатые тучи затянули небо и метали молнии.

Исход сражения решился только под вечер. Демоны раскачали Ладью, кое-где прогрызли зубами днище, так что в пробоины стала затекать вода, но боги, собравшись с силами, возобновили бой — и вражьи ряды дрогнули. Истекая кровью, ползучие твари отступили и попрятались

под водой. Только это и спасло их от расправы. В Та-Кемет снова установилась ясная погода.

Глубоко задумавшись, Ра сам не заметил, как Ладья подплыла к зениту, миновала его и повернула вниз, к западным горам. Гребцы перевели дыхание. Кормчий пошевелил веслом и немного развернул Ладью.

Впереди, в предзакатном мареве, чернел силуэт западного горного хребта. За кормой остались города, селения, храмы, луга с пасущимися стадами и полноводный Нил. Внизу была пустыня.

Увидев приближающуюся Ладью, священные горные павианы запели приветственный гимн:

Великий Ра!

· Ты сотворил птиц, зверей и растения.
Мы воздаем тебе хвалу!
Мы услаждаем твой слух
Мелодичным пением
И пляшем для тебя.

Ладья подплыла к каменным воротам и остановилась.

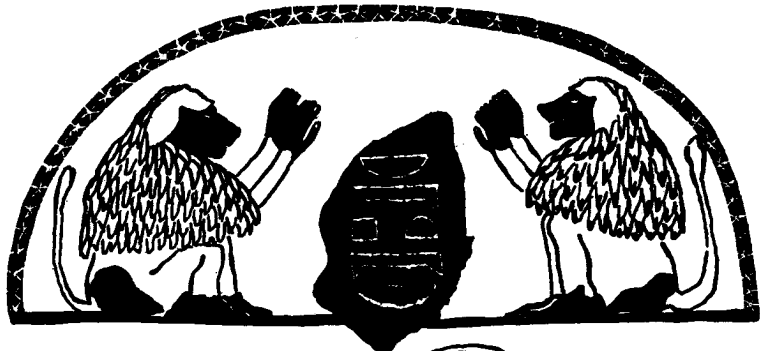
Из пещеры, сверкая глазами, выполз огнедышащий змей по имени Страж Пустыни. За ним следовали бог Нехебкау, имеющий человеческое туловище и змеиную голову, и бог-волк Упуаут. Это были привратники. Они охраняли вход в Загробный Мир.

Нехебкау и Упуаут взошли на Ладью и присоединились к свите Ра, чтобы сопровождать солнечного бога во время ночного плавания.

Та часть Нила, что протекает под землей, разделена двенадцатью воротами на двенадцать участков, и каждый участок Ладья Вечности должна проплыть строго в определенный час. Все врата охраняются чудовищами. Для того чтобы неумолимые стражи пропустили Ладью, надо знать магические заклинания. Эти заклинания известны только Упуауту. Поэтому бог-волк носит титул «Открыватель путей».

— Отверзни свой Загробный Мир для Ра! Открой врата Обитающему на горизонте! — воскликнул Упуаут, обращаясь к Стражу Пустыни.

Раздался оглушительный грохот. Каменные глыбы, преграждающие путь в пещеру, расползлись в стороны. Ладья миновала вход в Преисподнюю, и врата опять захлопнулись.

Гребцы налегли на весла. Ставить парус не имело смысла: в Загробном Мире нет воздуха, потому что бог Шу не может проникнуть туда. Чтобы умершие не задохнулись в своих гробницах, египтяне клали в саргофаги к мумиям маленькие деревянные фигурки Шу.

Когда Ладья миновала вторые врата, навстречу солнечному богу, приветствуя его, вышел бог урожая Непри. Его тело с ног до головы было обвито пшеничными колосьями. В Загробном Царстве Непри кормит души умерших, а на земле вместе с другими богами плодородия заботится о полях египтян. Жители Та-Кемет очень любят доброго Непри и в знак благодарности справляют в его честь праздники урожая.

Но вот и третьи врата Преисподней остались позади. Ладья Вечности плыла теперь мимо гробниц и захоронений. Солнце осветило богато украшенные погребальные камеры вельмож с расписными стенами, гранитные саркофаги и статуэтки богов — хранителей сна запеленутых мумий; и бедные погребения с истлевшими деревянными гробиками. Оживленные сиянием солнца покойники встали, с молитвенно воздетыми руками вышли навстречу Ладье и запели хором:

Слава тебе, Ра!..

Почитают тебя обитатели Дуата¹,

Поклоняются тебе обитатели Преисподней.

Восхваляют они тебя, грядущего в мире.

Ликуют сердца подземных,

Когда ты приносишь свет обитающим на западе.

Полны радости их сердца,

Когда они смотрят на тебя.

Все спящие поклоняются твоей красоте,

Когда твой свет озаряет их лица.

Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,

И каждый вновь ложится в свой гроб².

Ра властно взмахнул жезлом, и гребцы остановили Ладью. Бог солнца повернулся к поющим и сказал:

— Знайте и помните! Вы после смерти не превратились в прах, а воскресли для вечной жизни в Дуате только потому, что о вас заботятся люди, которые остались на

¹ Ду а т — одно из названий Загробного Мира.

² Здесь и в дальнейшем стихотворные переводы М. Э. Матве.

земле. Они чтут умерших, молят богов быть к вам милостивыми, посят жертвенные дары к вашим гробницам. И делая так, они спасают не только вас, но и себя. Ведь им тоже предстоит вскоре сюда переселиться, и если они сейчас не научат детей заботиться об умерших, то сами будут после смерти забыты, брошены и не смогут воскреснуть для вечной жизни.

Люди — это «божий скот», — продолжал Ра свою торжественную проповедь. — Я создал на земле четыре расы. Высшая раса — это египтяне. Только они настоящие люди, а все остальные народы — варвары. Вторая раса — это «белые», то есть ливийцы; третья — «желтые» — азиаты. Низшая раса — чернокожие нубийцы. Я, великий бог, установил этот закон, по которому египтяне должны быть выше всех народов¹.

Сказав так, Ра умолк, обвел толпу умерших величественным взглядом и дал знак гребцам трогаться в путь. Мумии улеглись в саркофаги, плача, что солнечный бог их так быстро покидает.

Прошло немного времени, и на пути Ладьи вырос огромный дворец, окруженный гранитными колоннами. Это был Великий Чертог Двух Истин — зал, где собиралось Загробное Судилище. Здесь боги подземного мира в присутствии владыки Преисподней Осириса судили умерших египтян за их грехи. Шакалоголовый бог Анубис одного за другим вводил покойников в зал. Мудрый Тот записывал приговоры на папирусе. У трона Осириса стояли Исида, Маат и другие боги и богини².

Так, участок за участком, Ладья Вечности плыла по подземному Нилу. Волк Упуаут, знающий магические

¹ Здесь приведен упрощенный пересказ проповеди Ра. Подобные поучения встречаются во многих религиозных текстах Древнего Египта. Жрецы и правящая знать старались внушить египтянам мысль об их «избранности»: только египтяне — люди, а все остальные — варвары. В это учение о собственном превосходстве над всеми народами и расами египтяне верили еще и потому, что в то время уровень развития их культуры был несоизмеримо выше, чем у других народов, населявших Африку, Средиземноморье и Ближний Восток.

² Подробно о суде Осириса будет рассказано в следующих главах. Не надо удивляться, что Тот и Маат одновременно находятся и в Ладье Вечности, и в Чертоге Двух Истин. Мифы следует понимать не буквально, а как многозначные символы. Маат, например, символизирует справедливость, — а справедливость есть и в приговорах Загробного Суда, и в законах, которым подчиняется мир и которые охраняет Ладья. Поэтому Маат должна присутствовать и там и там. Точно так же и там и там царит мудрость, которую символизирует бог Тот.

заклинания, заботился о том, чтобы стражи открывали врата перед Ладьей.

Близилась полночь¹. Свита Ра столпилась у трона. Только Маат осталась на носу Ладьи, да гребцы по-прежнему мерно взмахивали веслами. Солнце плыло на восток. По мере его движения бледнел и гас за кормой световой ореол. Зато впереди мрак рассеивался. Вскоре лучи высветили круто вздыбленные скалы, между которыми, уходя за поворот, извивалась подземная река.

— Боги! Я вижу пещеру Апопа. Приготовьтесь к бою! — воскликнул Ра.

Боги похватали оружие. Гор Бехдетский вскинул на изготовку свое не знающее промаха копьё. Упуаут и Нехебкау обнажили мечи. Урей на короне Хатхор раздул шею и воинственно зашипел.

Внезапно вода вспенилась, забурлила; река в одно мгновение превратилась в бешеный поток. Казалось, Ладья подплыла к водопаду. С ревом разбрызгивая пенные хлопья, поток несся вперед, увлекая за собой Ладью. Тут и там над водой чернели острые камни, похожие на клыки чудовища. Гребцы вонзили в клокочущую воду лопасти весел и с невероятным трудом остановили Ладью.

Потом вода исчезла. Словно ее и не было; только сухое каменистое русло напоминало о том, что еще минуту назад здесь текла полноводная река. Ладья проскребла грунт и легла на днище.

За скалой раздалось рычание, от которого с уступов с грохотом повалились камни.

Это рычал Апоп — повелитель злых сил, враг солнца — гигантский пестрый змей. Тело его в длину составляет 450 локтей². Каждую ночь Апоп подстерегает Ладью у подземных скал. Заметив ее, он разевает пасть и выпивает всю воду подземного Нила.

И каждую ночь бог Ра и его свита бьются с исполинским змеем, чтобы утром солнце снова взошло на небосвод.

— Дрожи, Апоп! Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! — закричали боги и кинулись сражаться с чудовищем.

Огнеглазый урей Хатхор метнул пучок раскаленных лучей, которые, словно стрелы, впились в тело змея. Гор

¹ По древнеегипетскому исчислению времени полночь наступала за час перед восходом солнца.

² 1 локоть = 52 см.

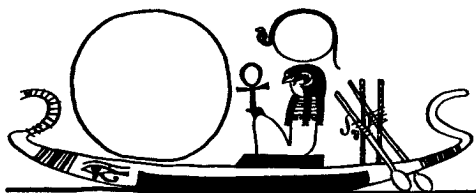
Бехдетский вонзил в него копьё. Упуаут и Нехебкау стали яростно рубить мечами извивающееся страшилище.

Змей взревел от боли. Из разинутой его пасти хлынула вода. Вскоре Ладья спокойно закачалась на волнах. Истекающий кровью Апоп уполз в пещеру. За день он успеет залечить раны и следующей ночью снова нападет на Ладью Вечности.

Одержав победу над змеем, боги запели:

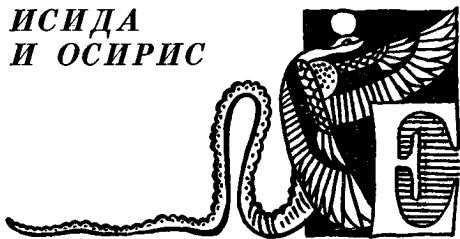
Силен Ра —
Слабы враги!
Высок Ра —
Низки враги!
Жив Ра —
Мертвы враги!..
Вознесся Ра —
Пали враги!..
Есть Ра —
Нет тебя, Апоп!

Ладья обогнула скалу, миновала последние врата Загробного Царства и вскоре причалила к подножию восточных гор. Боги и Ра умылись в священном озере и снова заняли свои места. Неутомимые гребцы взмахнули веслами — и Ладья Вечности выплыла на небо.

ИСИДА И ОСИРИС

Рождение Осириса, его братьев и сестер

еще до того, как Ра покинул землю и стал плавать в Ладье Вечности по небесам и по Царству Мертвых, богиня Маат создала времена года. Она разделила год на три равные части и дала им названия: время Разлива, время Всходов и время Урожая.

Затем Маат поделила все три времени года на месяцы, по четыре в каждом. Каждый месяц состоял из тридцати суток. Сутки же поровну делились между луной и солнцем. Таким образом, солнечный год был в точности равен лунному: и в том и в другом было двенадцать месяцев, триста шестьдесят дней.

Хранительницей этого порядка Маат назначила Луну.

Но круглолицая Луна не справилась с доверенным ей делом. Богу мудрости Тоту без особого труда удалось ее перехитрить и изменить миропорядок.

Все началось с того, что Ра однажды разгневался на богиню неба Нут за непослушание. Разгорелась ссора. Слепленный яростью бог воскликнул, потрясая кулаками:

— Знай же, непокорная ослушница: страшное наказание ждет тебя! Отныне и навеки я обрекаю проклятию все триста шестьдесят дней года. Ни в один из них ты не сможешь рожать детей и навсегда останешься бездетной!

Нут похолодела от ужаса. В отчаянии она заломила руки и пала перед владыкой на колени. Но поздно: проклятие уже было наложено. Солнечный бог, гордо тряхнув головой, повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Хлынул проливной дождь — это безутешно плакала убитая горем Нут. В мире все подчинено воле Ра. На все дни года великий бог наложил проклятие. Ей, Нут, не суждено иметь детей!

— И ничего нельзя сделать! Нет такой силы на свете, которая могла бы хоть что-то изменить! — в слезах причитала богиня, как вдруг услышала за спиной спокойный усмевающийся голос:

— Силы такой и вправду нет. Зато есть хитрость! Знай: ум — это нечто гораздо большее, чем сила. Там, где сила бесполезна, выручит ум. Ты скоро в этом убедишься.

Нут стремительно обернулась.

Перед ней стоял Тот. Бог мудрости, посмеиваясь, крутил в руках пальмовую ветвь.

— Ты сумеешь мне помочь? — спросила Нут с надеждой и в то же время недоверчиво.

— Да, — ответил Тот.

— А как?

— Я скоро вернусь к тебе, — сказал Тот с загадочной улыбкой. Он превратился в ибиса, вспорхнул и улетел.

Нут смотрела ему вслед до тех пор, пока Тот не скрылся из виду. Потом она опять расплакалась. Она не поверила Тоту. Разве можно что-нибудь сделать, если Ра наложил проклятие на все триста шестьдесят дней?! Просто Тот хотел ее утешить, обнадежить, вот и все...

Вздохнув, богиня печально побрела к западным горам.

А Тот между тем прилетел к хранильнице времени Луне. Добродушная Луна очень обрадовалась гостю. Ей было скучно одной среди неразговорчивых звезд. Редко случалось, чтоб кто-либо из богов навещал ее.

Луна усадила Тота на циновку, расставила перед ним изысканные кушанья: финики, медовые лепешки, орехи и кувшин пальмового вина.

— Угощайся, любезный гость, а заодно расскажи, что нового происходит в мире, — сказала она, села напротив Тота и приготовилась слушать.

Тот отведал яства, вежливо похвалил их и рассказал хозяйке все новости, умолчав только о ссоре Ра и Нут. Когда Тот умолк, Луна предложила:

— Давай теперь играть в шашки!

Ей очень не хотелось, чтоб Тот уходил. Но, кроме шашек, ей больше нечем было занять гостя.

А хитрый Тот только этого и ждал!

— Что ж, давай, раз тебе хочется... — протянул он как бы в нерешительности. — А на что мы будем играть?

Луна растерялась:

— Не знаю... Можно ведь играть просто так, ради удовольствия.

— Нет! — решительно возразил бог мудрости. — Это неинтересно! Игра должна быть азартной, — а разве будет азарт, если ничем не рискуешь в случае проигрыша?

— Но как же быть? — окончательно растерялась Луна. — Что я сделаю ставкой в игре? Ведь у меня ничего нет, кроме света, которым я по ночам освещаю небо.

— Вот и хорошо. Будем на него играть. Не на весь твой свет, конечно, — это слишком много. В лунном году триста шестьдесят дней. Возьми от каждого дня маленькую часть, затем сложи эти части вместе — они и будут ставкой.

— Я не могу этого сделать, — сказала Луна. — Я хранительница времени, и я не вправе отдать ни одного дня из лунного года.

— Да и не надо целого дня! Убавь от каждого дня по несколько минут — никто и не заметит... А впрочем, как знаешь, — холодно добавил Тот, встал с циновки и сделал вид, что собирается уходить.

— Подожди! — остановила его Луна. — Так и быть. Сыграем на мой свет. Но учти: я убавлю от каждого дня очень маленький кусочек, всего одну семьдесят вторую его часть. Если ты выиграешь партию, никто даже не заметит, что дни сделались короче.

Тот кивнул в знак согласия, и они уселись играть.

Наивная Луна! Она надеялась одержать верх над богом мудрости, но не тут-то было! Тот очень скоро выиграл партию, и Луне ничего не оставалось делать, как сдаться.

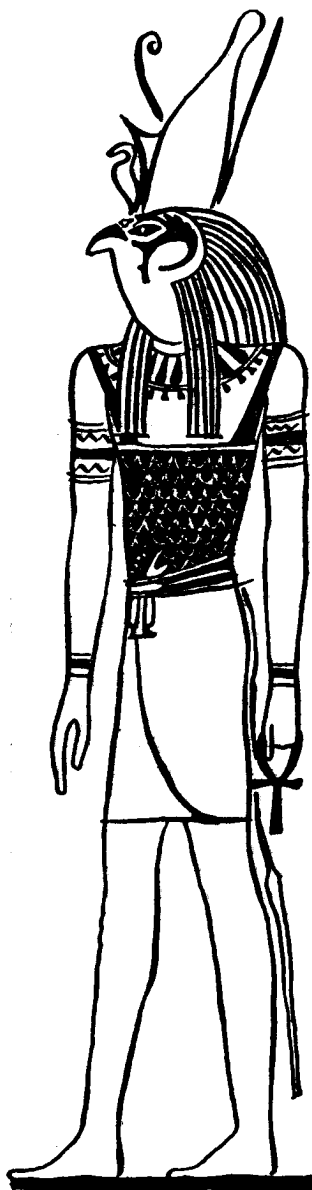
— Возьми свой выигрыш, он причитается тебе по праву, — проворчала Луна и смешала шашки на доске.

И тут только выяснилось, что как ни малы были отрезки времени, на которые простодушная Луна укоротила каждый из 360 дней года, в сумме ее проигрыш оказался очень велик: целых пять суток! Поняв, что она наделала, Луна в ужасе схватилась за голову. Но было поздно.

Заполучив свой выигрыш — пять дней — Тот прибавил их к солнечному году. С тех пор лунный год сделался короче: в нем осталось лишь 355 дней. А солнечный год увеличился, поскольку дней в нем стало 365.

Но самое главное, на пять лишних дней солнечного года не распространялось проклятие Ра! Ведь когда владыка Вселенной обрекал проклятию все дни года, их было только 360.

Правда, Ра немедленно проклял бы и эти новые пять дней и, вдобавок, наказал бы Тота за столь нахальную про-

делку. Но мудрый бог все предусмотрел заранее. Пять дней, которые он прибавил к году, он посвятил Ра. Не станет же владыка проклинать дни, посвященные ему самому!

Как Тот рассчитал, так и вышло. Узнав обо всем, Ра было осерчал и обрушился на бога мудрости, грозя ему всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Но когда Тот, покорно склонив голову, сказал богу солнца, что новые дни он посвятил ему,— Ра, задобренный таким богатым подарком, смирил гнев и простил Тоту его выходку.

Прошло немного времени, и вот в конце года, в те самые пять дней, на которые не было наложено проклятие, у Нут родилось пятеро детей.

В первый день на свет появился Осирис. Младенец заплакал так громко, что земля задрожала, а в небе вспыхнуло зарево, возвестившее о рождении величайшего бога.

Во второй день родился Гор Бехдетский.

В третий день родился Сет, бог пустыни, войны и стихийных бедствий. У малыша была звериная морда: красные его глаза сверкали злобой, и волосы его были тоже красными, как горячий песок пустыни.

День рождения Сета — третий предновогодний день — считался в Та-Кемет несчастливым. Фараоны и придворные сановники не занимались в этот день государственными делами, не принимали никаких важных решений и не допускали к себе иноземных послов.

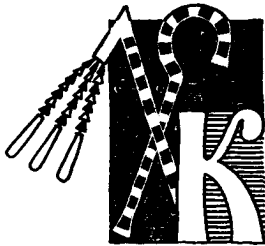
Четвертый день был днем рождения доброй богини Исиды.

И наконец, в пятый день родилась ее сестра Нефтида.

Все это произошло в те времена золотого века, когда Ра уже вознесся на небо, а землю правил Геб¹.

¹ В разных областях Древнего Египта слагались разные легенды, которые часто друг другу противоречили. Вот почему в одном мифе говорится, что Гор Бехдетский родился в эпоху царствования Геба, тогда как по другому мифу он уже в эпоху царствования Ра сражался с бунтовщиками в образе крылатого солнца.

Земное царствование Осириса

Когда Осирис вырос, он унаследовал трон Геба и стал царем Та-Кемет. Египтяне в то время были еще народом диким и темным, как племя кочевников. Они не знали целебных трав, не умели лечить самые простые болезни и часто умирали еще в молодости. У них не было ни письменности, ни законов. Селения враждовали друг с другом, и вражда то и дело выливалась в кровавые побоища. В некоторых областях люди не умели готовить мясо и ели его сырым, а кое-где даже процветало людоедство.

Поэтому Осирис, став царем, решил, что прежде всего нужно дать народу знания.

Это было нелегкой задачей, но Осирис успешно с нею справился. Он разъяснил людям, какие поступки благородны, а какие нет, установил с помощью бога Тота справедливые законы, научил египтян строить плотины и ирригационные каналы, чтобы земледельцы могли в засушливые годы орошать поля. Это избавило страну от засух и голода.

Мудрый Тот старательно помогал Осирису в его деятельности. Он дал людям письменность, обучил их медицине, астрономии, математике и другим наукам.

Осирис и Тот правили в Та-Кемет, не допуская насилия и кровопролитий. Боги не учиняли расправы над теми, кто не хотел их слушаться. Они решили, что воспитывать этих полудиких людей нужно не устрашением, а мудрыми, убедительными речами, добротой и, главное, хорошим примером, который они сами подавали им. Это были лучшие дни золотого века!

Когда все жители Та-Кемет стали грамотными, и по

всей стране установился угодный богам порядок, Осирис решил обойти соседние страны, поскольку другие народы все еще прозябали в варварстве. В сопровождении музыкантов и певцов Осирис отправился в путешествие и вскоре преобразил весь мир так же, как некогда преобразил Та-Кемет. Ни разу не прибегнув к насилию, покоряя сердца людей только красноречием и добром, Осирис подчинил себе большинство племен.

Покуда бог путешествовал, в Та-Кемет правила его жена Исида. Она была богиней колдовства и магии. Вместе с Тотом Исида научила людей совершать религиозные обряды, творить чудодейственные заклинания и делать амулеты, спасающие от бед. Кроме того, добрая богиня научила женщин вести домашнее хозяйство.

Прошло двадцать восемь лет с тех пор, как Осирис стал царем. За годы его царствования Египет изменился до неузнаваемости. Города увеличились во много раз, перекинулись с черной плодородной земли на пески, а окраины дотянулись уже до самого восточного предгорья. Там, на окраине, стояли роскошные усадьбы вельмож. Ближе к берегу селился незнатный люд: тесно лепились друг к дружке дворики с небогатыми лачугами из кирпича-сырца. Крыши на этих лачугах были тростниковые, обмазанные илом. Зной быстро превращал ил в засохшую корку, — поэтому каждый год после половодья египтяне везли с реки новый ил и обмазывали крыши заново.

Так выглядели города на восточном берегу Нила. А западная часть любого города принадлежала мертвым. Там египтяне хоронили тех, кто ушел в Дуат. Боги еще не научили людей делать мумии, поэтому тела, облаченные в погребальное убранство, просто клали в деревянные футляры и закапывали в песок. Только высекатели саркофогов и гробовщики жили за рекой, около своих мастерских. Суда доставляли им гранит и песчаник из каменоломен и кедровые бревна из чужеземных стран. По ночам на западном берегу уныло плакали шакалы, священные животные бога Анубиса.

С раннего утра в городе закипала жизнь. Пчеловоды торговали на площадях медом, пекари — пышным хлебом и лепешками, пивовары разливали в кружки пахучее ячменное зелье; гончары, высекатели статуэток и другие ремесленники горласто нахваливали свои товары. Кто-то возделывал деревья в саду, чинил запруды в оросительных каналах либо брал челнок и отправлялся на реку рыбачить.

Так продолжалось до полудня, покуда Ладья Вечности не достигала зенита. В полдень жара делалась уже невыносимой. Тогда все прятались в тень, в дома или пальмовые рощи, и отдыхали. А к вечеру горожане вновь собирались в людных местах или принимались каждый за свою работу.

Вдали, у подножия гор, красовались дворцы богов...

Повсюду звучала музыка. Лишь в одном из дворцов окна были плотно занавешены, двери заперты, а вдоль плетеной изгороди, окружавшей сад, бродили хмурые стражники, вооруженные копьями и мечами. Это был дворец Сета.

В главном его зале горели факелы, освещая богатое убранство. Посередине стоял стол с винами и кушаньями, а вокруг стола, удобно расположившись в креслах с резными подлокотниками, золотыми спинками и ножками в виде львиных лап, сидели царица Эфиопии Асо и семьдесят два демона. Сборище возглавлял Сет.

Затаив дыхание, все ждали, что он скажет.

— Смерть! — сказал Сет и зловеще сверкнул алыми глазами.

— Да, только его смерть избавит нас! — согласилась царица Асо. — После того, как смутьян побывал в моей стране, мои подданные больше не хотят воевать с соседями, грабить их города, захватывать в плен рабов, увеличивать мои богатства!

— Он должен умереть! — закричали демоны.

— Да, но как же мы его уьем?

Поднялся шум. Сет приказал всем замолчать.

— У меня уже все продумано, — заявил он. — Слушайте. Мне удалось тайком измерить рост моего брата, которого я ненавижу не меньше, чем вы все. Осирис не достоин царского сана! Трон владыки Та-Кемет должен быть моим!.. — Сет обвел взглядом собравшихся. — Так вот, — тихо, почти шепотом, продолжал он. — Я велел моим рабам сделать по снятой мерке великолепный сундук, украсить его золотом, серебром, драгоценными камнями... Работа скоро будет закончена. Тогда мы...

И Сет изложил демонам свой замысел.

Прошло несколько недель, и вот во дворец Осириса прибежал гонец от Сета.

— Мой хозяин устраивает званый пир, — насилу отдышавшись, проговорил гонец. — Он смиренно просит тебя

пожаловать сегодня в гости и занять почетное место за столом.

— Скажи своему хозяину, что я с благодарностью принимаю его приглашение,— ответил Осирис.— Ступай в сокровищницу: я велю слугам одарить тебя богатыми подарками.

Скороход поклонился и ушел.

Вечером Осирис облачился в праздничные одежды, надел корону, взял царский жезл и бич, и рабы на носилках отнесли его во дворец Сета.

Осириса встречала большая процессия опахалоносцев и музыкантов. Они сказали рабам-носильщикам, что те могут сейчас же, не дожидаясь своего господина, возвращаться назад и отдыхать, потому что пиршество затянется до утра. А утром рабы Сета сами доставят Осириса домой.

Носильщики ушли. Царя Та-Кемет торжественно, под музыку, проводили в зал, где в ожидании гостей сидел сам хозяин — красногривый бог пустыни. Он покрикивал на слуг, суетившихся вокруг стола.

— Привет тебе, любимый мой брат! — воскликнул Сет, увидев входящего Осириса.— Благодарю тебя, ты оказал великую честь моему дому. Сам царь Та-Кемет, сам Осирис будет сегодня моим гостем!

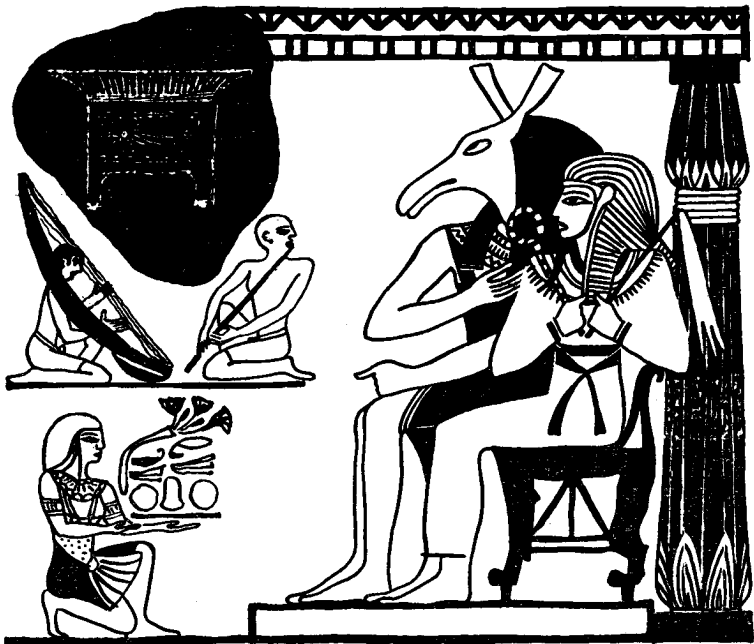
Осириса усадили во главе стола, на самое почетное место. Вскоре один за другим начали собираться заговорщики. Первой пришла красавица Асо, гордая царица Эфиопии. Следом явились демоны.

Рабыни заиграли на систрах. Под сладкозвучный музыкальный перезвон боги приступили к трапезе.

— Угощайтесь, любезные гости! — хлопотал Сет, тайком подмигивая царице Асо.— Отведайте вот этого ячменного пива. Более вкусного напитка вы не найдете во всем Та-Кемет! Мои пивоварни самые лучшие, мои рабы самые усердные!.. А это пальмовое вино! Десять лет выдерживал я его в прохладном погребе. Эй, слуги! Несите новые кувшины, наполните кружки гостям, да поживей!

Вино действительно было очень вкусным. Гости стали наперебой его расхваливать, а потом, не скупясь на похвалы, стали превозносить самого Сета. Какой у него роскошный дворец! Какой вид открывается из окон! Резную кедровую мебель изготовили искуснейшие мастера! Каменотесы украсили стены великолепными рельефами!

— Да,— с притворной скромностью согласился Сет.— Моими рабами-ремесленниками я и впрямь могу гор-

даться. Видите эту статую в саду? Они высекли ее за десять дней из цельной глыбы гранита. А недавно они изготовили сундук — такой... такой... Нет, я не могу найти достойных слов, чтоб описать эту красоту! Лучше вы сами посмотрите, что это за чудо. Эй, слуги! Принесите сундук.

Застолье возбужденно зашумело. Боясь каким-нибудь случайным жестом или неосторожным словом выдать свое волнение, заговорщики делали вид, что они с нетерпением ждут, какое диво покажет им Сет.

Когда рабы принесли сундук, все вскрикнули от восхищения и повскакивали с мест.

Изделие было воистину достойно богов! По инкрустированной черным деревом поверхности сундука змеились золотые ленты. В центре полыхал огромный рубин, изображавший солнце. Его катил по небосводу лазуритовый жук-скарабей. Вокруг вспыхивали драгоценные камни — звезды. Тяжелая крышка сундука была украшена орнаментом из золотых и серебряных иероглифов, обрамленных кружевной резьбой.

— Великий Сет! — прошептала царица Асо, как зачарованная глядя на сундук. — Я согласна отдать все мои богатства, лишь бы только заполучить это сокровище.

— И я! И я! — закричали демоны наперебой, стараясь не смотреть на Осириса, чтобы по неосторожности как-нибудь себя не выдать.

— Великолепная работа, — вежливо сказал Осирис. Ему тоже очень понравился сундук. Но бог был спокоен. Он никогда не терял голову при виде богатств.

В зале стоял невообразимый шум.

— Вижу, я вам угодил, дорогие гости! — воскликнул Сет, опять подмигивая царице Асо. — Ладно! Так и быть, я подарю этот сундук кому-нибудь из вас.

— Кому же? — замирающим голосом спросил один из демонов.

— Кому?.. кому?.. — Сет обвел взглядом гостей, как бы раздумывая. — Тому, кому сундук придется впору! Ложитесь в него по очереди.

И слуги по знаку Сета распахнули крышку сундука.

— Пусть же будет так, как ты сказал! — крикнул демон, сидевший ближе всех к Осирису; первым бросился к сундуку и лег в него.

Но сундук оказался слишком для него узок. Демон изобразил на лице досаду, обиженно фыркнул и вернулся к столу.

— Пусть попробует кто-нибудь еще!

Тревожно переглядываясь, изо всех сил стараясь не показать своего волнения, демоны стали по очереди забираться в сундук. А Осирис, ни о чем не подозревая, спокойно наблюдал происходящее. Богу было совершенно безразлично, ему ли достанется сокровище или его заполучит кто-то другой. С добродушной улыбкой он смотрел, как забавляются захмелевшие гости. Он бы и не стал залезать в сундук, но не хотелось обижать брата столь откровенным безразличием к предмету его гордости.

И вот очередь Осириса подошла.

— Попробуй счастья и ты, любимый брат. Может быть, тебе повезет больше, чем остальным,— сказал Сет, обнимая Осириса и ласково на него глядя.

Осирис забрался в сундук, лег на днище, скрестил на груди руки. Все замерли.

— Сокровище твое! — воскликнул Сет.

Это было сигналом к злодеянию. Заговорщики бросились к сундуку, захлопнули крышку и набросили засов.

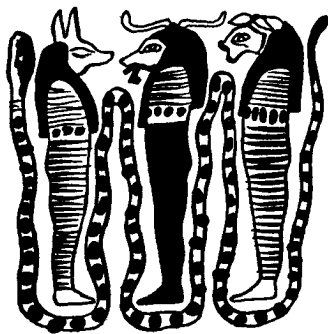
— Сундук навеки твой! — кровожадно захохотал Сет.— Умри в нем! Это твой гроб!

— Что вы делаете? — в ужасе вскричал Осирис, но ответом ему был новый взрыв неистового хохота.

Демоны обмотали сундук сыромятными ремнями, отнесли его к реке и бросили в Танитское устье. С тех пор это устье считается у египтян ненавистным и проклятым.

Вода сомкнулась над гробом доброго царя Та-Кемет. Потом сундук вынырнул на поверхность и, кружась, поплыл вниз по течению.

А случилось это на двадцать восьмом году царствования Осириса, в семнадцатый день третьего месяца Разлива.

Странствия Исиды

стелился туман, в покои Исиды вбежал запыхавшийся слуга.

— Проснись, великая богиня! — закричал он с порога, всхлипывая и утирая рукавом мокрое от слез лицо. — Горь! Нет твоего мужа! Нет нашего любимого царя Осириса!

— Что случилось? — Исида побледнела, предчувствуя самое худшее.

— Не спрашивай, беги! Сюда идет Сет и ведет за собой целую армию злодеев. Он хочет захватить трон и стать царем. Он убил Осириса. Он не пощадит и тебя! Спасайся! Мне тоже надо как можно скорее скрыться. Прощай, добрая богиня! — Последние слова верный раб выкрикнул уже в дверях и без оглядки бросился бежать.

— Где мой супруг? Что с ним? — прошептала Исида похолодевшими губами. Ноги ее вдруг подкосились, она изнеможенно упала в кресло и закрыла лицо ладонями.

В саду заливались птицы. Внезапно щебет смолк: пичуги вспорхнули и разлетелись, кем-то испуганные. Понесся топот, крики, смех; дворец обступила толпа. Среди общего шума прозвучал самодовольный голос Сета:

— Вот чертог Осириса — теперь он мой. Отныне я царь Севера и Юга.

Распахнулась дверь. Толпа заговорщиков ворвалась в тронный зал и застыла на пороге.

— Как! Ты еще здесь? — изумился Сет, увидев Исиду. — Известно ли тебе, что произошло сегодня ночью?

Исида молча смотрела на него, и Сет, не в силах вынести ее взгляда, отвел глаза.

— Убирайся! — крикнул он. — Теперь это мой дворец!

— Клыкастое длинноухое чудовище! Придет день, когда ты дорого заплатишь за свое злодейство,— холодно проговорила Исида, с ненавистью глядя на Сета.— Где Осирис? Отвечай, что ты сделал с моим мужем?

— И не надейся! — Сет пытался изобразить смех, но голос его предательски дрожал, выдавая волнение.— Я не желаю, чтоб ты нашла мертвое тело, похоронила его и воздвигла стелу на месте погребения. Ведь тогда люди будут приходить к этому памятнику и поклоняться ему. Нет! Память об Осирисе должна быть стерта в людских сердцах. Люди забудут его. Уходи, я не скажу, где его искать.

Исида встала. Заговорщики расступились, освобождая ей дорогу, и богиня вышла из дворца.

И только оставшись одна, она дала волю своим чувствам и разрыдалась. Где искать Осириса? Куда идти?

Богиня остригла волосы в знак скорби, облачилась в голубые траурные одежды и отправилась на поиски. Она шла и горестно причитала:

Сливается небо с землею, тень на земле сегодня,
Сердце мое пылает от долгой разлуки с тобою...
О брат мой, о владыка, отошедший в край безмолвия,
Вернись же к нам в прежнем облике твоём!
Руки мои простерты приветствовать тебя!
Руки мои подняты, чтоб защищать тебя!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня,
Упало небо на землю.
О, приди ко мне!

Так, плача, богиня ходила из одного селения в другое и расспрашивала каждого встречного, не знает ли он что-нибудь об Осирисе. Но все только беспомощно разводили руками.

Много дорог исходила Исида, много обошла селений и городов, пока наконец не повстречала шумную ватагу ребятишек, игравших возле храма в камешки. Едва богиня обратилась к ним, дети обступили ее и, возбужденно размахивая руками, загалдели все разом:

— Мы видели сундук!

— Да, да! Он плыл по реке мимо нашего города!

— Там внутри кто-то был и звал на помощь!

— Мы сразу побежали к лодочникам, но они нам не поверили. А пока мы спорили с ними, сундук уплыл.

— Только это было очень давно, — сказал самый старший мальчик. — Теперь его уже наверно унесло в море.

Исида очень обрадовалась. Это была первая весточка об Осирисе за много дней безрезультатных поисков. Желая отблагодарить ребятишек, богиня произнесла волшебное заклинание и навеки наделила всех детей вещим даром. С тех пор египтяне считают, что по крикам детей, играющих возле храмов, можно предсказывать будущее. Для этого надо мысленно о чем-нибудь спросить богов и сразу же выйти во двор, где слышны крики ребятишек. Первое, что удастся услышать, и будет ответом.

С помощью колдовства — ведь она была богиней колдовства — Исида узнала, где сундук. Течение вынесло его к берегам Великого Зеленого Моря¹, а морской прибой выбросил на сушу возле финикийского города Гебала². Сундук остался лежать около молодого деревца. Но покуда Исида странствовала, деревце выросло, превратилось в могучего великана с ветвистой кроной, и сундук оказался погребенным внутри ствола.

Богиня тотчас отправилась в Гебал. Но когда она пришла туда, дерева уже не было. От него остался лишь уродливо торчащий пенек. Царь Гебала Малакандр, гуляя однажды по побережью, увидел великолепное дерево и велел его срубить, чтоб сделать из него колонну для украшения дворца.

— Я опоздала! Горе мне! — вскричала в отчаянии Исида, села на камень у родника и заплакала: — Никогда я не увижу своего возлюбленного супруга, не воздам ему погребальных почестей! Будь ты проклят, Сет!

— Отчего ты убиваешься, прекрасная чужестранка? Тебя кто-то обидел? — прозвучало вдруг за спиной богини. Исида обернулась.

Возле родника стояли три женщины с расписными пузатыми кувшинами и дружелюбно улыбались.

— Кто вы такие? — спросила их богиня.

— Мы служанки нашей госпожи Астарты, царицы города Гебала, — ответили женщины. — А ты, видимо, пришла издалека? Сандалии твои стоптаны, одежда порвана, ноги исцарапаны терновником. Бедняжка! Если у тебя нет в городе друзей и близких, пойдем с нами к Астарте. Царица очень добра и отзывчива. Ты непременно

¹ Великое Зеленое Море — Средиземное море.

² Греки называли этот город Библом.

ей понравиться, и она оставит тебя при дворце. Поверь нам, уж мы-то знаем!..

Растроганная Исида от всего сердца поблагодарила добрых женщин, и те привели ее к царице.

— Откуда и зачем ты пришла в Гебал? — спросила Астарта, с интересом разглядывая чужестранку.

Исида ответила не сразу. Она долго, задумчиво молчала. Но царица, полагая, что бедная женщина попросту робеет перед ней, великой супругой властителя Гебала, не торопила Исиду с ответом. А Исида стояла и раздумывала, что ей делать. Достаточно было объявить, кто она такая и зачем пришла, — и Астарта тут же упала бы перед ней на колени в благоговейном трепете, а слуги, сбивая друг друга с ног, бросились бы рубить деревянную колонну топорами... Сердце богини неистово колотилось от волнения. Сундук с телом Осириса был здесь, рядом!.. Но Исида не могла покинуть Гебал, не отблагодарив добрых женщин и Астарту за ласку и участие. А как отблагодарить их, она не знала, поэтому и медлила, решая, не утаить ли правду от царицы и не пожить ли под видом бедной странницы во дворце, покуда не представится случай сделать добро.

Молчание затянулось. Служанки стали недоуменно переглядываться и что-то шепотом подсказывать Исиде. И богиня наконец приняла решение. Подняв заплаканные глаза, она проговорила:

— Я пришла из Та-Кемет. Я совсем одинока: мужа моего убили разбойники, и я не успела родить сына, который отомстил бы за убийство. И вот я скитаюсь по городам в надежде, что где-нибудь обрету приют.

— Ты жалеешь, что у тебя нет сына, — стало быть, ты любишь детей? — спросила Астарта, сочувственно покачивая головой.

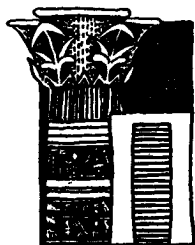
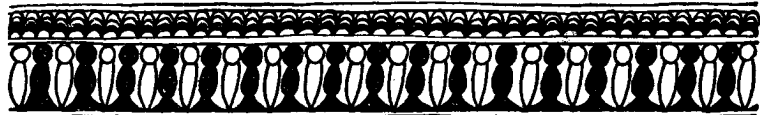
— О да! — воскликнула Исида. — Разве можно не любить детей!

И она прижала руки к груди и опять заплакала.

— Я вижу, ты добрая женщина, — вконец расчувствовавшись, сказала Астарта. — Если бы тебя не постигло горе, ты была бы хорошей матерью. Но утешься! В моем дворце ты найдешь кров. Живи у меня и будь главной нянькой моего маленького сына.

Исида упала царице в ноги и, захлебываясь от слез, стала уверять, что будет заботиться о маленьком царевиче так, как ни одна мать еще не заботилась о своем ребенке.

Так Исида осталась во дворце Малакандра и Астарты.

Исида во дворце

рошло несколько дней.

Исида нянчила царского сына. Она носила его на руках, купала, пела ему ласковые песни и качала в колыбельке. Богиня очень полюбила этого пухлощекого голубоглазого малыша.

Царица Астарта и Малакандр не могли нарадоваться, что нашли такую заботливую няньку.

Однажды вечером Исида, убаюкав младенца, развела в очаге огонь и села рядом, задумчиво глядя в трепещущее пламя. Вдруг ей пришла счастливая мысль.

— Я знаю, как отблагодарить Астарту за добро! — прошептала она. — Я сделаю ее сына бессмертным!

Она тут же произнесла заклинание и бросила спящего ребенка в очаг, чтобы его смерть сгорела дотла в волшебном пламени.

Едва ребенок упал на угли, огонь ярко вспыхнул и заплясал, с треском разбрасывая искры. Комната озарилась желтоватым светом. Исида села у очага и стала ждать утра.

На рассвете она затушила огонь и перенесла малыша обратно в колыбельку.

Так продолжалось много ночей подряд.

Но однажды царица Астарта вздумала тайком последить, как новая нянька ухаживает за ее сыном. Глубокой ночью, когда все обитатели дворца, кроме стражников, охранявших царскую семью, спали крепким сном, она встала, неслышно подкралась к покоям маленького царевича и, приоткрыв дверь, заглянула в щелочку.

Страшное зрелище предстало ее глазам! Малыш, ее любимый ненаглядный сын лежал на раскаленных углях,

объятый дымом и пламенем! Царица в ужасе схватилась за сердце и заголосила на весь дворец:

— На помощь! Стража, сюда!

Ее пронзительный крик перебудил всех, кто был во дворце. Поднялся невообразимый шум, захлопали двери, загремели шаги на лестнице. Комната в один миг наполнилась людьми.

— Хватайте ее, злодейку! — кричала Астарта.

Рабы-телохранители, спеша исполнить приказ Астарты, бросились к Исиде. Но Исида лишь посмотрела на них — и рабы рухнули на пол. Богиня встала и повернулась к толпе лицом. В нее с ненавистью впились десятки глаз. Служанки Астарты осыпали ее проклятиями. Один из воинов уже занес над головой копьё, собираясь метнуть его в Исиду. Богиня поняла: ей больше ничего не остается делать, как открыть правду.

Она произнесла волшебное заклинание и вдруг вся преобразилась на глазах у замершей толпы. В прах рассыпались богатые одежды, подаренные ей Астартой; богиня вновь была в своем голубом траурном платье, в котором она исходила столько селений и дорог. От пальцев ее струился свет, а над головой золотом вспыхнул солнечный диск со змеей-уреем.

Все тут же попадали на колени и стали в один голос молить богиню о пощаде.

— Несчастная! — воскликнула Исида, гневно глядя на Астарту. — Зачем ты ворвалась сюда и помешала мне! Знай: я — Исида, великая богиня колдовства и магии. Я хотела сделать твоего сына бессмертным, но ты своими криками разрушила чары — и исправить этого нельзя. Теперь твой сын, как и все люди, состарится и умрет... А может быть, он умрет и раньше. Плачь, рви на себе волосы, несчастная! Ты сама во всем виновата!

Насмерть перепуганная Астарта не могла вымолвить ни слова.

— Ступайте все прочь! — приказала Исида толпе, и все, кто был в комнате, в одно мгновение исчезли за дверьми. Только царь и царица остались с Исидой, готовые выполнить все, что богиня пожелает. Исида затушила огонь, взяла ребенка на руки и передала его Астарте.

— Вот твой сын! Он цел и невредим.

Затем она одной рукой вырвала из стены деревянную колонну и разломила ее пополам. В колонне был сундук.

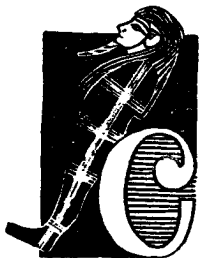
Царь и царица отпрянули в изумлении.

А Исида, едва увидев сундук, встала перед ним на колени, обняла его, прижалась лицом и закричала от горя.

Ее крик был таким громким, что маленький царевич не вынес его и умер на руках у матери.

Так судьба наказала Астарту за то, что она помешала Исиде сделать царевича бессмертным.

Первая в мире мумия

ундук с телом Осириса Исида отнесла в Дельту Нила. Забросав его ветками и прикрыв листьями пальмы, богиня отправилась к своей сестре Нефтиде.

Нефтида была женой Сета. Но после того, как всем стало известно о злодействе красногривого бога, Нефтида бежала от него. Зная, что рассвирепевший супруг будет ее преследовать и безжалостно отомстит, если найдет, Нефтида скрылась в глухом уголке среди болот и жила там вместе с сыном — шакалоголовым богом Анубисом.

К ним и направилась Исида. Она хотела вместе с сестрой оплакать убитого Осириса и с почетом его похоронить.

Путь ей предстоял дальний. Пока богиня добралась до жилища сестры, уже сгустились сумерки. Потом Ладья Вечности уплыла в Загробный Мир, и наступила ночь.

Тихо было там, где Исида оставила сундук. Плескалась речная вода, шуршал папирус у берега, редко-редко в рассеянном лунном свете черной тенью проносилась сова или летучая мышь.

Вдруг по болоту захлюпали шаги. Потом, как две пылающих головешки, в темноте вспыхнули два красных глаза. Это Сет вышел на охоту. Он очень любил поохотиться ночью, при луне. На поясе у злодея был меч, в руке — копьё.

— Великолепное место! — воскликнул он, оглядев полянку. — Я спрячусь вон в тех кустах, подстерегу гиппопотама и убью его. Славненькая добыча ждет меня!

Кровожадно оскалась, он побежал к кустам и споткнулся о сундук.

— Пр-р-роклятое бревно! — выругался он, шипя от боли и потирая ушибленное колено. — Должно быть, его

выбросило сюда во время разлива. — Он со злостью пнул сундук ногой. — Э! Да это вовсе не бревно, это что-то другое... Ну-ка, поглядим...

Он раскидал ветки, прикрывавшие сундук. В этот момент луна вышла из-за облака, и в ее серебристом свете ярко вспыхнули драгоценные камни.

Крик изумления вырвался у Сета.

— Сокровища! — воскликнул он и захохотал, алчно потирая руки. — Воистину: сегодня у меня самая удачная охота, какую только можно себе представить!

Он выхватил меч, перерубил ремни, которыми был обвязан сундук, откинул крышку. И попятился.

Некоторое время он остолбенело хлопал своими кроваво-красными глазами. Потом зрачки его вспыхнули, длинные уши задергались, красная грива встала дыбом.

— А! Здравствуй, мой дорогой, мой любимый братец! — воскликнул Сет и разразился хохотом, от которого попрыгали в норы ночные звери и шарахнулась пролетавшая поблизости сова. — Вот, оказывается, куда тебя прибили волны! Сердце мое в печали, я едва не ослеп от слез, оплакивая твою безвременную смерть. О, возлюбленный мой брат! Ты до сих пор не похоронен! Но я похороню тебя по-царски!

И, громко расхохотавшись, Сет изрубил тело Осириса на четырнадцать частей и разбросал эти части по всей земле Та-Кемет.

— Пусть жрут тебя шакалы! Пусть их желудки станут для тебя гробницей! Пусть умрет в народе всякая память о тебе! — прорычал он напоследок и ушел.

На следующий день вернулась Исида вместе с Нефтидой и Анубисом.

— Здесь был Сет! — Нефтида побледнела. — Смотри, сестра! Это его следы!

Богини бросились к сундуку. Он был пуст.

Молча оглядела Исида поляну, увидела кровь на траве и все поняла. Ей сразу представилось, как злорадно хохотал Сет, рубя мечом мертвого Осириса. Богиня захлопнула сундук и в изнеможении села на него. У нее уже не было сил плакать. Она лишь тихо промолвила:

— Скоро у меня родится сын. Он отомстит за смерть отца!

— Так пусть же поскорее наступит этот день! — воскликнул Анубис. — Мы должны собрать тело Осириса по частям: я могу их срastить при помощи снадобий и целеб-

ных трав. Давайте же не будем медлить и отправимся на поиски. Пусть каждый из нас, найдя какую-либо часть, поставит надгробную плиту в том месте. Чем больше будет плит, тем труднее потом Сету будет найти настоящую могилу. К тому же эти плиты будут напоминать людям, какой добрый бог правил ими раньше и какой злодей царствует теперь. Люди перестанут приносить жертвы Сету и понесут их к надгробиям Осириса.

— Сын мой, ты изрек мудрые слова, — взволнованным голосом сказала Нефтида.

Поиски останков Осириса продолжались двенадцать дней¹. Анубис обошел пустыню, Нефтида — горы, Исида же смастерила папирусную ладью и плавала в ней по рекам и болотам. С тех пор крокодилы из почтения к великой богине колдовства не нападают на рыбаков, плавающих в папирусных челноках.

Когда останки Осириса были собраны, Анубис их срастил и смазал труп бога специальными маслами и снадобьями, предохраняющими от тления.

И вот умерший бог лежал на погребальном ложе. Это была первая на земле мумия. Именно с того дня среди людей и утвердился обычай мумифицировать покойников.

Когда мумия была готова, Исида и Нефтида стали причитать над мертвым телом:

Приближается Исида,
Приближается Нефтида,
Одна — справа,
Другая — слева.
Нашли они Осириса...
Спешу, спешу!
Плачь о брате твоём, Исида!
Плачь о брате твоём, Нефтида!
Плачь о брате твоём!

Вместе с двумя сестрами горевали духи гор, полей и городов. Услышав причитания Исиды и Нефтиды, они слетелись к погребальному ложу и стали танцевать танец печали, избивая свои тела, ударяя в ладоши, рвали на себе волосы.

Тело Осириса было спасено и предано погребению. Однако злодейство Сета оставалось покуда безнаказанным.

¹ Разные древнеегипетские тексты называют разное число дней, в течение которых Исида, Нефтида и Анубис собирали останки Осириса.

Детство и юность Гора

етырнадцать надгробных плит установили Исида и Нефтида в долине Нила. Сбылись слова Анубиса: люди стали поклоняться этим надгробиям. Зря надеялся Сет, что народ, забыв Осириса, будет почитать лишь его одного. Египтяне помнили доброго царя, рассказывали о нем детям и всей душой ненавидели убийцу.

Сет не подозревал, что тело Осириса восстановлено. Он думал, что Исида только оплакала и похоронила останки мужа. Но и этого было достаточно, чтоб бога пустыни обуяла ярость. Он призвал стражу, велел схватить Исиду и заточить ее в темницу.

Исиду бросили в подземелье. Но на выручку ей пришел бог Тот. Он помог Исиде бежать. Исида укрылась от преследователей в непролазных болотах дельты Нила.

Вскоре у нее родился сын. Богиня назвала его Гором¹. В тайне ото всех Исида стала растить малыша и с нетерпением дожидалась того дня, когда он окрепнет, возмужает, сделается непобедимым богатырем, отомстит Сету за убийство отца и сядет на престол Та-Кемет. Никто другой не решался оспаривать трон у могущественного Сета.

По утрам Исида, накормив и убаюкав малютку, прятала его в тростниковый шалаш и отправлялась в какое-нибудь селение за пищей, а к вечеру возвращалась назад.

Однажды во время ее отсутствия Гора ужалил скорпион. Вернувшись, богиня увидела, что ее сын умирает.

¹ Не следует путать Гора — сына Исиды с Гором Бехдетским, хотя в мифологических текстах эти боги часто отождествляются. В литературе по египтологии, как правило, применяется греческое наименование Гора-младенца: Гарпократ.

Исида схватила ребенка на руки и с плачем обратилась к Ра, умоляя владыку спасти Гора. Ра внял мольбе богини. Ладья Вечности остановилась над болотами Дельты, бог Тот покинул свое место в Ладье и спустился с небес к Исиде. Он прочел волшебное заклинание, которое исцелило малыша. Когда же Гор выздоровел, Тот, обращаясь ко всем жителям Та-Кемет, сказал:

— Слушайте меня! Слушайте и помните: вы должны беречь Гора, заботиться о нем и помогать Исиде. Если же вы не будете этого делать, на землю обрушатся голод, мрак и запустение¹.

Шли годы. Сын Исиды вырос, стал красивым юношей. Теперь он мог вступить в битву с Сетом.

Но первое сражение кончилось для Гора неудачно. Сет вырвал у него глаз, изрубил его на шестьдесят четыре части и разбросал их по всей земле.

На помощь Гору опять пришел Тот. Он собрал все части, срастил их и вернул юноше исцеленный глаз.

Заполучив глаз обратно, Гор отправился к мумии своего отца Осириса и дал ей проглотить этот глаз. И Осирис ожил.

Но, воскреснув после смерти, великий бог не остался на земле. Он удалился в Загробный Мир и сделался там царем и судьей над душами умерших. Кроме того, Осирис почитался египтянами как бог вечно умирающей и вечно воскресающей природы².

Перед тем, как спуститься в Преисподнюю, Осирис сказал Гору:

— Сын мой! Ты проиграл первый бой с Сетом. Готов ли ты вновь сразиться с ним? Подумай: ведь Сет могуч.

¹ Египетские фараоны считались «земными воплощениями» Гора. Поэтому речь Тота, обращенная к египтянам, является иносказательным правоучением: если люди не будут заботиться о фараоне, боги в наказание обрушат на Та-Кемет смертоносные бедствия — засуху и голод.

² В религии Древнего Египта значение Осириса как бога плодородия было таким же важным, как и его значение в верованиях и ритуалах, связанных с загробным культом. Разливы Нила, оживляющие природу, связывались не только с речным богом Хапи и с мифом о возвращении богини дождя и влаги из Нубии, но в первую очередь — с мифом о воскресении Осириса (см. гимн Осирису на с. 10). На сюжеты этих мифов ежегодно перед половодьем разыгрывались мистерии. Во время богослужебных церемоний в честь воскресшего из мертвых Осириса торжественно выносился деревянный футляр, изготовленный в виде труба бога, с растущими прямо из него зелеными колосьями (так называемый «прорастающий Осирис»: внутрь футляра насыпали землю и сеяли зерно, а в крышке просверливались отверстия для всходов).

— Я готов! — ответил Гор, не задумавшись ни на миг.

— Я хочу в этом убедиться, — сказал Осирис строгим голосом. — Ответь мне на два вопроса.

— Я слушаю тебя, отец.

— Какой из поступков, по-твоему, является самым благородным?

— Помочь тому, кто пострадал невинно, — ответил Гор.

Осирис понял, что сын его справедлив и добр. Тогда он задал второй вопрос:

— Какое животное больше всего помогает воинам во время битвы?

— Больше всего пользы в сражении от коня, — сказал Гор.

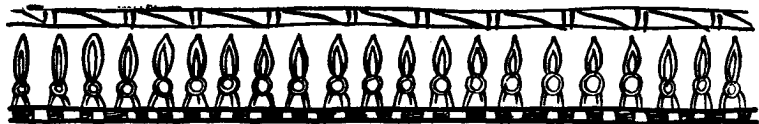
— Почему? — удивился Осирис. — Почему ты назвал не льва, а коня? Ведь самый сильный из зверей — это лев.

— Лев нужен тому, кто защищается, — презрительно ответил Гор. — Конь же преследует убегающего. Я собираюсь нападать в бою, а не защищаться!

Довольный ответом сына, Осирис воскликнул:

— Ты готов к битве! Иди же и одолей Сета. А я отправляюсь в Загробный Мир.

Тяжба Сета и Гора

ор не медля отпра-
вился мстить за отца.

Много раз он вступал в битву с Сетом и всегда одерживал верх. Поверженный Сет обращался в бегство, прятался, залечивал раны — и снова выходил на бой.

И опять сын Исида сокрушал своего врага.

Но убить Сета Гор так и не смог. Всякий раз злому красногривому богу удавалось в последний момент спастись. Даже когда Гор, схватив Сета за уши, замахивался мечом, чтоб снести злодею голову, Сет то превращался в змею и уползал под камень, то, обернувшись крокодилом или гиппопотамом, нырял в воду и прятался на дне реки.

Вражде двух богов не было конца. Она продолжалась из столетия в столетие.

(С борьбой Сета и Гора египтяне связывали многие явления природы, например затмения луны. Луна убывает — это Сет режет на куски глаз Гора; луна растёт — Тот сращивает куски, исцеляя глаз.)

Гор считал, что трон Осириса и сан земного владыки по праву принадлежит ему. Но Сет не хотел добровольно уступать власть. И вот, устав от битв, Сет и Гор решили наконец обратиться к суду богов. Пусть Ра и его свита вынесут приговор: кому же, Сету или Гору, надлежит занять престол Осириса?

Суд происходил в Золотом Чертоге.

Сет и Гор стояли перед властелином мира и ждали, что он скажет.

Здесь же, в зале, находились Тот, Шу, Тефнут, Геб, Нут и Исида.

— Владыка, — промолвил Тот. — Мы должны решить, кто будет царем Севера и Юга.

— Справедливость — великая сила! — взволнованно подхватил Шу. — Сотвори же справедливость, великий Ра! Отдай царский жезл и царскую корону Гору.

— Это миллион раз истинно, — согласился Тот.

— Да, — в один голос подтвердили остальные боги.

Они радовались, думая, что дело решено окончательно и многолетней распри Сета и Гора будет положен конец. Но Ра вдруг произнес гневным голосом:

— Почему это вы судите и выносите приговор, не спросив, что думаю я? Власть надо отдать Сету. Гор слишком молод, чтоб быть царем.

Боги растерянно переглянулись. Они никак не ожидали, что владыка примет сторону Сета. Воцарилась тишина. Кто осмелится возразить властелину мира?

Видя их растерянность, Сет даже не попытался скрыть свое торжество и ядовито захихикал. Всем своим видом он старался показать презрение к суду.

Но рано он торжествовал! Боги, может быть, и не дерзнули бы перечить Ра, однако поведение Сета, его ужимки и насмешливое хихиканье — все это оскорбило и возмутило их. Еле сдерживаясь, они дружно запротестовали:

— Нет! Трон Осириса должен унаследовать Гор!

Ра нахмурил брови, гневно посмотрел на богов. Молчание тянулось очень долго. Потом заговорил Сет:

— Власть — это удел сильных! — сказал он. — Чем сильнее царь, тем могущественнее держава... Так прикажи, солнцеликий владыка, этому юнцу сразиться со мной! Я докажу, что я сильнее и, значит, больше, чем он, достоин носить корону!

— Нет! — вскочил с места бог мудрости. — Нет, нет и нет, потому что это будет беззаконием! Перед судом прав не тот, кто сильнее, а тот, кто отстаивает справедливость. А по справедливости имущество отца всегда наследует сын. Гор должен унаследовать трон Осириса, титул и корону.

И опять воцарилось молчание.

— Что же нам делать, боги? — сказал Шу. — Так мы никогда не сможем прийти к согласному решению. Может быть, Сет прав: пусть их спор решится путем состязания?

— Мы будем драться! — обрадованно воскликнул Сет и с торжеством посмотрел на своего противника.

— Нет, — возразила Исида. — Состязание можно было бы устроить только в том случае, если бы Сет был честен и благороден. Но он не таков. Он непременно нарушит усло-

вия состязания и сделает какую-нибудь подлость. Я ему не верю. Вспомните, как он убил Осириса. Трусливая тварь! — богиня смерила брата уничтожающим взглядом. — У тебя не хватило смелости вызвать Осириса на бой, ты обманом заманил его к себе в дом и предательски убил! Даже скорпионы и ползучие гады — и те благороднее тебя. Змея прежде, чем она укусит врага, грозно шипит, предупреждая об опасности; скорпион поднимает жало, — а ты перед тем, как убить Осириса, клялся ему в братской любви и дружбе. Омерзительней тебя нет никого на целом свете!

Услыхав эти слова, Сет расвирепел. Грива его взъерошилась, лицо стало багровым. Топая ногами и брызжа ядовитой слюной, он вскричал:

— Великий Ра! Прикажи Исиде убраться вон! Эта лживая богиня будет только мешать нам, ссорить нас, сеять между нами раздор и смуту. Я... Я... — задыхаясь от злости, он так и не смог договорить и умолк.

Поднялся невообразимый шум. Но Ра утихомирил всех властным взмахом ладони. Боги замолчали.

— Сет прав, — сказал Ра. — Суд существует для того, чтобы справедливо разрешать споры, а не для того, чтобы сводить друг с другом счеты и наносить оскорбления. Исида! Покинь Чертог.

Возражать никто не осмелился. Исида встала и гордо прошла через зал к выходу. В дверях она обернулась.

— Я ухожу, но завтра я снова буду здесь, — невозмутимо произнесла она.

— Нет, — ответил Ра, хмуря брови. — Я сделаю так, что ты уже никогда не сможешь прийти в суд. Мы переправимся на остров и продолжим разбирательство там. А ты останешься на берегу.

Так и было сделано. Когда боги приплыли на остров, они сказали лодочнику Анти:

— Не перевози через Нил никаких женщин, как бы они тебя ни умоляли. Иначе ты будешь сурово наказан.

Затем боги удалились в пальмовую рощу. Затянувшаяся распря Сета и Гора всех утомила, и для отдыха решено было устроить пир.

Тем временем Исида приняла облик старухи, надела на палец маленькое золотое колечко, взяла клюку и, хромая, сторбившись, подошла к переправе, где в ожидании пассажиров дремал в своей лодчонке Анти.

— Доставь меня на остров, — обратилась к нему

Исида. — Я несу еду юноше, который там присматривает за скотом¹.

— Мне приказано не перевозить никаких женщин, — зевая, ответил Анти и отвернулся.

— Но ведь этот приказ касается только Исиды, а я — старуха! Ты только посмотри на меня!

— А что ты мне дашь, если я выполню твою просьбу? — заколебался он.

— Я дам тебе вот этот хлеб.

— К чему мне твой хлеб! — презрительно поморщился лодочник. — Стану я рисковать головой и нарушать приказ самого Ра из-за какого-то жалкого хлеба!

— Ну хорошо, а если я дам тебе золотое колечко, которое у меня на пальце? — вкрадчиво спросила Исида.

И она показала лодочнику кольцо. Глаза Анти вспыхнули от жадности.

— Давай его сюда! — прошипел он.

Исида переправилась на остров. Там она укрылась в зарослях акации и стала наблюдать за пирующими богами.

Дождавшись, пока все участники пиршества захмелеют, Исида произнесла колдовское заклятие и обернулась молодой прекрасной девушкой. В таком виде она вышла из укрытия и приблизилась к богам. Сет, едва только увидел ее, сразу в нее влюбился, так она была прекрасна.

— Кто ты такая? — спросил он.

— О, могучий бог! — кротко произнесла Исида, заглядывая Сету в глаза. — Я пришла, чтобы ты выслушал меня и рассудил по справедливости. Я была женой пастуха. Мой муж умер, и его стада достались в наследство нашему сыну. Но однажды пришел чужеземец, отобрал у юноши скот² и выгнал его вон из дома, да еще пригрозил убить. Разве это справедливо? Защити же меня, великий бог!.. — И Исида заплакала навзрыд.

Желая угодить прекрасной девушке, Сет сделал возмущенное лицо и воскликнул полным негодования голосом:

— Конечно, это несправедливо! Скот должен достаться сыну хозяина. Злодея, захватившего скот силой³, надо безжалостно избить плетью!

¹ Слова «скот» и «сан» по-древнеегипетски звучат одинаково. Поэтому Исида, обманывая Анти, в то же время не говорит лжи.

² Исида опять пользуется двусмысленностью своей фразы и, не прозвоня лжи, обманывает Сета.

³ Сет, в свою очередь, не замечает двусмысленности фразы: он имеет в виду «скот», а получается, что вслух он говорит: «сан».

Едва он это произнес, Исида радостно вскрикнула. Приняв свой настоящий облик, она бросила Сету в лицо:

— Терзайся, плачь, рви на себе волосы, гнусный негодяй! Ты сам осудил себя перед богами.

Сет в ужасе схватился за голову и зарычал в бессильной злобе, проклиная Исиду. Боги рассмеялись. Ра озабоченно сказал:

— Что же тебе делать, Сет? Ведь ты и вправду сам себе вынес приговор. Ты собственными устами вымолвил, что сан должен переходить от отца к сыну и захватывать его силой — несправедливо.

— Наказать лодочника Анти! Как он посмел нарушить приказ! — вопил Сет, вне себя от злобы и досады.

— Наказать-то мы его накажем, но что делать с тобой? — повторил Ра, хмурясь и отводя глаза.— Эй, слуги! Приведите сюда Анти!

Дрожащего от страха лодочника привели и бросили владыке в ноги. По приказу Ра он был избит палками до полусмерти. С той поры Анти проклинал золото. Поэтому в городах и селениях Та-Кемет, где поклоняются Анти, на золото наложен запрет.

— Клянусь, этот юнец не получит сана царя, пока мы не померяемся силами! — все еще надрывался криком Сет.— Мы не будем драться, не будем проливать кровь. Мы построим себе каменные ладьи и поплывем наперегонки. Тому, кто одолеет соперника, будет отдан сан владыки. Это будет честное состязание!

— Ты лжешь! — сказала Исида.— Ты не способен состязаться честно!

Ра хотел возразить Исиде, но Гор его опередил.

— Хорошо! Я согласен! — вдруг объявил Гор во всеуслышание.

Боги переглянулись. Даже Сет замер в недоумении, торчком подняв уши.

— Но это состязание будет последним! — твердо добавил юноша и, не говоря больше ни слова, ушел.

Состязание было назначено на следующий день. Боги во главе с Ра вновь переправились на берег. Сет сразу побежал в горы, отколол дубиной вершину скалы и вытесал из нее ладью. А сын Исиды построил себе ладью из кедрового дерева и обмазал ее сверху гипсом. С виду его лодка тоже казалась сделанной из камня.

Наступил день состязания. Соперники уселись каждый в свою лодку и по команде взмахнули веслами. Ладья Гора

легко заскользила по воде. Ладья же глупого Сета, едва отчалив от берега, с бульканьем ушла под воду.

Разъяренный Сет превратился в гиппопотама и бросился вдогонку за Гором.

— Я убью тебя! — хрипел он. — Никогда, никогда не быть тебе царем! Я переверну твою лодку и утоплю тебя!

Услыхав эти слова, Исида, наблюдавшая за состязанием с берега, в страхе замерла.

— Я же вам говорила, говорила: нельзя ему верить! — вскричала она, ломая руки. — Этот коварный злодей убьет моего сына! Боги! Помогите Гору!

Боги переполошились. Один только Гор не проявлял ни малейших признаков волнения. С невозмутимым лицом он смотрел на Сета и ждал, когда тот подплывет поближе. Потом он встал во весь рост. В руках у него был гарпун.

Глаза гиппопотама-Сета округлились от ужаса.

— Спасите! — завизжал он. — Великий Ра, спаси меня! Я проиграл состязание, я сдаюсь, я больше никогда не буду оспаривать у Гора власть!

Но никто на берегу не двинулся с места. Все смотрели на Ра: что скажет он.

— Пощади его, — сказал Ра, опуская глаза. — Пощади своего соперника, Гор. Ты — царь Египта!.. Ликуйте же, боги! — скрепя сердце, добавил он. — Ликуйте и падите ниц перед новым властелином!

Так Гор одержал окончательную победу в споре и получил трон своего отца Осириса.

Сын Исиды был последним из богов, царствовавших на земле. Процарствовав много лет, он вознесся на небо, присоединился к свите Ра в Ладье Вечности и вместе с другими богами стал защищать солнце от демонов и от Апопа.

С уходом Гора на небо кончился золотой век. Земная власть перешла к фараонам. И каждый фараон Та-Кемет считался «земным воплощением Гора».

Сет

История культа Сета в Древнем Египте очень интересна и необычна.

Первоначально этот бог, видимо, не был воплощением зла. Однако по мере того, как распространялся культ Оси-

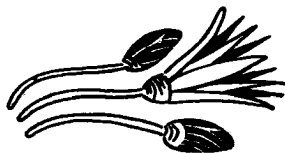
риса, и образ доброго царя, коварно убитого братом, завоевывал всенародную любовь, возникло и постепенно укоренилось представление о Сете как о ненавистном боге.

В XVII веке до н. э. Египет был покорен и целое столетие находился под гнетом иноземцев — гиксосов¹. Захватчики объявили Сета верховным божеством и усиленно его почитали. Поэтому в период гиксосского владычества культ Сета вновь расцвел: ему поклонялись как хоть и чужому, хоть и жестокому, но могущественному богу, богу-властелину, единственному царю. И тем более ненавистным сделался этот бог у египтян вскоре после изгнания захватчиков и освобождения страны.

В разных городах и областях в разные исторические периоды складывались совершенно разноречивые представления о Сете. Естественно, что с течением времени они переплелись самым непостижимым образом. Одни мифологические тексты рисуют Сета злодеем, предводителем сил тьмы — змей, крокодилов и гиппопотамов, называют его врагом солнца, нередко отождествляют с Апопом; другие причисляют Сета к свите Ра: вместе с другими богами, охраняющими солнце в Ладье Вечности, Сет сражается с Апопом. В эпоху правления фараонов так называемой XIX династии (14—13 вв. до н. э.) Сет считался покровителем царской власти, и некоторые фараоны, всходя на престол, брали имя в его честь (Сети Первый и Сети Второй). В некоторых городах были оракулы и святилища Сета.

Все же представление о Сете как о воплощении зла было более распространенным. Однако представление о нем как о добром боге никогда не умирало полностью. Самое интересное, что эти взаимоисключающие верования просуществовали бок о бок на протяжении почти всей истории Древнего Египта. «Положительный» и «отрицательный» образы Сета нередко фигурируют в пределах одного и того же текста, одного сказания.

¹ Гиксосы — «цари-пастухи»; кочевые племена, захватившие Египет и короновавшие одного из своих военачальников. Греческие историки поняли слово «гиксосы» неверно — как название народности.

ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН В БОГОВ-ПОКРОВИТЕЛЕЙ, МАГИЮ И ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ

Рождение и предсказание судьбы

Когда новорожденный появляется на свет и издает свой первый крик, к его колыбели спешит богиня Месхент — молодая женщина в головном уборе из разноцветных перьев. Добрую богиню сопровождает ее свита: мохнатые уродцы-карлики. Бэсы и богиня Таурт — самка бегемота с человеческими волосами и зубами крокодила. Месхент, Бэсы и Таурт пускаются в радостный пляс вокруг запеленутого малютки.

Однако слишком долго плясать и радоваться нельзя! Услышав громкий плач малыша, к нему со всех сторон слетаются злые духи. Если их вовремя не прогнать, они с помощью колдовства напустят на ребенка хворь, и радость в доме египтянина сменится безысходной печалью. К тому же около дома, в траве, много скорпионов и змей, которые могут переползти порог и забраться в колыбельку.

Поэтому Бэсы всегда настороже. Почуввав приближение злых демонов, мохнатые карлики ударяют в бубны и, корча ужасающие гримасы, с истошными воплями начинают прыгать и метаться по комнате.

Напуганные гримасами Бэсов, грохотом бубнов и лязганьем крокодильих зубов Таурт, скорпионы, гады и злые духи кидаются наутек. Тем временем Месхент и ее супруг бог Шаи отправляются к Небесному Дереву.

Небесное Дерево растет в заоблачной вышине среди звезд. В его кроне живут семь молодых богинь с коро-

вьими рогами. Эти богини зовутся Семь Хатхор¹. Они наделены пророческим даром и могут предсказывать судьбу.

Семь Хатхор объявляют Месхент и Шаи, какая судьба уготовлена новорожденному: будет ли он беден или богат, будут ли у него дети, сколько лет он проживет и от чего умрет. Месхент и ее супруг внимательно слушают прорицательниц. Ведь бог Шаи должен отныне стать покровителем человека. Он будет следить за его поведением всю его жизнь и на Загробном Суде Осириса расскажет, добрый это был человек или злой, есть ли у него грехи на сердце, — и если Суд оправдает умершего, Шаи проводит его душу к месту вечного блаженства — в Поля Камыша.

Если Семь Хатхор предрекают малютке доброе будущее, Месхент от радости пляшет и смеется. Но и если ему выпал плохой жребий, например гибель от укуса ядовитой змеи, — Месхент тоже не слишком огорчается. Ведь человек в силах изменить даже то, что предопределено всемогущими богами! Вот как победил неумолимый рок юноша, которому Семь Хатхор предсказали раннюю смерть.

¹ Семь Хатхор — очень сложная разновидность культа богини Хатхор. Однако с самой Хатхор этих богинь смешивать не следует.

Сказка про обреченного сына фараона

фараона родился
сын. Слуги немед-

ленно доложили об этом его величеству.

Радостный владыка захотел как можно скорее увидеть сына и поспешил в покои.

Но когда он вошел в зал, где вокруг запеленутого младенца толпились няньки, знахари, рабы и прочая дворцовая челядь, он застал их всех в растерянности и смятении. Некоторые из слуг плакали навзрыд. При появлении владыки все попадали на колени.

— Что произошло? Отвечайте! — воскликнул фараон, предчувствуя недоброе.

— О наше солнце! — сказал сквозь слезы один из слуг. — Горе, горе! Только что перед твоим приходом здесь были Семь Хатхор. Они спустились с небес, окружили колыбель твоего сына и сказали: «Он умрет от укуса змеи, либо его утащит крокодил, либо погубит собака».

Фараон закрыл лицо руками. Повисла тишина, безысходная и тяжелая, как в гробнице. Все, замерев, ждали, что скажет властелин.

Фараон поднял голову и через окно задумчиво посмотрел вдаль — туда, где за рекой, в городе мертвецов, как три неприступные скалы, высились три пирамиды. Заходящее солнце золотило их вершины... Много столетий назад в этих пирамидах погребли великих владык Хуфу, Хафра и Менкаура¹. Великим числом драгоценностей украсили их мумии! А неподалеку от пирамид хоронили усопших при-

¹ Хуфу, Хафра и Менкаура — фараоны, царствовавшие в XXVII—XXVI веках до н. э. Им принадлежат три самые большие и самые знаменитые пирамиды в Гизе. В наше время больше известны греческие наименования этих фараонов: Хеопс, Хефрен и Микерин.

дворных: на земле они удостоились чести быть рядом с фараоном и после смерти тоже должны были находиться рядом с ним. Их также погребали пышно, с драгоценными амулетами. Но прошли столетия, и вечные жилища вельмож разграбили воры. Где сделав подкоп, где отвалив глыбу ломами, где пробуравив стену с помощью кислоты и сверла, они влезали внутрь, при свете факелов взламывали саркофаги и уносили золото,— а мумию сжигали, чтоб не отомстила. Почти все захоронения вельмож разграблены! А пирамиды стоят. Ни один вор не смог туда проникнуть...

Фараон повернулся к слугам.

— Я построю для моего сына дворец, такой же неприступный, как эти пирамиды, — промолвил он. — Я окружу его высокой стеной — такой высокой, чтобы даже птицы не могли ее перелететь. В этом дворце он и будет жить. А вы, слуги и рабы, должны безоговорочно исполнять все его желания. Кроме одного: что бы ни случилось, он не должен выходить за ограду.

Сказав это, фараон ушел, заперся в своих покоях и всю ночь напролет в одиночестве оплакивал свое несчастье.

Наутро уже кипела работа. В город как раз пришел караван судов, доставивший из каменоломен гранит для новых статуй фараона. Но владыка велел статуй не высекать, всех мастеров и каменотесов отправить на строительство дворца и туда же отдать привезенный камень. Глыбы вывалили на берег. Целый месяц потребовался лишь для того, чтоб тысяча бычьих упряжек, работая без отдыха от рассвета до заката, переволокла все камни в пустыню.

Через год дворец был построен.

Мальчика отнесли туда. Много лет рос он в заточении. Там он окреп, возмужал, превратился в статного красивого юношу.

И ни разу за все время не довелось ему выйти за ограду. Сколько он ни умолял стражников открыть ворота, те оставались глухи к его просьбам.

Но юноша часто выходил на балкон дворца и оттуда подолгу любовался рекой, зелеными рощами, вершинами гор и исполинскими пирамидами, упирающимися в небеса.

И вот однажды, стоя на балконе, сын фараона увидел пастуха, устало бредущего по дороге. Пастух гнал отару овец, а рядом, весело взлаивая, бежало какое-то мохнатое четвероногое существо.

— Эй, слуги! — закричал юноша и хлопнул в ладоши. — Что это такое? — показывая пальцем в даль, спросил он, когда слуги прибежали на зов.

— Где?

— Вон там, рядом с овцами.

Слуги растерянно переглянулись и опустили глаза.

— Почему вы молчите? Отвечайте, ну! Я приказываю вам!

— Это собака, — еле слышно выдавил один из слуг.

— Собака? — переспросил сын фараона. — Она мне очень нравится. Пусть и мне принесут такую же собаку.

Что было делать? Слуги передали просьбу фараону. Его величество долго сидел в мрачном унынии, не в силах произнести ни слова. Потом, скрепя сердце, изрек:

— Да. Как видно, от судьбы не уйти. Принесите ему щенка.

Юноше принесли щенка. Прошло немного времени, и щенок превратился во взрослого пса. Это был верный, преданный пес, самый надежный друг юного царевича.

А еще через несколько лет юноша, вконец истомившись, вызвал слуг и велел им передать отцу:

— Три судьбы угрожают мне, и никакая стена не защитит меня от смерти. Так лучше я умру на воле! Пусть мне будет дозволено прожить остаток дней так, как я хочу. А я хочу отправиться путешествовать. Я ведь ничего, кроме стен своей темницы, не видел!

Сердце фараона разрывалось от горя, но противиться воле сына он не стал. Судьба есть судьба! Юношу снарядили в путешествие, дали ему оружие, дали колесницу, запряженную парой лучших коней, собрали целый сундук богатых подарков и отпустили восвояси.

Юноша отправился на север. Он пересек пустыню и вскоре прибыл в Нахарину¹.

А за его колесницей, не отставая ни на шаг, бежал верный пес.

На главной площади нахаринской столицы юноше встретилась удалая компания молодых людей. Это были сыновья царских воевод. Они пригласили путешественника в гости, напоили его, накормили, дали вволю выспаться после утомительной дороги, а когда юноша пробудился, они, стгорая от любопытства и перебивая друг

¹ На х а р и н а — древнеегипетское название государства Митанни, находившегося в северной части современной Сирии.

друга, стали расспрашивать его, кто он такой и откуда прибыл.

— Я сын египетского военачальника, — ответил юноша. — Моя мать умерла, и отец взял себе другую жену. Но мачеха невзлюбила меня. Поэтому я убежал из дома. А вы кто такие? — в свою очередь спросил сын фараона.

— Мы дети вельмож, — последовал ответ. — Правитель нашей страны держит свою дочь в заточении, в высокой башне. Он издал указ: кто допрыгнет до окна башни — получит девушку в жены. И вот каждый день мы состязаемся в прыжках, но никому пока не удалось коснуться рукой окна.

— Я тоже буду участвовать в состязании! — воскликнул юноша. Глаза его загорелись.

— Участвуй, если хочешь. Это никому не воспрещается.

На следующий день сын фараона вместе со своими новыми друзьями отправился к башне. С первого же раза ему удалось допрыгнуть до окна.

Толпа, наблюдавшая за состязанием, ахнула. Гонцы устремились во дворец и немедленно доложили о случившемся царю Нахарины.

— Кто этот ловкий юноша? — спросил царь. — Кто-о? — подскочил он, услышав ответ. — Беглец из Египта? Жалкий оборванец?! Ах, дерзкий! Разве я отдам свою дочь кому попало? Пусть убирается вон, пока я не приказал схватить его и обезглавить.

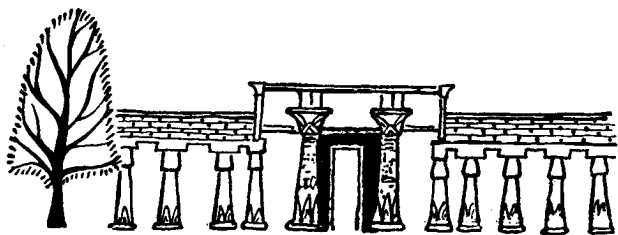
Но дочь царя заплакала:

— Клянусь вечностью Ра, если его отнимут у меня, я не буду есть, не буду пить и умру!

Царю Нахарины ничего не оставалось делать, как сыграть свадьбу. Юноша и его молодая жена переселились во дворец. Жили они беззаботно: пировали, ездили на охоту и на увеселительные прогулки. Казалось, ничто не может омрачить их счастья.

Но чем дальше, тем тягостней было на сердце у сына фараона. И однажды он, не в силах больше скрывать правду, сказал жене:

— Нет мне прощения! Я поступил с тобой жестоко и подло. Я состязался со знатными юношами за право стать твоим мужем, хотя знал, что принесу тебе только горе. Может быть, уже через год ты будешь рыдать у моего надгробия. Боги мне предсказали, что своей смертью я не умру. Погубит меня крокодил, змея или собака.

— Так убей же свою собаку! — в ужасе закричала молодая женщина.

— Нет! Я не могу так сделать. Этот нес — самое преданное мне существо. Я взял его щенком и вырастил. Если я его теперь убью, я стану предателем. Пусть лучше я сам погибну!

— Если так, — сказала жена, — отныне оберегать тебя буду я.

Оба они не знали, что уже в тот день, когда юноша покинул Египет, крокодил, предназначенный ему судьбой, последовал за ним. Он приполз в Нахарину и поселился в водоеме неподалеку от царского дворца.

В том же водоеме обитал водяной дух. Этот дух решил спасти сына фараона и не давал крокодилу выходить на сушу. Каждый день крокодил и водяной дух бились не на жизнь, а на смерть, но ни один из них не мог одолеть своего противника.

А юноша тем временем беззаботно предавался веселью. Он все так же ездил на охоту, кормил орехами дрессированных обезьянок в клетке, пировал и гулял по саду, не зная, что именно в саду, под корнями дерева, давно живет и следит за каждым его шагом змея, которую послала судьба.

Как-то раз сын фараона, укладываясь спать после пира, случайно задел и опрокинул кувшин с вином. Не обратив на это внимания, он лег и крепко уснул. И тут змея вползла под дверь.

Извиваясь, шипя, ядовитая тварь стала приближаться к спящему сыну фараона.

Но путь ей преградила винная лужа. Змея замерла, высунула свой раздвоенный язык, лизнула пахучую жидкость. Потом еще и еще. Она не могла понять, что это такое, и пыталась распробовать на вкус.

Мало-помалу ее глаза начал смыкать сон. Ползучая тварь перевернулась кверху брюхом и задремала.

В этот момент в комнату вошла жена юноши. Увидев змею, она побледнела от ужаса. Бедная женщина подумала, что судьба уже свершилась. С истошным воплем она кинулась мужу на грудь.

Юноша вскочил.

— Что случилось? — закричал он, спросонья ничего не понимая.

— Ты жив?! — воскликнула женщина. — Змея не ужалила тебя? — добавила она, все еще не веря своим гла-

зам.— О! Хвала великому Ра! Смотри! Боги отдали тебе в руки одну из трех судеб. Они спасут тебя и от двух остальных!

С этими словами она схватила меч и одним ударом разрубила змею пополам.

Сын фараона возблагодарил богов. Он стал каждодневно их славить, не скупясь одаривал храмы богатыми подношениями. Это и спасло его в будущем.

Прошло много дней.

Как-то раз юноша бродил по саду, а рядом с ним, вывалив язык, тяжело дыша от жары, бежал его верный пес. Пес был очень привязан к хозяину и всегда неотступно следовал за ним.

Сын фараона нагнулся и ласково потрепал зверя по шее:

— Мой самый верный друг! Разве можешь ты меня убить? Нет. Судьба пошлет мне на погибель другую собаку.

— Нет! Я — твоя судьба! — вдруг прорычал пес человеческим голосом.

Сын фараона отпрянул в ужасе. А пес оцетинился, оскалил зубы и прыгнул, норовя вцепиться в горло. Юноша едва увернулся от собачьих клыков и бросился бежать, громко зовя на помощь.

Но пес бежал быстрее. Он уже вот-вот был готов схватить юношу. Сыну фараона ничего не оставалось делать: он свернул на боковую аллею, из последних сил добежал до пруда и кинулся в воду.

Тут его и схватил крокодил.

Крокодил утащил юношу на дно и принес в пещеру, где обитал водяной дух. Здесь он разжал челюсти и выпустил свою жертву.

— Я — твоя судьба! — прохрипело зеленое зубастое страшилище.— Знай: я бы уже давно тебя убил, если бы не проклятый водяной дух, с которым мне изо дня в день приходится биться. Но я, так и быть, помилую тебя, если ты мне поможешь убить водяного духа, когда он вернется. Поблагодари его за то, что он оберегал твою жизнь, а сам исподтишка ударь его ножом.

— Нет! — гордо ответил сын фараона.— Пусть лучше я погибну, чем предам того, кто меня бескорыстно защищал.

— Тогда я убью тебя! Пусть свершится твоя судьба! — взревел крокодил.

Эти слова услышал с берега пес.

— Что я наделал! — заскулил он в ужасе. — Я погубил своего хозяина!.. Злая судьба сделала меня предателем!

Пес помчался во дворец. Жена юноши, увидев, что рядом с собакой нет хозяина, сразу поняла, в чем дело.

— Где мой муж?! — вскричала она и схватила со стены топор. Пес, виновато прижав уши, помчался обратно к водоему, показывая дорогу. Молодая женщина бросилась за ним.

Тем временем вернулся водяной дух. Он отдыхал на берегу пруда.

— Спаси моего супруга! — взмолилась дочь нахаринского царя. — Сделай так, чтобы крокодил выплыл на поверхность, и я зарублю его топором!.. Скорее же! Ведь тогда ты и сам избавишься от крокодила!..

Без лишних слов водяной дух бросился в пруд. Вскипела-забурлила вода, и вскоре на поверхности, у самого берега, среди камышей показались дерущиеся противники. Тут царская дочь взмахнула топором и убила крокодила.

— Боги спасли тебя во второй раз! Спасут и в третий! — радостно закричала она и кинулась обнимать мужа.

Сын фараона опять возблагодарил Ра за свое чудесное спасение.

Прошло еще несколько лет. Началась война. Нахарину захватило иноземное войско. Царь был взят в плен.

— Где твоя дочь и ее муж-египтянин? — спросил царя вражеский воевода. — Отвечай немедленно, или я прикажу казнить тебя самой мучительной казнью!

— Они бежали в горы, — отвелт перепуганный царь. Воевода тут же стал снаряжать отряд в погоню.

Это увидел водяной дух. Не теряя времени, он полетел к сыну фараона.

— Спасайтесь! — сказал водяной дух юноше и его жене. — Вас разыскивают иноземцы. Я не могу помочь вам: на суше я бессилен.

Поблагодарив водяного духа, юноша и его жена ушли еще дальше в горы и спрятались в пещеру. Вход они завалили ветками. Это надежно скрыло пещеру от посторонних глаз.

Но вместе с юношей был его пес.

На третий день к подножию гор прибыл отряд иноземцев. Воины тщательно обыскали окрестные заросли, излазили все ущелья, никого не нашли и стали уже собираться в обратный путь.

Юноша и его жена, притаясь в укрытии, наблюдали оттуда за вражеским отрядом.

— Мы спасены,— прошептала молодая женщина.— Они уходят.

— Мы спасены! — подтвердил сын фараона.

— Гав, гав! Мы спасены! — радостно залаял пес.

Услыхав лай, воины похватали оружие и бросились к пещере.

— Ах вот где прячутся эти двое! — вскричали они, со злорадством глядя на беглецов и предвкушая скорую расправу.— Теперь тебе смерть! — крикнули они юноше и с размаху метнули в него копья.

Но дочь нахаринского царя заслонила мужа грудью. Копья вонзились в нее. Вскрикнув, молодая женщина упала замертво.

Разозленные иноземцы обнажили мечи и зарубили юношу, а потом и его пса, который, пытаясь защитить хозяина, пустил в ход зубы и когти. Мертвые тела они вынесли из пещеры и кинули на растерзание дикому зверью. И ушли.

Но все это видели Ра и его свита.

— Судьба свершилась! — торжественно сказали боги.

— Да,— промолвил Ра задумчиво.— Судьба свершилась. Мне жаль этого юношу. В его груди билось благородное сердце. Вспомните: он не захотел убивать свою собаку, хотя и знал, что она его погубит. Он отказался убить водяного духа, считая, что лучше умереть в крокодильей пасти, нежели совершить подлость. Он жил праведной жизнью, соблюдал обряды, приносил нам щедрые жертвы. Давайте вознаградим его за верность и воскресим его и его жену.

— Ты прав, владыка! — в один голос закричали боги.— Да будет так!

Бог мудрости Тот произнес волшебное заклинание. Юноша и его жена воскресли. Первым делом они поблагодарили богов за их милость. После этого юноша сказал своей жене:

— Я не тот, за кого себя выдавал. Теперь, когда свершилась моя судьба, я тебе откроюсь. Я сын фараона, владыки Та-Кемет. Ты полюбила меня — как простого бедняка, теперь же ты станешь женой могучего властителя!

Они отправились в Та-Кемет и предстали перед фараоном. Его величество несказанно обрадовался, узнав, что сын его жив и невредим несмотря на то, что судьба, которую предсказали Семь Хатхор, свершилась.

Через некоторое время юноша привел в Нахарину неисчислимое войско, разбил армию захватчиков и освободил страну. Потом он вернулся с женой в Та-Кемет, принес благодарственную жертву Ра и остальным богам и зажил счастливой жизнью у себя на родине.

Так, хоть и с помощью богов, победил свою судьбу обреченный сын фараона. А ведь сыновьям фараонов гораздо труднее сделать что-нибудь наперекор воле богов, чем простым смертным! Судьбами владык Та-Кемет ведают не только Семь Хатхор, но и сама Маат — законодательница и владычица мирового порядка. Бог мудрости Тот записывает волю Маат на листьях Небесного Дерева, и нарушить это божественное предписание не дано никому.

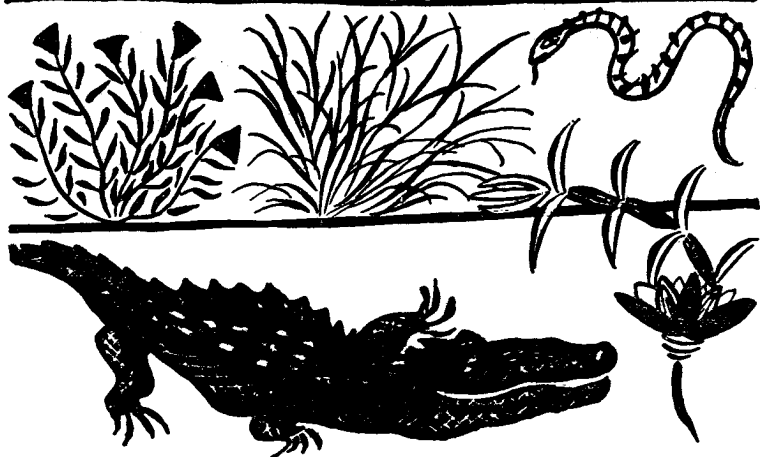
Вот что случилось с фараоном Менкаура, который нарушил волю Маат, правда, по своему неведению.

Во времена царствования Хуфу и Хафра Египет претерпевал великие бедствия.

Все храмы были закрыты. Священные деревья засохли; из щелей между плит, которыми были вымощены молитвенные дворы, буйно росли сорняки, а на горячих камнях грелись змеи, свернувшись кольцом и замерев. Народ прозябал в крайней нищете. Никто не обрабатывал поля, не пек хлеб и не занимался торговлей. Все египтяне денно и нощно работали на строительстве пирамид.

Быки вымерли от бескормицы, и чтобы таскать волоком глыбы, в них запрягали людей. И чем выше вырастала пирамида, тем изнурительней становился труд. Приходилось корзинами носить землю с берега, насыпать и утрамбовывать пологий склон вокруг пирамиды и по нему втаскивать наверх камни. Десятилетие за десятилетием не смолкали на западном берегу Нила злобные крики надсмотрщиков и свист плеток.

После смерти Хафра к власти пришел Менкаура, его сын. Он немедленно освободил измученный тяготами народ, распустил всех по домам, открыл храмы и восстановил торговлю. На брошенных, заросших сорняками полях вновь раздались песни пахарей, потекла по оросительным желобам вода, застучали молотки в мастерских; над зарослями камыша, хлопая крыльями, поднялись стаи диких уток, испугнутые охотниками. Жители Та-Кемет не знали, как им благодарить богов за то, что они им послали такого доброго владыку.

И Менкаура не сомневался, что боги щедро вознаградят его. Но прошло совсем немного времени с тех пор, как открылись опустевшие храмы, и вдруг фараон узнал из вещего сна, что жить ему на земле осталось шесть лет.

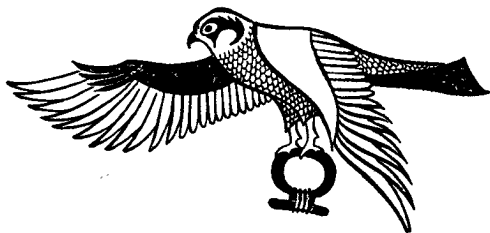
Менкаура был сражен этим известием. Как?! Разве он чем-нибудь прогневал богов? За какие грехи его хотят преждевременно отправить в Дуат? В отчаянии он послал гонцов к оракулу богини Маат. Гонцы спросили:

— Великая Маат! Ты богиня справедливости, но разве твое решение справедливо? Хуфу и Хафра привели храмы Та-Кемет в запустение, не чтили богов, угнетали народ — и жили при этом счастливо до глубокой старости. Почему же благочестивый и добрый Менкаура должен умереть молодым?

И оракул сообщил посланцам фараона ответ богини: — Потому я и сократила срок жизни Менкаура, что он слишком хорош. Он не выполнил того, что хотели боги. Египту суждено было терпеть бедствия сто пятьдесят лет. Хуфу и Хафра это поняли, а Менкаура не понял.

Когда гонцы передали фараону эти слова, Менкаура велел изготовить множество светильников. Он зажигал их каждую ночь, чтоб было светло, как днем, и при факельном свете устраивал веселые пиры. Так он поступал, чтоб шесть отпущенных ему лет превратились в двенадцать и чтобы, таким образом, вышло, будто богиня Маат сказала неправду.

Впрочем, если бы Менкаура, выслушав ответ, который дал оракул богини Маат его гонцам, прекратил бы делать добро и стал бы таким же жестоким деспотом, как его предшественники, Маат, возможно, и отменила бы свой приговор. Ведь пощадила же она фараона Хуфу, который тоже пытался действовать наперекор судьбе, но вовремя одумался, поняв, что его поступки неуютны богине. Вот как это было.

Фараон Хуфу и чародей Джеди

днажды фараон Хуфу, прослышав о чудесах, которые творит старый маг по имени Джеди, велел послать за ним и привести его во дворец, чтоб волшебник показал свое искусство.

Вскоре Джеди в сопровождении невольников прибыл во дворец владыки. Его величество Хуфу долго и внимательно разглядывал склонившегося перед ним старика. Наконец он сказал:

— Встань с колен. Люди говорят, что ты можешь прирастить к телу отрезанную голову. Это правда?

— Да, владыка, да будешь ты жив, здоров и могуч! — почтительно поклонился маг.

Фараон хлопнул в ладоши:

— Пусть приведут из темницы узника, осужденного на смерть!

— Нет, не могу я этого сделать с человеком, о повелитель, — возразил Джеди. — Запрещается делать подобное с людьми.

Тогда фараон приказал принести гуся. Один из слуг мечом отрубил птице голову. Джеди произнес магическое заклинание, и в тот же миг голова приросла обратно к туловищу.

Гусь как ни в чем не бывало встал, похлопал крыльями и вразвалочку зашлепал прочь.

— Хорошо! — воскликнул фараон Хуфу. — Я вижу, что люди говорили правду: ты действительно великий маг. А скажи: можешь ты раздобыть и принести мне папирусы Тота, великого бога мудрости?

— Нет, — ответил Джеди. — Судьбе угодно, чтобы их принес твоему величеству — да будешь ты жив, здоров и,

могуч! — старший сын жрицы Раджедет. Но это будет не скоро. Сыновья Раджедет еще даже не родились на свет.

— Что ж, я, конечно, доволен, что папирусы Тота будут у меня, — сказал фараон Хуфу. — Но кто она такая, эта жрица Раджедет?

Старый маг поклонился.

— Она жрица бога солнца Ра. Маат предсказала ей, что ее дети станут владыками Та-Кемет.

Лицо фараона сделалось мрачнее тучи. Джеди поспешил добавить:

— Не печалься, великий властелин! Сначала будешь царствовать ты, потом — твой сын, следом сын твоего сына, и лишь после этого престол достанется одному из сыновей Раджедет.

— Где она живет? — спросил фараон.

— В городе Иуну.

— А скоро ли у нее родятся сыновья?

— Это случится в пятнадцатый день последнего месяца Всходов.

— В это время пересыхают каналы, — задумчиво произнес фараон. — Значит, я не смогу приплыть к Раджедет на корабле.

— Не беспокойся, владыка, — как-то странно усмехнулся Джеди. — Если ты прикажешь, я сделаю так, что каналы наполнятся водой.

На этом Хуфу и чародей расстались.

А когда наступил пятнадцатый день четвертого месяца Всходов, Хуфу вновь призвал к себе старого волшебника и молвил:

— Я собираюсь плыть на корабле в Иуну. Ты должен отправиться со мной. Ведь ты обещал наполнить водой пересохшие каналы.

Джеди поклонился. Вместе с фараоном он взошел на корабль. Корабельщики подняли паруса, судно отчалило и стремительно понеслось вниз по течению.

Вскоре Хуфу увидел пересохший канал. Владыка Та-Кемет обратился к старому волшебнику:

— Исполни обещанное!

— Да будет так, как угодно твоему величеству!

Джеди произнес заклинание. В тот же миг канал доверху наполнился водой.

Гребцы развернули корабль, дружно взмахнули веслами, но, едва судно миновало устье канала, вся вода внезапно ушла под землю.

— Что это значит, Джеди? — в гневе воскликнул фараон Хуфу. — Не ты ли мне клялся, что наполнишь каналы водой?

— О владыка, да будешь ты жив, здоров и могуч! — ответил старый маг. — Я открыл тебе тайну будущего, а ты захотел его изменить. Но никто не в силах противиться воле великой Маат. Богиня говорит тебе: «Вернись, не посягай на жизнь сыновей Раджедет!»

— Да свершится воля богов! — воскликнул благоразумный фараон. Едва он произнес эти слова, канал тотчас наполнился водой, и судно Хуфу поплыло обратно в Мемфис.

ПЯТЬ ДУШ ЕГИПТЯ- НИНА

*Рен,
Ах и Шуит*

тец и мать дают своему ребенку Рен — имя. Имя так много значило в жизни египтянина, что считалось даже его душой, вернее, одной из пяти его душ. Знающий имя человека или демона приобретал над ним власть. Мы уже говорили, что если кто-либо хотел причинить зло своему недругу, он писал его Рен на кусочке папируса и потом сжигал этот папирус. В эпоху правления фараона Рамсеса Второго (Великого) придворные ваятели высекали Рен своего владыки на статуях других, давно умерших фараонов. После этого считалось, что статуя изображает Рамсеса Великого. Внешнему сходству не придавали особого значения, гораздо важнее был Рен.

Даже к грабителям и разрушителям гробниц закон был снисходителен, если Рен владельца гробницы был уже утрачен. В этом случае покойный считался «приобщившимся к божеству» и «раздающим добро людям». Если же Рен покойного был известен, то разрушение гробницы рассматривалось как преступление и сурово наказывалось.

Не меньшее значение имел Рен и для богов. Сам великий Ра в Загробном Царстве дал имена четырем человеческим расам, тем самым установив закон, по которому одни расы должны считаться высшими, а другие низшими, одни должны господствовать, а другие подчиняться. А стражи Дуата, охраняющие врата, не распахнули бы их перед Ладьей Вечности, но Упуаут знает имена огнедышащих охранников, и только поэтому они беспрекословно подчиняются солнечному богу. Помимо Рена, у богов и у людей есть и другие души: Ка, Ба, Ах и Шуит. Ах — это сияние, Шуит — тень. Об этих двух душах и о связанных с ними верованиях ученые-египтологи в настоящее время знают очень мало.

Ка, Ба и Сах

а — подобие человека, дословно «двойник». На рельефах, украшающих стены храмов и погребальных камер, и на рисунках в папирусах эта душа изображалась в виде темного, похожего на тень силуэта.

О Ка существовали одновременно два разных представления. С одной стороны, считалось, что Ка живет в гробнице умершего. Ему приносили в жертву пищу, которую оставляли возле захоронения. С другой стороны, считалось, что Ка обитает на небесах, в некоем «четвертом измерении», и ни в земной, ни в загробной жизни эта душа с человеком не встречается.

Душа Ба — жизненная сила — изображалась в виде сокола с человеческой головой. Человек умирал, когда Ба покидала тело, и оживал, когда Ба возвращалась к мумии. Именно поэтому и бальзамировали умерших: чтоб сохранить тело для души Ба.

В некоторых современных арабских деревнях до сих пор бытует обычай: в доме, где умер человек, ставить на окно кувшин с водой, чтоб отлетающая душа Ба могла умыться.

Мертвое тело считалось священным после того, как его перед началом бальзамирования омывали водой из Нила. Омытое тело называлось Сах. И в земной, и в загробной жизни Сах играло не менее важную роль, чем Ка и Ба. Однако само Сах, строго говоря, душой не считалось.

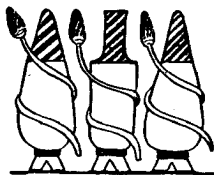
Каждый, кто наносил увечье священному телу Сах, считался преступником, даже парасхит — человек, обязанностью которого было вскрыть труп перед мумификацией. Несмотря на то, что, кроме парасхита, произвести вскрытие никто не мог и специально для этого его приглашали в

бальзамировочную мастерскую, его вина от этого несколько не становилась меньше. Сделав на животе умершего надрез кремневым ножом, парасхит сразу же обращался в бегство, а все присутствующие — жрецы-бальзамировщики и родственники покойного — преследовали парасхита, осыпая его проклятиями, моля богов жестоко наказать святотатца и швыряя ему вдогонку камни. Дом парасхита считался «нечистым» местом, и всякий, кто по какой-либо причине входил в этот дом, должен был после этого пройти обряд «очищения» и принести богам жертву.

Гробницы очень часто подвергались разорительным опустошениям, причем воры мало того что забирали все драгоценности, — они, вдобавок, уничтожали мумию, чтоб мумия не ожила и не отомстила, когда вернется душа Ба. Покойному наносился страшный вред: Ба лишалась своего тела! Кроме того, со временем мумия могла просто истлеть. Поэтому, чтоб застраховаться от потери мумии, египтяне ставили в гробнице ее подобие — статую из «вечного» материала, камня. А чтобы душа Ба не ошиблась, чтобы она узнала свою статую, лик статуи должен был иметь как можно больше сходства с лицом умершего. Мастерам заказывали скульптурные портреты. В истории мирового искусства скульптурные портреты впервые появились в Древнем Египте.

Что касается грабителей, их сурово наказывали: бросали на съедение крокодилам или львам, тем самым лишая их вечной жизни в Загробном Мире: ведь Ба не могла вернуться ни в мумию, ни в скульптуру.

Погребальные камеры украшались рельефами и магическими надписями. Изображения должны были сохраниться навечно. Поэтому иероглифы, фигурки людей, растения, звери, хлеб, фрукты, овощи и кувшины с напитками — все изображения сперва вырезались на камне и только потом раскрашивались. Произнеся заклинание, их можно было превратить в настоящие, причем не один раз, а сколько угодно — столько, сколько требовалось покойному.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Похоронный ритуал

жизнь. Но вот душа Ба покинула его. Он умер.

Согласно верованиям древних египтян, человек после смерти не только «соединялся» с богом Осирисом, но и сам становился Осирисом¹. Если у покойного был взрослый сын, он «становился» Гором. А родственницы умершего — его сестра и жена — превращались на время ритуала в Нефтиду и Исиду.

Оплакав усопшего и облачившись в голубые траурные одежды, родственники относили тело в «Дом Золота» — в мастерскую бальзамирщиков.

В течение семидесяти дней — поскольку Исида, Нефтида и Анубис восстанавливали разрубленный труп Осириса ровно семьдесят дней — бальзамирщики изготавливали мумию. Сперва они омывали тело водой из Нила, после чего, как мы уже знаем, оно становилось священным и называлось Сах. Затем, после того как парасхит делал надрез на животе, бальзамирщики извлекали внутренности и опускали их в специальные погребальные сосуды — каноны. Эти каноны изготавливались в виде богов Загробного Царства: Дуамутефа, Кебехсенуфа, Имсета и Хапи². Их доверху наполняли специальными настоями из трав и намертво закрывали крышками.

Закрыв каноны, бальзамирщики обрабатывали тело

¹ В древнейшие времена с Осирисом отождествлялись только умершие фараоны. Начиная примерно с XVII—XVI веков до нашей эры Осирисом считался любой умерший египтянин. К его имени прибавлялось имя загробного бога: например, о каком-нибудь Яхмесе после его смерти говорили Яхмес-Осирис.

² Не следует путать это божество с Хапи — богом Нила.

различными смолами, снабдьями из благовоний и трав и туго пеленали его матерчатыми бинтами.

Бальзамировщиков было пятеро. Самый главный из них надевал маску шакала и становился богом Анубисом. Четверо его помощников надевали маски Дуамутефа, Кебехсенуфа, Имсета и Хапи.

Родные и близкие должны были следить, чтобы все похоронные обряды соблюдались самым наистрожайшим образом. Ни один из ритуалов нельзя было нарушить, ни одно магическое заклинание нельзя было забыть. В противном случае Ка покойного был бы жестоко оскорблен пренебрежением к себе со стороны живых. Ка не прощал обид. Он становился злым демоном и вечно преследовал свой род, насылая беды, мстя не только своим родственникам, но и их далеким-далеким потомкам.

Если египтянин был беден, его мумию клали в простой деревянный гроб. На стенках гроба, с внутренней стороны, писали имена богов, которые должны были оживить умершего и проводить его в Дуат, а на крышке — обращение к владыке мертвых: «О ты, Уннефер¹, благой бог! Дай же этому человеку в твоём Царстве тысячу хлебов, тысячу быков, тысячу кружек вина».

Гробы состоятельных египтян клали еще и в каменные саркофаги. Очень часто для мумии делали несколько футляров в форме человеческой фигуры, которые вкладывались один в другой.

Погребальная процессия, оглашая окрестности плачем и стонами, переправлялась на лодках через Нил.

На западном берегу процессию встречали жрецы, облаченные в маски богов Преисподней. Они вели родственников к гробнице. Эту гробницу покойный, как правило, заказывал еще при жизни. За очень большую цену он покупал в некрополе штольню — горизонтальный или чуть наклонный тоннель, прорубленный в глубь скалы. Став владельцем штольни, египтянин, опять же за очень высокую плату, нанимал камнетесов, писцов, скульпторов и художников, которые разукрашивали стены гробницы рельефами, надписями, содержащими различные заклинания, высекали статую для души Ба и статуи богов, которые должны были охранять саркофаг, а также изготавливали всякую утварь — все, что пригодится покойному в

¹ Уннефер — «существо благое», самый распространенный эпитет Осириса. От него произошло русское имя Онуфрий.

Дуате, когда он оживет: кресла, одежды, амулеты, оружие и священные книги.

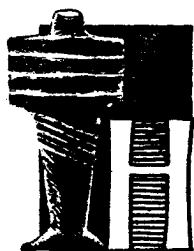
Своим «вечным пристанищам» — гробницам — египтяне уделяли гораздо больше внимания, чем земным жилищам. Греки говорили, что «вся жизнь египтянина состояла из приготовлений к смерти».

У входа в последнее, вечное, пристанище египтянина погребальная процессия останавливалась. Гроб опускали на землю, и жрецы, облаченные в одежды и маски богов Дуата, совершали над мумией обряд «отверзания уст».

Этот обряд символизировал приход Гора к мумии отца и воскресение Осириса. Совершался он так. Жрец в маске сокола, изображавший Гора, касался жезлом губ покойного и клал ему на грудь амулет в виде глаза. Это означало, что Гор принес свой глаз и дал его проглотить Осирису. Обряд «отверзания уст», согласно верованиям, возвращал умершему способность есть, пить, дышать и, самое главное, говорить. Ведь по пути в Великий Чертог Двух Истин ему придется заклинать загробных стражей, чтоб они пропустили его.

Закончив ритуал, жрецы относили гроб в усыпальницу и ставили в каменный саркофаг. Вход в гробницу опечатывали печатью некрополя, тщательно заваливали камнями и щебенкой и маскировали.

Воскресение и путешествие по Преисподней

аступал день, когда к мумии прилетала душа Ба. По ее зову в гробницу являлись боги подземного мира и с помощью магии возвращали умершего к жизни.

Воскреснув, египтянин оказывался перед каменными воротами, которые охраняли два чудовища. Умерший должен был приблизиться к ним и сказать:

— О великий владыка Дуата Осирис! Я пришел к тебе, чтобы обрести блаженство в твоём Царстве. Сердце мое безгрешно. Пусть же твои стражи откроют ворота и пропустят меня!

Еще при жизни каждый египтянин должен был прочесть священный папирус, который назывался «Книга Мертвых». Эта книга содержала подробное описание Загробного Царства; в ней перечислялись имена всех демонов, охраняющих ворота, а также заклинания, которые необходимо было знать умершему, чтобы благополучно миновать все преграды и избежать опасностей.

На тот случай, если египтянин вдруг забудет какое-либо заклинание или, заблудившись в Дуате, не сможет найти дорогу в Великий Чертог Двух Истин, ему помимо амулетов и прочей погребальной утвари обязательно клали в гроб «Книгу Мертвых». А самые важные заклинания высекали еще на стенках гробницы.

Сразу за первыми воротами начинались две извилистые тропы. Обе они вели к Чертогу Двух Истин; оставалось только решить, по какой из тропинок безопаснее идти. Впрочем, в обоих случаях путь предстоял нелегкий. Тропы разделяло огненное озеро. Бешено ревели пламя, сверху на голову сыпались раскаленные угли, душил и выедал глаза ядовитый дым. Чтобы не задохнуться, умерший

должен был иметь при себе деревянную фигурку бога воздуха Шу.

На берегах озера жили страшилища — драконы, демоны, змеи, и безнаказанно пройти по тропе мог только тот, кто знал имена стражей, заклинания и имел при себе волшебные амулеты, спасающие от бед и опасностей.

За озером тропинки вновь смыкались. Здесь дорога упиралась во вторые врата.

Чтобы облегчить умершему странствие, боги создали в Загробном Царстве ариты. Это были тихие безопасные уголки. Ни змеи, ни скорпионы в ариты не заползали. Здесь покойный мог отдохнуть и набраться сил для дальнейшего путешествия. Но опять же: не всякий мог войти в ариту. Для этого надо было знать волшебные заклинания и, разумеется, имена демонов, стоящих на страже.

Пройдя все врата, умерший наконец достигал цели своего путешествия — Великого Чертога Двух Истин.

*Суд Осириса
и вечная жизнь
в Полях Камыша*

а пороге Великого Чертога умершего встречал шакалоголовый бог Анубис.

— Приветствую тебя, великий среди богов Загробного Мира! Я пришел к тебе, господин мой, — говорил умерший, согнувшись в поклоне до земли.

Бог смерти хранил величественное безмолвие. Выслушав приветствие, он брал египтянина за руку и вел в зал, где должно было вершиться Загробное Судилище.

Они шли мимо каменных статуй и мимо колонн, обвитых живыми змеями. Из темноты навстречу им то и дело выползали чудовища и, оскалив пасть, требовали назвать их имена.

Но вот открывались последние двери, и умерший вслед за Анубисом вступал в зал Суда.

Здесь в тишине и торжественном полумраке сидели боги-судьи. Они делились на две группы — на Великую и Малую Эннеады¹. Перед каждой из двух Эннеад египтянин должен был держать ответ за свои земные дела, дважды должен был доказать, что его клятвы в собственной безгрешности не лживы, а истинны. Поэтому зал Суда и назывался Чертогом Двух Истин.

Головные уборы всех судей украшало перо Истины — перо богини Маат.

Великая Эннеада, в которую входили Ра, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Нефтида, Исида, Гор — сын Осириса, Хатхор, Ху (Воля) и Сиа (Разум), начинала допрос умершего.

¹ Слово «эннеада» в переводе с греческого языка означает «девятка». Однако в Великую Эннеаду входило 11 богов, а в Малую — 42.

— Кто ты? Назови свое имя! — требовали боги.
Покойный называл себя.

— Откуда ты прибыл? — следовал второй вопрос.

Подсудимый называл город, в котором он жил.

Когда допрос заканчивался, перед Великой Эннеадой выступали Месхент, Шаи и душа Ба покойного египтянина. Они подробно рассказывали, какие этот человек совершал в жизни хорошие и дурные поступки.

Если кто-либо из богов требовал сурового наказания для грешника, Исида, Нефтида и Нут вставали на его защиту. Египтяне изображали этих богинь на саркофагах в виде женщин с распростертыми крыльями, потому что распростертые крылья считались символом защиты.

Ответив на все вопросы, умерший приступал к «Исповеди отрицания»:

— Я не совершал несправедливостей против людей, — клялся он. — Я не притеснял ближних. Я не грабил бедных. Я не делал того, что неуютно богам. Я не подстрекал слугу против его хозяина¹.

Так покойный перечислял сорок два преступления и клятвенно заверял богов, что ни в одном из них он не виновен.

После «Исповеди отрицания» умерший обращался к Малой Эннеаде. Называя по имени каждого из сорока двух богов, он вновь перечислял сорок два преступления и клялся в своей непричастности к ним.

Затем боги приступали к взвешиванию сердца покойного на «Весax истины». На одну чашу весов клали сердце, на другую — перо богини Маат, символизирующее справедливость, правду и правосудие. Если стрелка весов отклонялась, покойный считался грешником и великая Эннеада выносила ему обвинительный приговор.

Умерший в отчаянии падал на колени, моля о пощаде. Но боги оставались безучастными к запоздалому раскаянию. Имя грешника объявляли несуществующим, а сердце отдавали на съедение богине Амма́т — «Пожирательнице», чудовищу с телом гиппопотама, львиными лапами, львиной гривой и пастью крокодила. Чавкая и рыча, Амма́т съедала сердце, и египтянин лишался жизни — теперь уже без надежды на воскресение, навсегда.

Если же чаши весов оставались в равновесии, покой-

¹ Перевод О. И. Павловой.

ный признавался оправданным¹. Великая Эннеада торжественно оглашала свое решение даровать ему вечную жизнь, и бог Тот записывал на папирусе имя египтянина.

Бог Гор брал умершего за руку и вел его к трону владыки Преисподней — Осириса. Во все время Суда Осирис молча наблюдал за происходящим. Он не принимал участия ни в допросе умершего, ни во взвешивании сердца, а только освящал весь ритуал своим присутствием.

Умершего проводили мимо сидящего на престоле бога. На этом Суд заканчивался. Оправданный египтянин мог теперь отправиться к месту вечного блаженства — в Поля Камыша. Туда его сопровождал бог-покровитель Шаи.

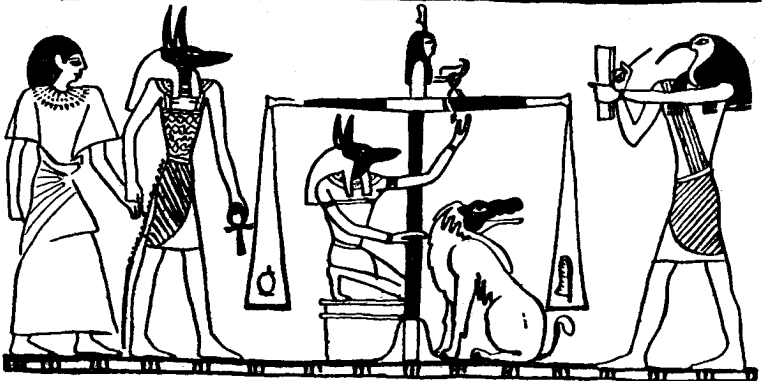
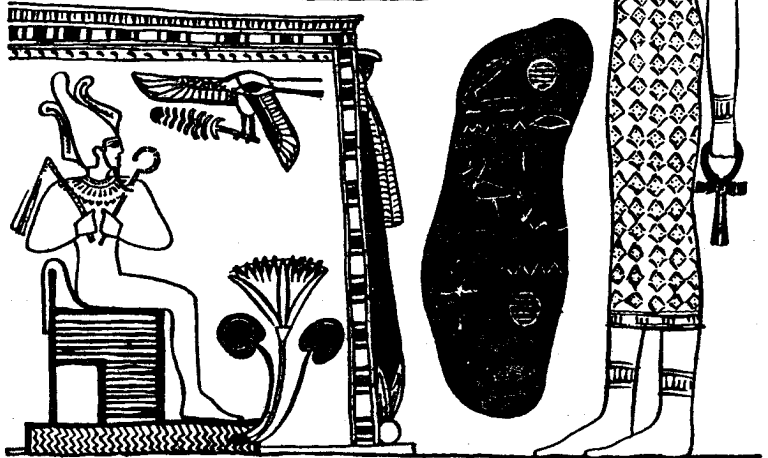
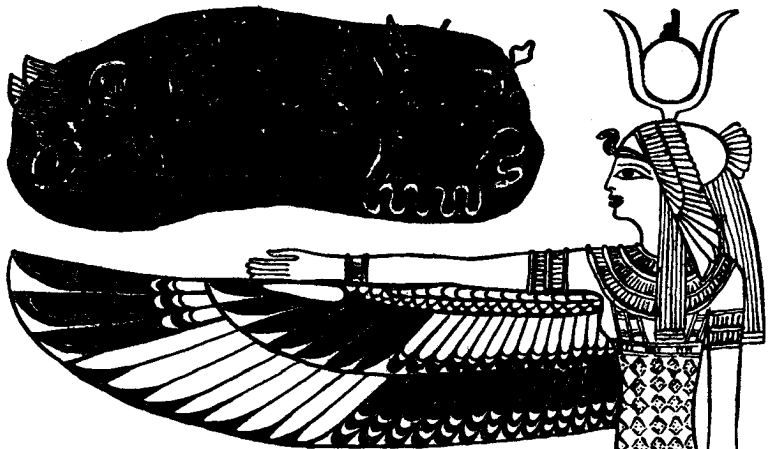
В Полях Камыша умершего ждала такая же жизнь, какую он вел и на земле, только здесь царило полное изобилие и никогда не бывало засух и неурожаев. Семь Хатхор, Непри и другие боги обеспечивали египтянина пищей, делали его загробные пашни плодородными, а его скот — тучным. Чтоб покойный мог наслаждаться отдыхом, чтоб не пришлось ему самому обрабатывать поля и пасти скот, в саркофаг клали у ш е б т и — деревянные или глиняные фигурки писцов, жнецов, пастухов.

Ушебти — «ответчик». Шестая глава «Книги Мертвых» рассказывает о том, как заставить ушебти работать. Когда в Полях Камыша боги позовут покойного на работу, человек-ушебти должен вместо своего хозяина выйти вперед и откликнуться: «Я здесь!», после чего отправиться работать, куда ему прикажут.

Богатые жители Та-Кемет могли купить себе для вечной жизни сколько угодно ушебти. Те, кто был победнее, покупали их 360, по одному на каждый день года. Бедняки же покупали одного-двух человечков, но вместе с ними клали в гроб список трехсот шестидесяти таких «помощников». Благодаря чудодейственным заклинаниям, перечисленные в списке человечки оживали.

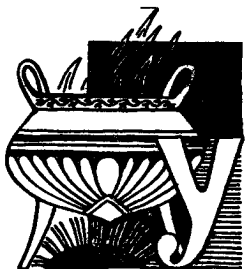
¹Почему греховное сердце должно было быть тяжелее или легче пера Маат — неизвестно.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

СКАЗАНИЯ О САТНИ- ХЕМУАСЕ

Сатни-Хемуас и его сын Са-Осирис

одного фараона был взрослый сын. Звали его Сатни-Хемуас. Этот Сатни-Хемуас слыл великим мудрецом. Он был самым лучшим лекарем в стране, самым искусным магом и звездочетом, знал даже те заклинания, которые не были известны верховному жрецу Тота.

Молва о Сатни-Хемуасе облетела мир. Во всех городах, на всех языках люди твердили его имя, передавали его из уст в уста, рассказывали о великом маге детям. Иноземные мудрецы приезжали за советом к Сатни-Хемуасу.

Дом Сатни-Хемуаса стоял в живописном месте на взгорке. Это был высокий просторный дом с увитой плющом террасой, где можно было наслаждаться прохладой в знойные дни, встречать восход Ладьи Вечности поутру и любоваться закатами по вечерам. Ни в чем не зная Сатни-Хемуас недостатка. Амбары его ломились, сокровищница была полна; его окружали верные слуги, готовые выполнить любое желание своего господина. У него была красавица жена по имени Мехитуасехет. Только детей не было у Сатни-Хемуаса. Это очень печалило его и его жену.

Однажды Мехитуасехет пришла в храм великого Птаха и обратилась к богу с молитвой.

— О великий Птах! — взывала она, стоя на коленях и воздев руки. — Услышь мою мольбу. Пошли мне сына или дочь!

Но каменная статуя безмолвствовала. Вновь и вновь

Мехитуасехет оглашала храм мольбой; много часов простояла она на коленях перед жертвенником, пока наконец ее не сморил сон. Женщина склонила голову на каменный постамент и задремала.

Но как только она задремала, раздался голос:

— Слушай меня внимательно, Мехитуасехет! Пробудись, встань и иди домой. Завтра утром в твоём доме вырастет стебель дыни. Свари из него питье и выпей.

Мехитуасехет проснулась. Поняв, что это был вещий сон, она возблагодарила Птаха и бегом устремила к дому.

На пороге ее встретил Сатни-Хемуас. Завидев бегущую Мехитуасехет, он воскликнул:

— Радуйся, жена! Мне только что снился вещий сон! У нас родится сын! Боги повелели дать ему имя Са-Осирис и предсказали, что он совершит множество чудесных подвигов.

Мехитуасехет решила не говорить мужу про то, что с ней случилось в храме Птаха. Она прошла в дом. Всю ночь она не могла уснуть от волнения и, едва забрезжил рассвет, побежала осматривать комнаты.

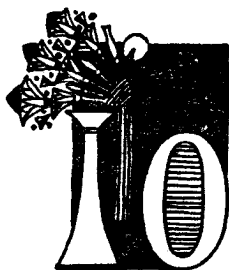
В самой маленькой комнате рос дынный стебелек.

Женщина сделала все так, как повелел Птах в вещем сне: сорвала стебелек, сварила зелье и выпила. Год спустя у нее родился сын. Мальчика назвали Са-Осирисом.

Маленький Са-Осирис рос так быстро, что не только лекари и знахари в недоумении разводили руками, но даже сам мудрый Сатни-Хемуас — и тот не переставал удивляться. Когда Са-Осирису исполнился год, все, кто видел его, говорили: «Ему два года», а когда он достиг двухлетнего возраста, всем уже казалось, что это пятилетний мальчуган. Сатни-Хемуас очень любил своего сына и каждый день подолгу с ним играл в саду.

Когда Са-Осирис подрос и окреп, его отдали на обучение в храмовую школу. Но прошло совсем немного времени, и он стал знать гораздо больше, чем все его учителя. Еще через год мальчик состязался в знаниях с лучшими чародеями страны. Сам фараон присутствовал на этом состязании! И умудренные старцы вынуждены были признать полное превосходство Са-Осириса.

Тогда Сатни-Хемуас, слывший величайшим из мудрецов, сам стал обучать Са-Осириса. Однако и Сатни-Хемуас вскоре понял, что мальчика попросту нечему учить — он уже знает все.

*Сатни-Хемуас
в Загробном
Царстве*

днажды Сатни-Хемуас и его сын Са-

Осирис отдыхали на террасе дома. Солнце уже клонилось к западу. Был приятный, тихий вечер.

Вдруг воздух наполнился криками, горестными стонами и плачем. Сатни-Хемуас вгляделся вдаль.

Хоронили богатого горожанина. Кедровая ладья везла через Нил роскошный гроб, украшенный золотом и драгоценностями. Подле гроба надрывались плакальщицы. А позади погребальной ладьи плыло великое множество лодок. Это друзья и родственники провожали богача в его вечное жилище.

— Посмотри теперь туда, отец, — тронул его за плечо Са-Осирис.

Сатни-Хемуас повернулся и посмотрел туда, куда показывал его сын.

Неподалеку от грузовой пристани, в утлой тростниковой лодчонке везли на запад бедняка. Тело его было завернуто в грубую циновку. И никто не пришел проводить умершего в последний путь. Только лодочник устало греб веслом, да плачущая вдова сидела рядом.

— О Осирис! — воскликнул Сатни-Хемуас, отводя взгляд от этого тягостного зрелища. — Великий бог Дуата! Сделай так, чтоб мне воздали в твоём Царстве, как воздают тому богачу, и да не постигнет меня участь бедняка!

— Нет, отец, — возразил Са-Осирис. — Ты получишь в Дуате то, что получит бедняк.

Сатни-Хемуас опешил. Некоторое время он не мог вымолвить ни слова.

— Не ослышался ли я?! — воскликнул наконец он. — Неужели это слова сына, который любит своего отца?

— Именно так,— промолвил Са-Осирис.— Пойдем.

Он взял отца за руку и потянул его за собой. Удивленный Сатни-Хемуас пошел следом за сыном.

Они переправились через Нил и очутились в городе мертвых, среди жертвенников и заупокойных молелен. Са-Осирис приблизился к подножию скалы, остановился и прошептал заклинание.

В тот же миг раздался страшный грохот. Земля разверзлась, и Сатни-Хемуас увидел огромную пещеру.

— Эта пещера ведет в Преисподнюю,— сказал Са-Осирис и снова потянул отца за руку.

Они вошли в огромный полутемный зал. Здесь, при желтоватом свете факелов, сгорбившись, сидели какие-то люди. Их было так много, что невозможно было сосчитать. Люди сучили веревки из волокна, их пальцы были содраны в кровь,— но позади людей стояли ослы и пожирали эти веревки.

Как зачарованный смотрел на это Сатни-Хемуас, пока Са-Осирис опять не потянул его за собой.

— Пойдем дальше, отец,— шепотом промолвил он.

Они подошли к двери, которая вела в следующий зал. Сатни-Хемуас толкнул ее плечом. Дверь стала медленно открываться, и вдруг подземелье огласил душераздирающий крик.

Сатни-Хемуас замер, холод пробежал по его телу. В желтом свете горящих факелов он увидел, что на полу перед ним лежит человек. Нижний шип двери был воткнут в его глаз. Дверь медленно открывалась, и шип так же медленно, с хрустом поворачивался в его окровавленной глазнице.

Сатни-Хемуас содрогнулся от ужаса и попятился. Весь бледный, он вошел в следующий зал.

У самых дверей стояла на коленях целая толпа народу. Все с плачем молили о прощении. Вдали же, на почетных местах, сидели праведники.

Вдруг позади опять раздался истошный крик.

— Что это? — спросил Сатни-Хемуас.— От этого крика кровь стынет в жилах.

— Это еще один умерший открыл двери и вошел в Дуат,— ответил Са-Осирис.— Всякий раз, когда открывается дверь, шип поворачивается в глазу того человека... А сейчас мы войдем в Великий Чертог Двух Истин!

И они вошли в зал Загробного Суда.

Здесь посреди зала на троне царственно восседал сам

владыка Преисподней. У трона стояли Тот, Маат и Хатхор. Они следили за тем, как Анубис взвешивает сердце на весах. А в темной пещере, в самом углу зала, хищно пылали два глаза. Это чудовище Аммат затаилась там в нетерпеливом ожидании, готовая, как только бог мудрости огласит обвинительный приговор, броситься на жертву и растерзать ее.

И еще Сатни-Хемуас заметил возле трона Осириса какого-то человека, облаченного в одежды из тончайшего полотна. Запястья его рук украшали драгоценные браслеты с изображениями богов, а на груди блеснул лазуритовый амулет в виде жука-скарабея.

— Отец мой Сатни, — тихо проговорил Са-Осирис. — Видишь ли ты благородного человека, который стоит на почетном месте около владыки умерших? Это и есть тот самый бедняк, которого хоронили безо всяких почестей и везли на запад в убогой лодчонке, завернутого в грубую циновку. Это он! Его привели на Суд, взвесили его сердце и нашли, что содеянное им добро перевешивает зло. Но в земной жизни на его долю выпало слишком мало радостей. Поэтому боги велели отдать бедняку погребальное убранство богача, которого хоронили с роскошью и почестями. Ты видишь, отец: бедняка поместили среди чистых душ. Но ты видел и богача, отец мой Сатни! Дверной шип торчит в его глазу. Вот почему я сказал тебе: «С тобой поступят так же, как с бедняком, и да минует тебя доля богача».

— Сын мой Са-Осирис! — воскликнул Сатни-Хемуас. — Немало чудес видел я в Дуате! Но объясни мне: кто те люди, которые непрерывно вьют веревки, и почему эти веревки пожирают ослы?

— Знай, — ответил Са-Осирис. — Люди, которые вьют веревки, — это подобие тех, над кем на земле тяготеет проклятие богов. Они трудятся день и ночь, стараясь увеличить свое богатство, но золото утекает, как вода сквозь решето, и у них не хватает даже хлеба, чтоб досыта наесться. Когда они приходят в Дуат и выясняется, что их злодеяния многочисленнее добрых дел, боги обрекают их на то же, что было и на земле. Тем, кто на земле творил добро, здесь тоже воздается добром, а тем, кто совершал зло, воздается злом. Так было, так есть — и не изменится никогда!

С этими словами Са-Осирис взял отца за руку и вывел его из подземелья.

*Са-Осирис
и чародей
из Эфиопии*

то удивительное событие произошло в последний год жизни Са-Осириса. Мальчику тогда исполнилось двенадцать лет.

Однажды к отцу Сатни-Хемуаса, к великому фараону Та-Кемет, прибыл чернокожий гонец из Эфиопии.

Войдя в зал приемов, гонец поклонился всем присутствующим, поклонился фараону и протянул ему свиток папируса.

— Кто может прочесть этот папирус, не разворачивая его и не повредив печати? — спросил он и насмешливо оглядел зал. — Даю вам десять дней. Через десять дней я снова буду здесь. Если окажется, что в Та-Кемет нет столь искусных мудрецов, которым это под силу, то пусть ваша страна будет посрамлена навеки и пусть признает она превосходство Эфиопии!

Сказав это, гонец поклонился, еще раз окинул насмешливым взглядом всех присутствующих и вышел.

Придворные мудрецы и маги стояли, словно окаменев. Никто не решался поднять глаза, ни у кого не хватало смелости заговорить первым.

Молчание нарушил сам фараон.

— Я жду вашего ответа, мудрецы, — проговорил он с тревогой в голосе. — Неужели же ни один из вас не в силах тягаться с презренной страной варваров?

Мудрецы угрюмо потупили взгляды. Фараон посмотрел на сына. Но Сатни-Хемуасу тоже было нечего сказать.

— Сын мой Сатни! Что это? Или даже тебе не справиться с такой задачей? — воскликнул изумленный фараон.

— Да, владыка, да будешь ты жив, здоров и могуч, — признал Сатни-Хемуас. — Кто же может прочесть

послание, не разворачивая папирус? Но эфиоп дал нам десять дней срока. Я сделаю все, что в моих силах, чтоб не пришлось Египту признать превосходство Эфиопии.

Фараон нахмурился. Сатни-Хемуас отвесил низкий поклон и ушел домой.

Близился вечер. Вот уже несколько часов Сатни-Хемуас сидел на террасе в кресле, в мрачной задумчивости уставившись в одну точку и ничего вокруг не замечая. Мехитуасехет не тревожила мужа, боясь прервать течение его мыслей.

Но вот стали загораться звезды. Пора было идти спать, а Сатни-Хемуас все так же неподвижно сидел. Тогда Са-Осирис подошел к отцу и спросил:

— Отец мой Сатни, скажи, чем ты так угнетен? Может быть, я сумею тебе помочь?

— Оставь меня, сын,— хмуро ответил Сатни-Хемуас.— Ты еще слишком мал, и незачем тебе знать, какая забота у меня на сердце.

Но Са-Осирис не оставил отца в покое. Он надоедал ему своими вопросами до тех пор, пока Сатни-Хемуас наконец не сдался и не рассказал про эфиопского чародея.

— И вот теперь я думаю, как прочесть этот папирус,— закончил свой рассказ Сатни-Хемуас, тяжело вздохнул и умолк.

Са-Осирис разразился смехом.

— И ты смущен из-за такого пустяка! — воскликнул он.— Встань, отец. Я прочту это эфиопское послание.

Сатни-Хемуас метнул в сына гневный взгляд. Но тот продолжал захлебываться от смеха. Гнев Сатни-Хемуаса постепенно сменился удивлением. Немного подумав, он кликнул раба:

— Принеси мне из дома какой-нибудь папирус!

Когда раб вернулся и с поклоном подал свиток, Сатни-Хемуас сказал сыну:

— А ну-ка прочти, что здесь написано.

— Это «Книга Мертвых»,— ответил Са-Осирис и, не развернув папируса, стал читать. Он читал до тех пор, пока Сатни-Хемуас сам его не остановил.

— Достаточно! — закричал Сатни-Хемуас.— Сын мой! Завтра же мы идем к фараону, завтра же посрамям перед его величеством посланца варварской страны!

На другое утро все придворные мудрецы и маги во главе с Сатни-Хемуасом собрались в зале приемов. Фараон распорядился привести эфиопа.

Вскоре пришел эфиоп. Под мышкой он нес свое загадочное послание. Не скрывая презрительной ухмылки, он оглядел всех и подал Сатни-Хемуасу папирус.

Сатни-Хемуас тут же передал свиток сыну.

Глаза эфиопа расширились от изумления, когда до него дошло, что папирус собирается читать двенадцатилетний мальчонка.

— Читай же! — приказал фараон, и Са-Осирис стал читать то, что было написано в папирусе:

— «Было это в давние времена. Однажды царь Эфиопии, отдыхая в беседке на берегу пруда, услышал неподалеку голоса. Какие-то люди тихо разговаривали в зарослях. Царь прислушался.

— Если б меня не страшило возмездие, исходящее от великого Ра, — молвил первый голос, — я бы напустил на жителей Та-Кемет свои чары и сделал так, что их поля на три года стали бы неплодородными.

— Им не страшен неурожай, — со знанием дела возразил второй голос. — На случай голода в их амбарах хранятся богатые запасы зерна... Нет! Чтоб унижить Египет и доказать его ничтожество перед Эфиопией, надо сделать из их страны посмешище. Смех губительней всего на свете! Тот, с кем жестоко расправились, вызывает в людских сердцах сострадание и жалость. Но никогда не пожалеют того, кто смешон!.. Вот если бы ты мог, к примеру, сделать так, чтоб их владыку, фараона, высекли розгами на глазах у всего народа...

— Я могу это сделать! — воскликнул первый голос.

Царь Эфиопии не стал слушать дальше. Он сразу же бегом устремился к зарослям, туда, где раздавались голоса.

В кустах акации беседовали два молодых эфиопа.

— Который из вас сказал, что может высесть владыку Та-Кемет на глазах у рабов и черни? — нетерпеливо потребовал ответа царь, глядя то на одного, то на другого.

— Я это сказал, — не сразу последовал ответ. — Меня зовут Гор. Я сын негритянки.

— Так соверши же свое волшебство, Гор, и я тебя щедро награжу!..».

Са-Осирис замолчал, поднял глаза и пристально посмотрел на эфиопа.

— Да покарает тебя великий Ра! — сказал он. — Это ли написано в твоём папирусе?

— Это, — тревожно озираясь, подтвердил эфиоп. Он упорно избегал взгляда мальчика. — Продолжай.

— «Гор — сын негритянки слепил из воска носилки и четырех носильщиков,— стал читать дальше Са-Осирис.— Затем Гор — сын негритянки произнес над восковыми фигурками заклинание, оживил их и приказал им:

— Отправляйтесь в Та-Кемет. Принесите сюда фараона, дайте ему здесь, при всем народе, пятьсот ударов розгами и унесите обратно. Все это вы должны сделать не больше чем за шесть часов.

И вот порождения эфиопского чародея ночью отправились в долину Нила. Они проникли в покои властителя, схватили его, связали, швырнули на носилки и бегом помчались в Эфиопию. Здесь они избили фараона розгами и гиппопотамовыми плетками и той же ночью унесли обратно в Та-Кемет.

Наутро фараон вызвал своих приближенных.

— Я велю казнить начальника дворцовой стражи и всех, кто стоял ночью в карауле! — вскричал он в негодовании.— Как могло случиться, что в спальню моего величества беспрепятственно проникли враги?! Они унесли меня в Эфиопию и там избили плетками. Клянусь всемогущим богом Птахом, все было так, как я говорю!

Придворные изумленно переглянулись: не помутился ли у фараона разум?

— О владыка! О наше солнце! — подобострастно проговорил один из них.— Не печалься. Великая Исида исцелит твой недуг. Прикажи послать за лекарем.

— Вы думаете, я сошел с ума? Так поглядите же!

И фараон показал свою жестоко избитую спину. Вся спина была в синяках и кровоподтеках.

У всех, кто был в зале, невольно вырвался крик изумления.

Но тут к фараону подошел придворный мудрец, чародей и хранитель папирусов Гор — сын Па-Неше.

— Владыка, да будешь ты жив, здоров и могуч,— сказал он.— Начальник стражи невиновен. Это эфиопские чародейства. Но, клянусь жизнью, я проучу злодея!..».

Тут Са-Осирис снова прервал чтение:

— Верно ли я читаю то, что написано в папирусе, презренный эфиоп? Отвечай!

Эфиоп стоял сжавшись, свесив голову. Колени его дрожали.

— Каждое твое слово правда, мальчик,— еле слышно пролепетал он.

Са-Осирис стал читать дальше.

«Гор — сын Па-Неше дал фараону перстень с амулетом. Ночью скороходы Гора — сына негритянки опять проникли во дворец, чтобы унести фараона в Эфиопию и там избить плетью. Но они не смогли одолеть чудодейственной силы амулета и ушли ни с чем.

Зато эфиопский царь был похищен в ту ночь! Гор — сын Па-Неше тоже слепил из воска четырех носильщиков и повелел им принести царя Эфиопии в Та-Кемет, всыпать ему при всем народе пятьсот ударов плетью и унести обратно.

Утром царь Эфиопии призвал к себе Гора — сына негритянки, показал свою жестоко избитую спину и напустился на чародея с криком:

— Посмотри, что сделали со мной в Египте! Видишь?! Клянусь: если ты не сумеешь впредь уберечь меня от их волшебства, я тебя предаю самой лютой казни!

Гор — сын негритянки изготовил свои талисманы и отдал их царю. Но едва наступила ночь, восковые скороходы Гора — сына Па-Неше вновь явились в Эфиопию, унесли царя и опять высекли его при всем народе.

И на следующую ночь повторилось то же самое.

Эфиопский царь пришел в отчаяние.

— Горе тебе, злодей! — визжал он, потрясая кулаками. — Из-за тебя я претерпел от египтян столько унижений! Клянусь всемогущими богами, завтра на рассвете тебя казнят! Эй, стража!

— Господин мой и повелитель! — в слезах воскликнул Гор — сын негритянки. — Если ты велишь меня казнить, кто другой спасет тебя от восковых скороходов? В Эфиопии нет больше мудрецов, кроме меня. Дозволь отправиться в Та-Кемет. Я должен увидеть и убить этого чародея.

Царь подумал-подумал и наконец бросил злобным голосом:

— Хорошо, ступай. Даю тебе полмесяца сроку.

Гор — сын негритянки поклонился и, пятясь, вышел из покоев.

В тот же день он снарядился в путешествие и отправился в Та-Кемет. Путь ему предстоял далекий. Лишь через несколько дней он достиг фараонова дворца.

Стража угрожающе выставила копыя ему навстречу. Но Гор — сын негритянки околдовал охранников и спокойно прошел в покои владыки.

— Эй! Кто здесь осмелился чародействовать против моего царя?! — закричал он на весь дворец. — Выходи,

презренный! Я бросаю тебе вызов: мы будем состязаться в искусстве колдовства!

На шум сбежались придворные, потом пришел и сам фараон. Увидев эфиопского колдуна, все испуганно притихли.

— Где же ты? Или ты боишься? Отзовись! — продолжал кричать Гор — сын негритянки, с презрительной усмешкой глядя в лицо то одному, то другому придворному из свиты фараона.

— Я здесь! — раздалось в ответ, и в тот же миг в зале невесть откуда возник Гор — сын Па-Неше.

— Значит, это ты чародействуешь против меня, шакал! — оскалась, проговорил Гор — сын негритянки. — Прокляни же тот час, когда ты появился на свет.

Он произнес магическое заклинание, и вдруг посреди зала взвился огненный вихрь. Мгновение спустя уже весь дворец был охвачен пламенем. Каменные колонны горели точно сухая древесина.

Тогда Гор — сын Па-Неше сотворил свое заклинание. Едва он произнес его, с неба хлынул ливень и загасил огонь.

Эфиоп пришел в ярость. Он взмахнул рукой — и вся земля Та-Кемет погрузилась в темноту. Стало холодно.

Вопли ужаса огласили дворец. Но Гор — сын Па-Неше только усмехнулся. Он тронул рукой волшебный талисман — и над землей снова засверкало солнце.

Эфиоп даже засопел от гнева. На лбу его вздулись жилы, похожие на узловатые веревки. Он опять что-то пробормотал — и внезапно вокруг фараона выросла каменная стена.

— Вот гробница для вашего повелителя! Он навеки замурован!

Гор — сын негритянки торжествующе оглядел собравшихся. Но не прошло и минуты, как сложенная из гигантских глыб стена растаяла, словно туман.

И понял наконец эфиоп, что не под силу ему бороться с египетскими чародеями. В страхе он пролепетал заклятие, сделался невидимым и бросился из дворца вон.

Но Гор — сын Па-Неше успел схватить его за шею:

— Вот он, эфиопский злой колдун! Смотрите на него все!

И все вдруг увидели, что Гор — сын Па-Неше держит за шею, высоко подняв над головой, жалкого общипанного гусенка.

— Не губи меня, могучий чародей! — взмолился гусенок. — Преврати меня снова в человека. Я больше не причину зла вашей стране!

Гор — сын Па-Неше глубоко задумался. Все ждали, замерев.

— Ты даешь священную клятву? — спросил наконец Гор.

— Да, да, господин! Именем Ра клянусь не возвращаться в Египет, пока не пройдет полторы тысячи лет!..».

— На этом кончается рассказ, что записан в папирусе, — объявил Са-Осирис. — Верно ли я его прочел? Отвечай, презренный эфиоп!

Эфиоп не ответил. Он стоял, весь дрожа и закрыв лицо руками.

— О владыка, да живешь ты, да здравствуешь и да благоденствуешь! — воскликнул Са-Осирис, обращаясь к фараону. — Смотри же на этого злодея! Клянусь богами, этот человек и есть тот самый Гор — сын негритянки, о котором я рассказал. Он не раскаялся в своих злодеяниях и, когда прошло полторы тысячи лет, вновь вернулся в нашу страну, чтобы чародействовать. Но клянусь, владыка, что и я не кто иной, как тот самый Гор — сын Па-Неше. Я узнал в царстве мертвых, что наш враг, эфиопский колдун, хочет вновь напустить чары на Та-Кемет. А среди твоих подданных нет столь искусного мудреца, чтобы с ним бороться. Я умолил великого Осириса, чтобы он позволил мне вновь появиться на свет и не допустить посрамления Египта. И вот я воплотился в стебель дыни, из которого Мехитуасехет, жена Сатни-Хемуаса, сварила напиток и выпила его.

Тут Са-Осирис произнес заклинание. Рухнул эфиоп на пол, корчась в страшных судорогах, и затих. Потом вспыхнуло пламя и превратило мертвого эфиопа в пепел.

От изумления все потеряли дар речи. Никто даже не успел сообразить, что произошло, как Са-Осирис вдруг стал бледнеть, таять — и навсегда исчез.

Сатни-Хемуас, сраженный горем, громко зарыдал.

Прошло много лет. У Сатни-Хемуаса подрастал уже второй сын — выдумщик и озорник по имени Уси-мен-Гор.

Но до конца своих дней не переставал Сатни-Хемуас приносить жертвы в честь Са-Осириса, величайшего писца и мудреца.

Правда и Кривда

Рассказывают, что жили некогда в Такемет два брата. Старшего брата звали Правда. Был он очень добр, очень отзывчив и всегда бескорыстно помогал тому, с кем приключалась беда. Не было случая, чтоб Правда кого-нибудь обманул, обидел или поступил не по справедливости.

Наверно, поэтому и был он так красив, что невозможно было отвести глаз.

Все любили Правду. Один только его младший брат, Кривда, отвратительный горбатый карлик, ненавидел его, потому что завидовал ему лютой завистью.

Зависть мучала Кривду, терзала ему сердце и не давала спать по ночам.

И вот, не в силах больше сдерживать накопившуюся злобу, урод решил погубить брата.

Ночами, когда ему не спалось, он лежал в темной комнате с открытыми глазами, обдумывая план мести. Наконец решение созрело.

Предвкушая расправу над братом, Кривда отправился поутру в тот квартал города, где жили ремесленники, чтобы заказать у мастера дорогой кинжал с ножнами. Когда заказ был готов, карлик взял десять караваев хлеба, посох, бурдюк с вином и кожаные сандалии, запихал все это в сумку и отправился к дому брата. Там он нашел домоуправителя и сказал ему:

— Мне надо на несколько месяцев покинуть город по делам. Возьми себе эти десять хлебов, бурдюк, посох и сандалии, но сохрани вот этот кинжал, пока я не вернусь. Я боюсь оставлять его дома: вдруг, пока меня нет, в дом заберется вор? А этот кинжал мне очень дорог.

— Хорошо,— согласился ни о чем не подозревающий домоуправитель. Кривда отдал ему сумку и кинжал и ушел.

Минуло несколько недель.

Однажды домоуправитель Правды перебирал добро в сокровищнице. На глаза ему попался кинжал Кривды. Домоуправитель вынул его из ножен и, обнаружив, что металл потускнел от времени, решил, как заботливый хозяин, почистить кинжал. Он пошел с ним на берег пруда и стал драить его куском овечьей шкуры.

Но тут случилось несчастье: кинжал выскользнул из его рук и упал в пруд.

Один из слуг Правды был подкуплен. Он тут же донес обо всем Кривде. Кривда немедленно отправился к брату.

— Где мой кинжал? — стал требовать он. — Верни его. Я пришел за ним.

— Мой слуга потерял кинжал,— виновато улыбнулся Правда. — Но не горюй. В моей сокровищнице очень много драгоценных кинжалов. Выбери любой из них, а если хочешь — возьми два или даже три.

— Как! Ты потерял мой кинжал? О злодей! — вскричал, кипя гневом, Кривда. — Нет, ты не потерял, ты украл его! И еще смеешь предлагать мне обмен! Где найдется другой такой кинжал? У моего кинжала лезвие было широкое, как Нил, а рубины на рукоятке были величиной с гору!

— Разве может быть кинжал таким большим? искренне удивился добрый Правда.

Но Кривда даже не стал его слушать и потащил в суд.

— Доверил я Правде свой кинжал,— заявил он судьям. — И Правда его не уберег. А кинжал тот был необыкновенный! Клинок его — Нил, рукоятка — обелиск, ножны больше, чем пещеры в скалах. Именем Ра клянусь в том, что все мною сказанное — истинная правда!

— Какого же ты требуешь приговора? — спросили озадаченные судьи.

Кривда хищно сверкнул глазами:

— Пусть его схватят, ослепят на оба глаза, и пусть он будет у меня рабом!

— Что ж,— сказали судьи,— как ты требуешь, так мы и поступим.

Правда, слыша все это, в ужасе закричал. Но сколько он ни умолял брата о пощаде, горбатый уродец только смеялся ему в лицо. По приказу судей стражники схватили

Правду, заковали в цепи, ослепили и отдали в руки Кривде. Кривда сделал Правду привратником у себя в усадьбе. Упиваясь мстью, с наслаждением он смотрел, как брат сидит у ворот и горько оплакивает свою участь.

Но вскоре Кривда опять потерял покой. Как-то раз, когда ему наскучило смотреть из окна на плачущего брата, он встал и пошел прочь от окна, — и тут случайно увидел себя в зеркале. Омерзительный кособокий горбун отражался в полированном серебре! Кривда зашипел от злости, вновь подбежал к окну на своих коротеньких ножках и впился ненавидящим взглядом в красавца Правду.

— Эй, слуги! — взвизгнул он. — Схватите его немедленно, убейте и бросьте в пустыню на растерзание зверью!

Потом он со злорадством смотрел, как безропотные рабы подхватили Правду под руки и поволокли в пустыню. Когда крики брата стихли вдалеке, Кривда ушел в беседку и приказал подать туда самые лучшие кушанья. Настроение у него было превосходное.

А рабы тем временем привели слепого Правду в пустыню, швырнули на песок и достали ножи.

— Не губите меня! — в отчаянии взмолился Правда. — Бросьте меня здесь и скажите своему господину, что выполнили приказание. Я уйду из этих мест и никогда больше не вернусь.

Рабы переглянулись.

— Может, и впрямь, не будем его убивать? — с сомнением пробормотал один. — Он ведь не сделал нам зла.

— Но если Кривда узнает, что мы его обманули, нас самих убьют! — сказал другой, однако в голосе его не было уверенности.

— А откуда он узнает, если мы сами прикусим языки и не станем болтать лишнего? Все подумают, что этого слепого беднягу сожрали шакалы... Он ведь и так погибнет — один, без еды и без воды в пустыне, да еще слепой! Он не выдержит и дня. А мы зато не совершим злого дела, и Ра не покарает нас... Эй, ты! — крикнул он Правде. — Мы уходим, и ты тоже убирайся отсюда поживее, чтоб нам не поплатиться за свою доброту!

Растроганный Правда поблагодарил этих несчастных, ничего, кроме побоев, не видевших рабов, которые, несмотря на жестокое обращение с ними злого Кривды, сохранили добрые сердца.

— Боги вознаградят вас! — сказал Правда и пошел, сам не ведая куда.

Три дня он промучался на жаре. Все тело его было в кровоподтеках и ушибах, так часто он спотыкался о камни и проваливался в ямы.

На четвертый день, обессилев от жажды и усталости, Правда упал у подножия холма. На ощупь он дополз до какого-то камня и лег рядом, готовясь встретить свою смерть.

В это время по пустыне проезжала знатная девушка из города. Рабы несли ее на носилках под шатром, защищающим от солнца. Они заметили лежащего Правду и остановились.

Девушка отдернула занавеску, чтоб узнать, в чем дело, выглянула наружу и тоже увидела Правду.

Даже теперь, избитый и израненный, Правда был неописуемо красив. Девушка сразу полюбила его. Она подошла к Правде, склонилась над ним и ласково сказала:

— Пойдем ко мне в дом, прекрасный незнакомец. Будь моим супругом.

Так Правда поселился в богатом доме и стал там хозяином. Шло время. У Правды уже подрастал сын. Однажды мальчик подошел к отцу, обнял его и сказал:

— Отец мой! Ты никогда мне не рассказывал, как случилось, что ты ослеп на оба глаза.

Правда вздохнул и поведал сыну свою горестную историю. Мальчик, задыхаясь от гнева, закричал:

— Я сделаю так, что злодей понесет наказание! Знай, отец: ты будешь отомщен!

На следующее утро сын Правды выбрал самого красивого и тучного быка из стада, взял в сокровищнице горсть золота и отправился в город, где жил Кривда.

Придя туда, он нашел пастуха, который пас быков Кривды, и сказал ему:

— Возьми себе это золото, но постереги до моего возвращения этого быка.

— Я буду охранять твоего быка так, как демоны не охраняют врата Дуата! — воскликнул пастух, обрадованный легкой наживой.

Вечером пастух пригнал стадо домой, и Кривда увидел великолепного быка.

— Сегодня же заколи его! — сказал он пастуху. — У него должно быть очень нежное и вкусное мясо. А я как раз хочу устроить пир, пригласить на него правителя города и попотчевать его таким лакомством, какого он никогда в жизни не ел...

Кривда вдруг умолк. Он подумал, что в благодарность за угощение правитель, наверно, не станет привлекать его к суду, если он, Кривда, незаконно отберет земельный участок у бедняка соседа.

Кривда вовремя успел сообразить, что этого не надо говорить вслух.

— Но ведь это чужой бык,— заколебался пастух.

Кривда недовольно перебил его:

— Молчи! Отдашь взамен любого другого быка.

Пастух понял, что лучше с Кривдой не спорить, и сказал:

— Твоя воля, господин.

В тот же вечер быка закололи. А на следующий день явился мальчик.

— Где мой бык? — потребовал он у пастуха.

— Послушай,— ответил пастух.— Вот все быки Кривды, и все они твои. Возьми себе любого.

— Как! — вскричал мальчик.— Твой хозяин убил моего быка?!

Он бросился к дому Кривды, разыскал самого Кривду и потащил его в суд.

— Клянусь именем Ра, этот человек убил моего быка, чтоб насытить свое брюхо! — воскликнул он перед судьями, указывая на Кривду пальцем.

— Ну так что же? — недовольно поморщились судьи.— Он виноват,— но разве так уж велика беда? Почему ты не хочешь взять себе другого быка или даже двух?

— Да разве есть на свете другой такой бык! — возмутился сын Правды.— Мой бык был такой большой, что Нил едва скрывал его копыта, а рогами он касался звезд на небесах.

— Ты лжешь! — потеряв терпение, вскричали судьи.— Или ты издеваешься над нами?! Где это видано, чтоб бык был таким огромным!

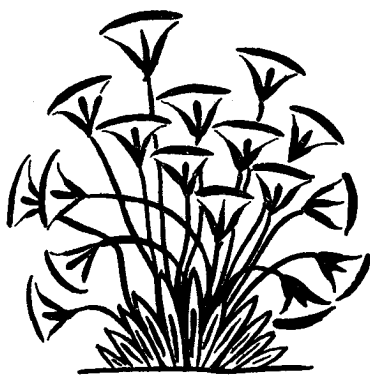
— Как — где? Если у кинжала клинок может быть шире Нила, а камни на ножнах величиной с гору,— то почему же бык не может быть ростом до небес?

Тут поняли судьи, в чем дело. А Кривда закричал не своим голосом и бросился в ноги мальчику, моля не губить его. Но мальчик даже не посмотрел на своего врага.

— Какого наказания ты требуешь для Кривды? — спросили судьи, которые также не обращали ни малейшего внимания на его слезы.

— Он уже сам вынес себе приговор много лет назад,— ответил сын Правды.— С ним надо поступить так же, как он поступил с моим отцом. Пусть его ослепят и сделают рабом моего отца.

Главный судья кивнул и хлопнул в ладоши. В тот же миг появилась стража. По приказу суда воины схватили Кривду.

Хитрый полководец Джхути

днажды в столицу
Та-Кемет въехала ко-

лесница. Она с грохотом понеслась по улицам, взвихривая пыль и отгоняя прохожих к заборам и обочинам.

Конями правил гонец фараонова войска. И колесница, и конские крупы, и тело возничего — все было облеплено грязью. Видно было, что гонец проделал неблизкий путь.

Колесница остановилась у дворца фараона. Гонец спрыгнул на землю и сразу побежал в зал приемов.

Фараон в это время совещался со своими визирями и военачальниками. Сидя на троне, он выслушивал их доклады и отдавал приказы. Придворные стояли, затаив дыхание и боясь пошевелиться. И в этот момент вбежал гонец.

Фараон прервал свою речь, удивленно оглядел его с ног до головы и спросил:

— Откуда ты? Кто и зачем тебя прислал?

— О владыка, да живешь ты вечно! — сказал гонец. — О великий, могучий и несравненный сын богов! В городе Яффе, завоеванном тобой, вспыхнуло восстание. Правитель Яффы изменил тебе. Он собрал злоумышленников и возглавил их. Они перебили всех воинов твоего величества. Они разгромили все войска, которые пытались подавить мятеж.

Фараон молчал. Лицо его было бледным от гнева.

— Владыка! Прикажи послать в Яффу несметные полчища, — взмолился гонец. — Только силой можно усмирить бунтовщиков.

— Клянусь жизнью и любовью ко мне бога Ра, я так и сделаю! — воскликнул фараон.

Придворные закивали, спеша выразить свое горячее

одобрение, и, перебивая друг друга, стали расхваливать мудрость великого владыки, принявшего такое разумное решение. Каждый из придворных нет-нет да и поглядывал на фараона: слышит ли он его льстивые речи? Хорошо бы, чтоб услышал и наградил за верную службу.

И вдруг один из приближенных фараона, полководец Джхути, решительно шагнул вперед.

— О великий, которому весь мир воздает почести! — сказал он, смело глядя фараону в лицо. — Не надо посылать целые полчища против Яффы. Дай мне всего пятьсот воинов, и я разобью бунтовщиков в прах. Тем более что негде нам набрать большую армию для подавления мятежа, разве что вывести войска из какого-нибудь другого города и отправить в Яффу. Но тогда этот город останется незащищенным.

— Ты прав, верный мой Джхути! — воскликнул фараон. — Ты единственный служишь мне честно, а не выслуживаешься ради награды. Но скажи: как ты собираешься идти в бой с таким малым войском?

Джхути смиренно поклонился.

— Этот гонец сказал, что только силой можно усмирить бунтовщиков, — ответил он. — Но гонец ошибся. Моя сила — это хитрость. Я одолею их хитростью.

— Что ж, — сказал фараон. — Я тебе верю. Отправляйся в поход.

Через несколько дней Джхути со своим отрядом прибыл в Сирию. Отряд встал лагерем неподалеку от Яффы, и Джхути послал в город гонца.

— Я слуга Джхути, полководца из Та-Кемет, — сказал гонец правителю Яффы. — Мой господин служил фараону верой и правдой, одержал во славу его величества много побед, выиграл пять кровопролитных сражений — и вот благодарность: фараон назначил главным военачальником не Джхути, а вельможу, который заработал эту почетную должность ничего не делая, одним только своим сладкоречивым языком. Он не участвовал в боях, зато умело льстил фараону. Другой вельможа получил должность верховного советника. Третьего одарили богатыми подарками. А моему господину Джхути не досталось от фараона ничего! Вот как жестоко и несправедливо обидел фараон моего господина. Теперь он послал его воевать против тебя. Но Джхути затаил злобу на фараона, он хочет ему отомстить и перейти на сторону мятежников. Все это он велел тебе передать и ждет меня с ответом.

— Хвала богам! — вскричал правитель Яффы. — Как мне благодарить великого Ра за то, что Джхути, доблестный полководец, стал моим союзником!.. Но скажи, велик ли его отряд и хорошо ли он вооружен?

— Джхути привел сто человек на боевых колесницах, — сказал гонец. — Теперь это все принадлежит тебе. Но отряд пришел издалека, люди и лошади устали. Прикажи открыть городские ворота и впустить нас в город, чтоб мы могли отдохнуть и задать корм лошадям.

— Воистину я так и сделаю! — правитель Яффы торжествующе, зло расхохотался. — Я открою ворота перед отрядом Джхути, чтоб вооруженные воины спокойно въехали в город на боевых колесницах, застали мой гарнизон врасплох и перебили его на месте! Взять город без боя! Ловко придумано. Послушай, неужели вы все надеялись, что я поверю в эту выдумку? — и правитель Яффы, гордый тем, что так легко разгадал вражескую хитрость, засмеялся еще громче.

— Ты не веришь моему господину? Ты думаешь, что он тебя обманывает? — спросил гонец.

Правитель Яффы неожиданно рассвирепел:

— Убирайся прочь, не то я велю повесить тебя вниз головой на площади!

Но гонец не уходил:

— А если воины Джхути отдадут тебе все сто колесниц и бросят к твоим ногам все оружие, — тогда ты согласишься, что мы не замыслиаем никакого зла против тебя?

Правитель Яффы задумался.

«Значит, это все-таки правда, — сказал он про себя. — Доблестный Джхути в самом деле хочет перейти на мою сторону и воевать против фараона. Но если это так, мне очень повезло! Выходит, боги во главе со всемогущим Ра тоже на моей стороне! Теперь я сумею отразить любое войско».

— Скажи, — обратился он к гонцу, — почему Джхути выступил в поход с таким маленьким отрядом? Неужели фараон думал, что сто человек смогут захватить город? — И он подозрительно прищурился, глядя на гонца.

— Нет, фараон дал Джхути очень много воинов. Но все они разбежались, когда узнали, что Джхути намерен совершить измену. Остались только те, которые сами не любили фараона: те, кого фараон обделил землей или у кого сборщики налогов отобрали все имущество, так что он, дабы не помереть с голоду, был вынужден продать

в рабство собственных детей, бросить дом и уйти служить в войско.

Услыхав такой ответ, правитель Яффы окончательно успокоился.

— Пусть доблестный Джхути сдастся мне, — сказал он. — Я буду ждать его в пустыне, к югу от города. Со мной будет отряд в сто двадцать человек. Пусть сперва придет Джхути и с ним не больше чем двадцать воинов. Пусть они принесут луки, мечи и копья всего отряда и бросят их к моим ногам. И только после этого могут прийти остальные воины — без оружия, пешком.

— Я передам моему господину Джхути твой приказ, — поклонился гонец. — Все будет так, как ты хочешь. Воины придут без оружия, ведя под уздцы коней, а колесницы будут нагружены богатыми дарами.

Два часа спустя правитель Яффы, сидя в шатре, ждал прихода Джхути. Неподалеку от шатра отдыхали сто двадцать сирийских конников.

Но вот вдали за клубилась пыль. Это возвращались дозорные, которых правитель Яффы выслал на разведку. На полном скаку всадники влетели в лагерь и осадили коней.

— Они идут, — доложили всадники правителю Яффы.

— Сколько их? — спросил тот.

— Двадцать безоружных воинов и сто колесниц, на которых они везут корзины с дарами. А впереди — Джхути.

— Хвала великому Ра! — вскричал правитель.

Когда Джхути пришел в лагерь, египетские воины сразу же бросили на землю оружие — копья, мечи, луки и колчаны со стрелами — и встали в стороне.

— Я привез тебе также богатые подарки: золото, серебро, драгоценные ожерелья и ларцы из черного дерева, — сказал Джхути, идя навстречу правителю Яффы. — Взгляни на эти корзины. Все они твои. А в руках у меня — видишь? — жезл фараона Та-Кемет.

Приосанившись, с торжествующим видом правитель Яффы сделал Джхути знак, чтоб тот положил жезл к его ногам. Джхути поклонился и, держа жезл в вытянутой руке, как бы нечаянно постучал им о камень. И, едва раздался стук, в тот же миг открылись корзины, и оттуда стали выскакивать вооруженные воины. Весь отряд Джхути — все пятьсот человек — был здесь! Размахивая копьями, с грозным боевым кличем ринулись они на

сирийских конников, безмятежно отдыхавших у костра. Запели стрелы в воздухе, понеслись вперед боевые колесницы. Ни один из сирийцев не успел вскочить на своего коня или выхватить меч из ножен. Многие из них сразу упали замертво, сраженные стрелами, а те, кто остался жив, в ужасе обратились в бегство.

— Взгляни на меня, побежденный злодей! — воскликнул Джхути, потрясая жезлом. — Вот жезл фараона! Великий владыка Та-Кемет сразил тебя им!

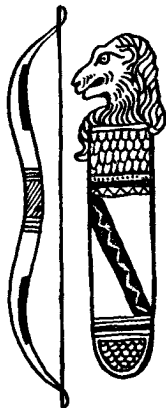
Правителя Яффы связали, надели ему на шею деревянную колодку, а ноги заковали в кандалы. После этого Джхути сказал воинам:

— Полезайте опять в корзины и отправляйтесь к воротам Яффы. Привратникам скажите: Джхути захвачен в плен с остатками его войска, все воины обращены в рабов, и вот они везут во дворец трофеи. Стража вас пропустит. Когда въедете в город, сразу выскакивайте из корзин, хватайте всех жителей и вяжите их.

И вот сто боевых колесниц фараонова войска въехали в мятежную Яффу. Едва миновав городские ворота, воины тотчас открыли корзины — и спустя час все было кончено.

Поздно вечером Джхути отправил в Фивы гонца, велел ему сказать фараону:

«Пусть возрадуется твое сердце, несравненный владыка Та-Кемет, да будешь ты жив, здоров и могуч! Великий бог Ра, твой отец, покарал злодеев и отдал в твои руки изменника. Пришли нам людей, чтоб отвести в Та-Кемет пленных сирийских воинов, которые склоняются перед тобой в прах отныне и навсегда».

Проделки воров

ил в Фивах один зодчий. Он был окружен почетом, поскольку состоял в свите фараона. Самое ответственное строительство фараон всегда поручал ему. Немало воздвиг этот зодчий храмов, дворцов и сокровищниц.

Но вот он состарился. Пришла ему пора переселяться в вечное жилище.

Перед смертью зодчий призвал к себе двух своих сыновей и сказал им:

— Дети мои! Слушайте меня внимательно. Я вам расскажу то, что я в страхе скрывал от людей всю жизнь. Я завещаю вам эту тайну. Твердо запомните каждое мое слово, а уж потом, когда я умру, действуйте так, как сочтете нужным.

В молодости я служил подмастерьем у главного зодчего фараона. Я был очень беден. Жалованья едва хватало, чтоб уплатить налоги в казну и не умереть от голода. Несколько раз я даже подумывал о том, чтоб ограбить какую-нибудь богатую гробницу на западном берегу. Но меня удерживал страх: я боялся, что меня схватят и казнят за святотатство.

И вот однажды фараон велел главному зодчему построить новое каменное хранилище для драгоценностей. В тот же день на юг отплыл караван судов. Через месяц суда вернулись с грузом песчаниковых глыб из каменоломен; глыбы перетасили в город, и мы приступили к работе.

Я тогда руководил рабами, которые строили северную стену сокровищницы. Но рабы — они ведь ничего не понимают в нашем деле: они просто укладывают тяжелые

плиты туда, куда им укажет мастер. А мастером был я... А ну-ка, дети, посмотрите в окно: никто нас не слышит?.. Так вот... Я долго ждал дня, когда главного зодчего не будет на строительстве. И вот такой день настал: зодчий куда-то отлучился по делам. Я был наедине с рабами. И по моему указанию они положили одну плиту так, что ее легко можно вынуть из стены, хотя снаружи ничего не заметно. А в сокровищнице той, вы знаете, хранятся несметные богатства фараона. Сам я ни разу за всю жизнь не воспользовался потайной лазейкой...

Тут старый зодчий глубоко вздохнул, закрыл глаза и умер.

Спустя некоторое время после похорон мумии зодчего его сыновья решили, что пора браться за дело. Под покровом ночи они пришли к сокровищнице, вынули из стены каменную плиту и залезли внутрь. Тут старший брат сказал младшему:

— Не будем слишком жадничать. Если фараон обнаружит пропажу, поднимется переполох, стражники найдут лазейку, вспомнят, кто строил эту стену, и подозрение сразу падет на нас — ведь мы родные сыновья зодчего. Лучше возьмем немного серебра и немного золота, а когда все истратим, придем сюда опять.

Младший брат согласился.

А стражники стояли, охраняя опечатанные двери сокровищницы, и ни один из них не слышал, что творится внутри.

Братья взяли совсем немного сокровищ. Они наполнили ими небольшой мешочек, отсыпав туда из каждого ларца, чтоб было незаметно, что сокровищ поубавилось.

Однако фараон все-таки обнаружил пропажу. Он пришел в ярость, хотел обвинить в воровстве охрану. Но все печати на дверях были целы.

«Значит, воины не виноваты,— решил фараон.— Но кто же тогда вор? И, главное, как он проник в здание, если дверь была заперта?»

Через месяц братья снова совершили кражу. И опять придворные мудрецы во главе с фараоном мучительно ломали головы, недоумевая, как можно проникнуть в запечатое здание.

И в третий раз повторилось то же самое. И в четвертый. И в пятый.

Наконец фараона осенило:

— Давайте поставим в сокровищнице капканы! — ска-

зал он мудрецам. — Ведь там темно. Вор не увидит капканов и обязательно попадетя в какой-нибудь из них.

Так и было сделано.

Прошел месяц. Братья, истратив все наворованное, как обычно, пришли к хранилищу и отвалили каменную плиту. Старший брат полез в сокровищницу первым. Но едва он оказался внутри здания, тут же угодил в капкан.

Он едва сдержался, чтоб не закричать от боли: ведь на крик немедленно сбежалась бы стража. Превозмогая боль, стиснув зубы, он шепотом позвал младшего брата на помощь.

Но капкан оказался очень крепким. Сколько воры ни напрягали силы, стараясь его разжать, ничего не получалось. Старший брат понял, что ему не вырваться.

— Постой, брат! Брось этот капкан, не трать силы понапрасну, — сказал он. — Сядь и выслушай меня внимательно и спокойно... Так вот, — продолжал он, когда младший брат сел рядом с ним и приготовился слушать. — Если меня найдут здесь и схватят, тебе тоже смерть. Зачем погибать двоим! Убей меня, отрежь мою голову и унеси ее, чтоб никто не смог меня опознать.

— Нет! — ужаснулся младший брат. — Что ты такое говоришь, опомнись! Как я могу тебя убить?! Лучше уж я десять раз умру под пытками, но не стану братоубийцей.

Повисла тягостная тишина.

— Что ж, — вздохнул старший брат. — Спасибо тебе за эти слова. Теперь мне легче умирать. Ты не будешь братоубийцей... Но отрежь мою голову, когда я умру! А теперь — прощай!

С этими словами старший брат выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его себе в грудь.

Младший брат отрезал голову у мертвого тела, бросил ее в мешок; затем выбрался из сокровищницы, поставил на место плиту и, убитый горем, побрел домой, проклиная тот день, когда они с братом узнали о потайной лазейке.

— Бедный мой, бедный любимый брат! — плакал он. — Твое тело досталось страже. Я не могу даже похоронить тебя в гробнице!

На следующий день фараон вошел в сокровищницу и, увидев в капкане безголовый труп, от изумления едва не потерял дар речи. А хранилище оставалось целым, нигде не было видно ни единой щелочки.

Подивился фараон, посоветовался с мудрецами и придумал: повесить мертвое тело на стене, а возле него поста-

вить стражу, чтоб воины хватали всех, кто заплачет, проходя мимо трупа.

В тот же день обезглавленное тело повесили на городской стене.

Когда весть об этом облетела город, младший брат очень обрадовался: «Теперь-то я вызволю тебя, любимый мой брат, и с почестями тебя похороню!»

Он купил на рынке несколько ослов, навьючил их мехами с вином и погнал ослов по городу. Проходя мимо стражников, охранявших повешенное тело, вор незаметно дернул завязку одного из мехов. Мех раскрылся, и вино ручьем хлынуло на землю.

— Ой, беда! — в притворном ужасе вскричал вор, хватаясь за голову, и заметался, словно не зная, что ему делать.

Стражники побросали копья, кинулись к меху, стали черпать льющееся вино пригоршнями и жадно пить.

— Что вы делаете! — причитал вор. — Убирайтесь сейчас же! Это мое вино! Я пожалуюсь на вас судье!

— Зачем ты кричишь? — возразил ему один из воинов, утирая губы. — Все равно ведь твое вино выльется на землю. Все равно ему пропадать. Так лучше уж мы его выпьем.

Вор еще поворчал для виду, потом успокоился, отогнал ослов к обочине и стал проверять, хорошо ли завязаны остальные мехи.

— Не огорчайся, — все еще успокаивал его стражник. — Не такая уж это и большая потеря — мех вина.

Мало-помалу они разговорились. Тронутый участием стражников, вор подарил им целых два меха вина и сам стал веселиться вместе с ними. Но в то время, как стражники осушали кружку за кружкой, вор, делая вид, что тоже пьет, незаметно выливал свое вино на землю.

А солнце палило нещадно. Вскоре воинов разморило от жары. Один за другим они повалились на землю и уснули.

Тогда вор снял со стены тело брата и погрузил его на осла. Затем он отрезал каждому стражнику правую половину бороды и погнал своих ослов домой.

Коршун и кошка

ил на вершине дерева коршун. В пышной лиственной кроне он свил гнездо и выращивал птенцов. Но редко ему удавалось досыта накормить своих маленьких, пушистых, еще не оперившихся коршунят. Бедные птенцы жили почти впроголодь: коршун боялся улетать из гнезда за кормом для детей, поскольку у подножия дерева жила кошка с котятами. В отсутствие коршуна она могла вскарабкаться на ствол и передуть коршунят. Но и кошка не осмеливалась покидать свое логово: ведь ее котят мог унести голодный коршун.

И вот как-то раз коршун слетел вниз и обратился к кошке:

— От того, что мы не доверяем друг другу, и тебе и мне только тяжелей живется, — сказал он. — Что проку во вражде? Лучше будем добрыми соседями! Поклянемся перед лицом великого Ра, что если один из нас отправится за кормом для своих детей, другой не причинит им никакого зла.

Кошка с радостью согласилась. Призвав в свидетели солнечного бога, соседи принесли священную клятву: жить отныне в мире и согласии.

И началась для коршуна и кошки новая жизнь — спокойная, сытая, без прежних волнений и тревог. Каждый смело покидал свой дом, отправляясь за кормом для детей. Котята и коршунята больше не голодали.

Но недолго суждено было длиться дружбе и согласию. Вернувшись однажды домой, кошка увидела своего котенка плачущим. Коршун отобрал у него кусок мяса и отдал одному из своих птенцов.

Разгневалась кошка.

— Это ему даром не пройдет! — воскликнула она. — Я отомщу коварному предателю!

Она притаилась под деревом, дождалась, пока коршун улетит из гнезда, вскарабкалась на ствол и вонзила в коршуненка свои когти.

— Откуда у тебя это мясо? — зловеще прошипела она, вздыбив шерсть на загривке. — Я его добыла и принесла для своих детей, а не для тебя!

— Я ни в чем не виноват! — воскликнул перепуганный коршуненок. — Я не летал к твоим котяткам! Если ты расправишься со мной или с моими братьями, великий Ра жестоко накажет тебя за клятвопреступление!

Вспомнив про клятву, кошка устыдилась и разжала когти. Но едва коршуненок почувствовал, что его больше не держат, он, все еще объятый страхом, рванулся изо всех силенок — и выпал из гнезда. Он не умел летать, даже крылышки его еще не успели обрасти перьями. Беспомощно трепыхаясь, он упал к подножию дерева и остался лежать на земле.

Когда коршун вернулся к гнезду и узнал, что случилось во время его отсутствия, он пришел в неопишумую ярость.

— Я отомщу! — воскликнул он. — Я убью ее котят!

И он стал следить за кошкой, лелея в сердце мечту о кровавой расправе над ни в чем не повинными котятками. И вот однажды, когда кошка покинула ненадолго свое логово, коршун издал воинственный клич, слетел с дерева, похватал котят и унес в свое гнездо. Там он убил их всех до одного и скормил птенцам.

Вернувшись и обнаружив, что котят нет, кошка едва не обезумела от горя. В отчаянии воззвала она к солнечному Ра:

— О великий владыка! Мы поклялись тебе священной, нерушимой клятвой, и ты видел, как злодей нарушил ее. Рассуди же нас!

И бог солнца услышал мольбу кошки. Он призвал к себе Возмездие и велел обрушить на голову клятвопреступника самую чудовищную кару.

Через несколько дней коршун, паря в небе и высматривая сверху добычу, увидел охотника, который жарил на костре дичь. Голодный коршун подлетел к костру, схватил кусок мяса и понес его в гнездо, не заметив, что к мясу прилип раскаленный уголек.

И вот гнездо коршуна вспыхнуло и занялось ярким

пламенем! Тщетно молили птенцы о помощи, тщетно метался коршун вокруг огня. Гнездо, а следом за ним и дерево сгорели дотла.

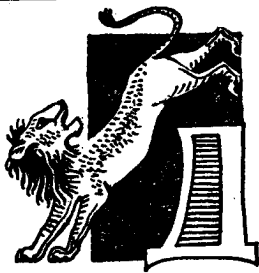
Когда пламя погасло, к дымящемуся пепелищу подошла кошка.

— Клянусь именем Ра,— сказала она,— ты долго вынашивал свой подлый замысел. А я даже теперь не трону твоих птенцов, хотя они так аппетитно поджарились!

Лев и мышка

авным-давно жил в горах лев. Он держал в страхе всю округу и безраздельно властвовал над обитателями пустыни, болот, ущелий и долин. Когда он с грозным рыком выходил на охоту, звери замирали от страха и прятались кто куда.

И вот однажды лев повстречал пантеру. Вся шкура у пантеры была изодрана, клочьями висел ее великолепный мех.

— Что с тобой случилось? — Лев так и застыл от изумления. — Неужели нашелся такой сильный зверь, что смог тебя одолеть? Скажи, кто испортил твою шкуру?

Пантера вздохнула.

— Это сделал человек, — ответила она. — Человек вовсе не силен. Но горе тому, кто попадетс я ему в руки! Если ты встретишься с ним, беги без оглядки! Человек хитер. Ох как хитер! Нет никого хитрей человека!

— Так знай, несчастная: я его найду и отомщу ему! — в бешенстве взревел лев, оскал я клыки и люто сверкая глазами.

И он бросился искать человека.

Вскоре льву повстречались лошадь и осел. Их морды были опутаны уздечками, а на спины были навьючены тяжелые мешки. Лев спросил:

— Кто посмел сделать вас рабами?

— Это наш господин, человек, — ответили в один голос лошадь и осел.

— Он что, сильнее вас? — удивился лев.

— Нет, не сильней, — ответил осел. — Он победил нас хитростью. Нет никого хитрей человека! Никогда не попадайся ему в руки, а то сделаешься его рабом, как и мы.

— Кто? Я-а? — возмутился лев и даже засопел от обиды. — Да пусть он мне только попадет! Тогда мы посмотрим, кто из нас двоих одержит верх!

Пуще прежнего обозлился лев на человека, зарычал во весь голос и отправился дальше. По пути ему встретились корова и бык. Их рога были обпилены, ноздри проколоты.

— Кто это сделал? — прорычал лев, уже заранее зная, что он услышит в ответ.

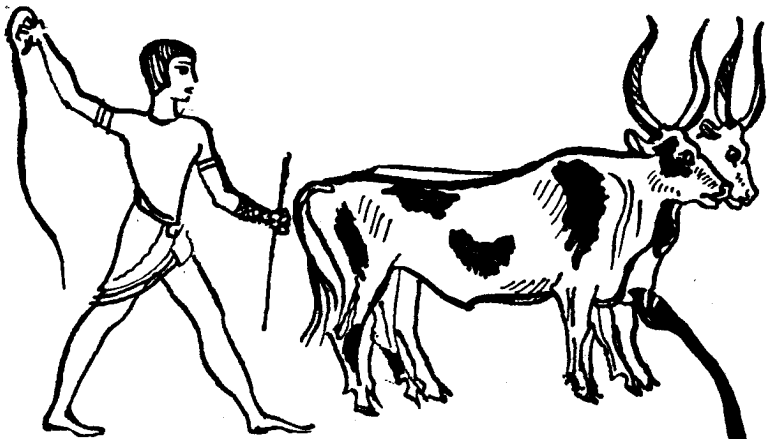
— Человек, — горестно вздохнула корова. — Меня он доит, а моего мужа запрягает в ярмо, заставляет пахать землю и бьет кнутом.

Вконец разъярился владыка полей и гор и с утроенным рвением принялся искать ненавистного человека. Через некоторое время ему повстречался медведь. Когти у медведя были обрезаны, а зубы вырваны.

— Неужели и это сделал человек? — опешил лев.

— Он сильнее меня, — горестно сказал медведь. — Да, да, не удивляйся, лев. Он сильнее потому, что он умней. Однажды я поймал его, повалил, прижал лапой и хотел уже загрызть, но человек взмолился о пощаде. «Не убивай меня, — сказал он. — Что тебе проку, если ты сейчас утолишь свой голод? Завтра тебе опять захочется есть, и тебе вновь придется, изнемогая от усталости, искать добычу. А когда ты одряхлеешь, у тебя уже не будет сил гоняться за быстроногими газелями, и ты умрешь от голода. Но если ты сохранишь мне жизнь, я сделаюсь твоим рабом и буду каждый день убивать для тебя дичь из лука».

Я ему поверил и оставил его в живых, — продолжал медведь. — Человек стал моим рабом... Некоторое время он и вправду приносил мне лакомые блюда, которые готовил из подстреленной дичи. Но ты сам видишь, как дорого мне пришлось заплатить за эти лакомства! — воскликнул медведь, разинув беззубую пасть. — Однажды человек мне сказал: «Твои когти слишком длинны — они мешают тебе брать пищу. А зубы твои слишком слабы: ты уже стар, поэтому они расшатаны, болят и мешают тебе есть мясо. Позволь мне их вырвать, и я принесу тебе вдвое больше лакомств, чем обычно». Я ему поверил: ведь не обманул же он меня в прошлый раз, когда молил о пощаде. Я доверчиво открыл пасть, а он вырвал мои зубы и когти, швырнул мне в глаза песок и убежал... Нет, не за лакомства я заплатил столь дорогую цену — за глупость свою!.. Но даже если б я был во сто раз умней, человеку все равно удалось бы меня перехитрить.

— Я отомщу ему! — заревел лев вне себя от ярости и опять бросился искать человека.

Он забрел в неведомые земли, оставив далеко позади свои родные горы, где он был властелином над зверями. Теперь он оказался в краю, где царствовал другой лев. Вскоре он увидел этого льва, своего могучего собрата. Владыка зверей лежал на земле и стонал от боли: его лапу защемил расколотый ствол дерева.

— Как ты попал в такую беду? — спросил лев.

— О! Это дело рук человека! — в бессильной злобе прохрипел страдалец. — Остерегайся его и никогда ему не верь: человек хитер! Однажды я проголодался и решил полакомиться. Я подстерег его и, прыгнув из засады, вцепился ему в горло. Тут бы мне сразу его и загрызть! Но он стал что-то говорить, и я, на свою беду, решил выслушать его. «Пощади меня, могучий зверь! — плакал этот проклятый человек. — Если ты сохранишь мне жизнь, я окажу тебе неоценимую услугу. Я — чародей. Сам великий Ра научил меня искусству магии. Я знаю чудодейственные заклинания, которые сделают тебя бессмертным. Эти заклинания надо произнести над стволом поваленного дерева». Я ему поверил. И вот человек привел меня к этому самому горному дереву, спилил его, расщепил ствол клином и долго что-то шептал над ним. Потом он сказал: «Все! Теперь тебе осталось прикоснуться к этому талисману. Клади свою лапу вот сюда!» Я и сунул лапу в щель. В тот же миг человек выбил клин, громко рассмеялся и убежал.

— О человек! — воскликнул лев. — Если ты когда-нибудь мне попадешься, я с лихвой отплачу тебе за все обиды, которые ты причинил зверям!

Он отправился в путь. Но не успел он далеко отойти от спиленного дерева, как случайно наступил на маленькую полевую мышку. Лев бы раздавил ее и даже не заметил этого, если бы мышка не запищала во весь голос.

Лев осторожно приподнял лапу, увидел мышку и снова придавил ее к земле.

— Вот и мой завтрак! — ухмыльнулся он.

— Не убивай меня, владыка! — взмолилась мышка. — Если ты меня съешь, то все равно ты мною не насытишься, а если ты меня отпустишь, твой голод не станет сильнее. Но если ты подаришь мне жизнь, когда-нибудь и я выручу тебя из беды.

— Что ты сказала? — расхохотался лев. — Или я ослы-

шался? Ты собираешься спасти меня, самого могучего зверя? Ха-ха-ха! Знай же: во всем свете никто не может причинить мне зло, столь я силен! Никакой враг не страшен мне!

— И все-таки,— возразила мышка,— наступит такой день, когда я, самая слабая из зверей, спасу тебя, силача, от верной гибели!

Из-за того ли, что мышка своими глупыми речами развеселила льва, или потому, что он просто пожалел мышку, но так или иначе лев ее отпустил и отправился дальше — искать ненавистного человека.

Вскоре ему захотелось пить, и он свернул на тропу, ведущую к реке. Вдруг земля под ним заколыхалась, раздался треск, и лев, прежде чем сообразил, что произошло, оказался на дне глубокой ямы. Он угодил в западню, вырытую охотником!

Он ревел от обиды так долго, что охрип; в бешенстве кидался на стенки, пытаясь выкарабкаться наверх, но земля осыпалась, и он беспомощно падал обратно на дно ямы. Вконец измаявшись, он смирился и уснул. А когда проснулся, его лапы и пасть были уже накрепко связаны сыромятными ремнями.

И вот властелин зверей лежал на земле, неподвижный, жалкий, как туша убитого быка. Охотник, достав его из ямы, отправился в город за повозкой. Льву осталось надеяться только на одно: что его все-таки не убьют, а посадят в клетку, и он до конца своих дней будет сидеть за решеткой. Как узник в темнице — но хоть живой!..

Однако Судьба решила иначе. Судьбе захотелось высмеять надменного властелина зверей, который всю жизнь хвастался своей силой, а на деле оказался таким беспомощным.

— Здравствуй! — запищал вдруг кто-то возле уха льва. Владыка гор и полей хотел было поднять голову, но не мог.

— Кто здесь? — промычал он связанной пастью.

— Кто? Та самая мышка, которую ты пожалел! Я пришла отплатить добром за добро. Человек тебя перехитрил. Не помогла тебе твоя сила!

В одно мгновение мышка перегрызла все ремни и освободила льва от пут.

Древний Египет глазами греческого путешественника

Знаменитый древнегреческий историк Геродот Галикарнасский (484—425 гг. до н. э.), путешествуя по Средиземноморью и Причерноморью, собирал и записывал легенды и предания народов, населяющих эти земли, их обычаи, исторические события и многое другое. Иногда он пользовался письменными источниками, иногда вел записи на основании собственных наблюдений, иногда же материалом ему служили рассказы других путешественников. Свои записи Геродот собрал в единый труд под общим названием «История в девяти книгах».

Но все в «Истории» Геродота соответствует действительности. Например, многие вымыслы или даже легенды он принимал за подлинные события. Тем не менее труд Геродота и сейчас имеет огромную научную ценность.

Вторая книга «Истории» Геродота посвящена Египту.

Геродот посетил Египет около 450 г. до н. э. Он проехал вверх по течению Нила через всю страну, вплоть до южной границы. В пути он расспрашивал обо всем местных жителей, выслушивал объяснения своих проводников, вел беседы со жрецами. Их рассказы и легли в основу второй книги «Истории».

Ниже приводятся отрывки из этой книги в переводе Г. А. Стратановского.

38. Быки считаются посвященными Эпафу (священному быку Апису)¹, и поэтому их тщательно исследуют вот каким образом. Если найдут на нем хоть один черный волос, то бык считается нечистым. Исследование же это производит нарочно назначенный для этого жрец, причем животное стоит прямо, а затем лежит на спине. Потом у быка вытягивают язык, чтобы узнать, чист ли он от особых знаков... Жрец осматривает также волосы на хвосте: правильно ли они по природе растут. Если животное окажется чистым по всем статьям, то жрец отмечает его, обвивая папирусом рога, и затем, намазав их печатной гли-

¹ Геродот всюду отождествляет древнеегипетских богов с эллинскими. Поэтому в круглых скобках пояснено, каких древнеегипетских богов имеет в виду Геродот, называя их эллинскими именами. В квадратные же скобки заключены слова, которых нет в подлиннике, но которые добавлены переводчиком для лучшего понимания текста.

ной, прикладывает свой перстень с печатью, после чего быка уводят. За принесение в жертву неотмеченного животного полагается смертная казнь.

39. Так вот, осмотр животного производится указанным способом. Жертвоприношение же совершается вот как. Отмеченное животное приводят к алтарю, где приносят жертву и возжигают огонь. Затем, совершив возлияние вином над алтарем, где лежит жертва, и призвав божество, они закалывают животное, а после заклания отсекают голову. Тушу животного обдирают и уносят, призвав страшные проклятия на его голову. Если там есть рынок и на нем торгуют эллинские купцы, то голову приносят на рынок и продают. Если же эллинов нет, то голову бросают в Нил. Над головой же они изрекают вот какие заклятия: если тем, кто приносит жертву, или всему Египту грозит беда, то да падет она на эту голову. Обычай, касающийся голов жертвенных животных и возлияния вина, у всех египтян одинаковы и соблюдаются при каждом жертвоприношении. И в силу этого обычая ни один египтянин не может употреблять в пищу головы какого-либо животного.

40. Способ потрошения и сжигания жертв у них различен для разных животных. Я имею в виду здесь [культ Исиды], которую они считают величайшей богиней и в честь нее справляют самое главное празднество. При жертвоприношении Исиде они обдирают тушу быка и совершают молитву, а затем вынимают целиком желудок, но внутренности и жир оставляют в туше. Потом отрезают ляжки, верхнюю часть бедра, плечи и шею. После этого наполняют остальную тушу быка чистым хлебом, медом, изюмом, винными ягодами, ладаном, смирной и прочими благовониями. Наполнив тушу всем этим, они сжигают ее, обильно поливая маслом. Перед принесением жертвы они постятся, а при сжигании жертв все участники предаются скорби. Затем, прекратив плач, устраивают пиршество из оставшихся [несожженными] частей жертв.

47. Свинью египтяне считают нечистым животным. И если кто-нибудь, проходя мимо, коснется свиньи, то сразу же идет к реке и в одежде, которая на нем, погружается в воду. Так же и свинопасам, единственным из всех египтян, несмотря на их египетское происхождение, не дозволено вступать ни в один египетский храм. Никто не хочет выдавать за них замуж своих дочерей или брать в жены их девиц, так что они женятся и выходят замуж только между собой. Прочим богам, кроме Селены и Диониса (Исиды и Осириса), египтяне не приносят в жертву свиней, да и этим богам — только в известное время, а именно в день полнолуния. Затем после жертвоприношения они вкушают свинину. О том, почему в другие праздники они пренебрегают свиньями, а в этот приносят их в жертву, у египтян существует сказание. Я знаю это сказание, но не считаю благопристойным его рассказывать. Жертвоприношения же свиней Селене (Исиде) совершаются вот как. После заклания свиньи жрец кладет рядом кон-

чик хвоста, селезенку и сальник и покрывает их всем жиром из брюшины животного. Затем все это сжигают на огне. Остальное мясо съедают еще в день полнолуния, когда приносят жертву. В другой день уже больше никто не станет есть свинины. Бедняки же по скудости средств [к жизни] вылепливают фигурки свиней из пшеничного теста, пекут их и приносят в жертву.

62. Когда египтяне собираются на праздник в Саисе, то все в ночь [после жертвоприношения] возжигают множество светильников и ставят их вокруг домов. Светильники же эти — мелкие сосуды, наполненные солью и маслом, на поверхности которых плавают свечки. Светильники горят целую ночь, и праздник этот называется праздником возжигания светильников. Даже те египтяне, кто не участвует в саисском торжестве, соблюдают этот праздник: все возжигают в ночь после жертвоприношения светильники, так что возжигание их происходит не только в Саисе, но и по всему Египту. А почему этой ночью возжигают свет и так торжественно справляют [праздник], об этом говорится в священном сказании.

63. В Гелиополь и Буто египтяне собираются только для жертвоприношений. А в Папремисе приносят в жертвы и совершают священнодействия так же, как и в других местах. Всякий раз, когда солнце склоняется к западу, лишь немногие жрецы хлопочут около статуи бога, большинство же с деревянными дубинками становится при входе в святилище. Против них стоит толпой больше тысячи богомольцев, выполняющих обет [также с деревянными дубинками]. Статую же бога в деревянном позолоченном ковчеге в виде храма переносят ночью в канун праздника в новый священный покой. Несколько жрецов, оставшихся у статуи бога, влечет на четырехколесной повозке ковчег со статуей бога. Другие же жрецы, стоящие перед воротами в преддверии храма, не пропускают их. Тогда богомольцы, связавшие себя обетом, заступаются за бога и бьют жрецов, которые [в свою очередь] дают им отпор. Начинается жестокая драка на дубинках, в которой они разбивают друг другу головы, и многие даже, как я думаю, умирают от ран. Египтяне, правда, утверждают, что смертных случаев при этом не бывает. Произошло же это празднество, по словам местных жителей, вот почему. В этом храме жила мать Ареса (Гора Бехдетского). Арес же был воспитан вдали от родителей. Когда он возмужал и захотел посетить мать, то слуги матери, никогда прежде его не видавшие, не допустили его к ней и задержали. Тогда Арес привел с собой людей из другого города, жестоко расправился со слугами и вошел к матери. От этого-то, говорят, и вошла в обычай потасовка на празднике в честь Ареса.

65. Религиозные же обряды египтяне вообще строго соблюдают, а в особенности следующие. Хотя Египет граничит с Ливией, в нем не особенно много зверей. Но все животные, которые там есть, как домашние, так и дикие, считаются священными. Если бы я пожелал рассказать, почему их считают свя-

ценными, мне пришлось бы коснуться религиозных представлений [египтян], чего я по возможности стараюсь избегать. А то, что я упомянул об этом мимоходом, я сказал лишь поневоле. Обычай же, связанные с [почитанием] животных, вот какие. Для ухода за животными каждой породы назначены из египтян особые служители — мужчины и женщины, и эти должности переходят по наследству от отца к сыну. Каждый житель города выказывает свое благоговение перед священным животным следующим образом. После молитвы богу, которому посвящено данное животное, они стригут своим детям всю голову, половину или только треть головы, и затем взвешивают волосы на серебро. Сколько веса серебра потянут волосы, столько они отдают служительнице, а та за это нарезает рыбы в пищу животным. Таков способ питания этих животных. Если кто-нибудь умышленно убьет какое-нибудь из этих животных, его карают смертью; если же — неумышленно, то платит пеню, установленную жрецами. А кто убьет ибиса или ястреба, должен во всяком случае умереть.

66. ...Во время пожара с кошками творится что-то удивительное. Египтяне не заботятся о тушении огня, а оцепляют горящее пространство и стерегут кошек, а те все же успевают проскользнуть между людей и, перескочив через них, бросаются в огонь. Это повергает египтян в великое горе. Если в доме околеет кошка, то все обитатели дома сбрасывают себе только брови. Если же околеет собака, то все стригут себе волосы на теле и на голове.

67. Трупы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там в священных покоех. Собак же хоронят каждый в своем городе в священных гробницах. Так же, как собак, хоронят ихневмонов¹; землероек же и ястребов отвозят в город Буто, а ибисов в Гермополь. Медведей, редких в Египте, и волков, которые несколько больше лисиц, хоронят там, где найдут их мертвыми.

68. О крокодилах нужно сказать вот что. Четыре зимних месяца крокодил ничего не ест. Хотя это четвероногое и земноводное животное, но кладет яйца в землю и высиживает их. Большую часть дня крокодил проводит на суше, а ночь — в реке. Ведь вода ночью теплее воздуха и росы. Из всех известных нам живых существ это животное из самого маленького становится самым большим. Ведь яйца крокодилов немного крупнее гусиных, и детеныш соответственно величине яйца вылупляется маленьким. Когда же он вырастает, то достигает длины в 17 локтей и даже более. У крокодила свиные глаза, большие зубы с выдающимися наружу клыками в соответствии с величиной тела. Это — единственное животное, не имеющее от природы языка. Нижняя челюсть у него неподвижна. Только крокодил придвигает верхнюю челюсть к нижней, чем и отличается от всех

¹ Ихневмон — мангуста.

прочих животных. У него также острые когти и чешуйчатая твердая кожа на спине. Слепой в воде, крокодил, однако, прекрасно видит на суше. Так как он живет в воде, то пасть его внутри всегда полна пиявок. Все другие птицы и звери избегают крокодила. Только трохил — его друг, так как оказывает ему услуги. Так, когда крокодил выйдет из воды на сушу и разинет пасть (обычно лишь только подует западный ветер), тогда эта птица проникает в его пасть и выклевывает пиявок. Крокодилу приятны эти услуги, и он не причиняет вреда трохилу.

69. Так вот, в иных областях Египта крокодилы считаются священными, а в других — нет. И с ними даже обходятся, как с врагами. Жители Фив и области Меридова озера почитают крокодилов священными. Там содержат по одному ручному крокодилу. В уши этому крокодилу вдевают серьги из стекла с золотом, а на передние лапы надевают кольца. Ему подают особо назначенную священную пищу и, пока он живет, весьма заботливо ухаживают за ним, а после смерти бальзамируют и погребают в священных покоех. Жители города Элефантины, напротив, не почитают крокодилов священными и даже употребляют их в пищу...

73. Есть еще одна священная птица под названием феникс. Я феникса не видел живым, а только — изображения, так как он редко прилетает в Египет. В Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает же феникс только когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что (мне-то этот рассказ кажется неправдоподобным). Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умащенное смирной тело отца в храм Гелиоса (Атума или Ра), где его и погребают. Несет же его вот как. Сначала приготовляет из смиры большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица.

78. На пиршествах у людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, лежащего в гробу. Изображение представляет собой расписную фигуру величиной в один или два локтя с чертами покойника. Каждому сотрапезнику показывают эту фигуру со словами: «Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!» Таковы обычаи египтян на пиршествах.

Оглавление

Что такое миф	5
-------------------------	---

РАССКАЗЫ О БОГАХ

Как был сотворен мир	18
Бегство Тефнут в нубийскую пустыню	25
Сказание об истреблении людей	34
Как Ра покинул землю	43
Путешествие солнечной Ладьи	44

ИСИДА И ОСИРИС

Рождение Осириса, его братьев и сестер	52
Земное царствование Осириса	57
Странствия Исиды	64
Исида во дворце	69
Первая в мире мумия	72

ГОР

Детство и юность Гора	76
Тяжба Сета и Гора	79
Сет	84

ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН В БОГОВ-ПОКРОВИТЕЛЕЙ, МАГИЮ И ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ

Рождение и предсказание судьбы	87
Сказка про обреченного сына фараона	89
Фараон Хуфу и чародей Джели	101

ПЯТЬ ДУШ ЕГИПТЯНИНА

Рен, Ах и Шуит	104
Ка, Ба и Сах	105

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Похоронный ритуал	107
Воскресение и путешествие по Преисподней	110
Суд Осириса и вечная жизнь в Полях Камыша	112

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

СКАЗАНИЯ О САТНИ-ХЕМУАСЕ

<i>Сатни-Хемуас и его сын Са-Осирис</i>	116
<i>Сатни-Хемуас в Загробном Царстве</i>	118
<i>Са-Осирис и чародей из Эфиопии</i>	121
<i>Правда и Кривда</i>	129
<i>Хитрый полководец Джзуту</i>	136
<i>Проделки воров</i>	142
<i>Коршун и кошка</i>	146
<i>Лев и мышка</i>	149
<i>Древний Египет глазами греческого путешественника</i>	154

Литературно-художественное издание
Для средней школы

Рак Иван Вадимович

В царстве пламенного Ра

Ответственный редактор
Н. Е. Прийма
Художественный редактор
В. Г. Траугот
Технический редактор
Т. С. Харитонова
Корректор Т. Г. Янина

ИБ 12472

Сдано в набор 17.09.90. Подписано к печати 31.07.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Шрифт обыкновенный новый. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 8,71. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5608. Цена 2 р. 50 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ЛИТЕРАТУРА

1. Антес Р. Мифология в Древнем Египте.— В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977.
2. Матъе М. Э. Древнеегипетские мифы. М., 1956.
3. Матъе М. Э. Во времена Нефертити. Л.-М., 1965.
4. Матъе М. Э. Искусство Древнего Египта. М., 1961 или М., 1970.
5. Легенды и мифы Древнего Египта в популярном изложении/Сост., статья и комм. Рак И. В. Л.: ЛГУ, 1991.
6. Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта/пер. с польск. Я. Э. Гессен. М., 1983.
7. Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968.
8. Петровский Н., Белов А. Страна Большого Хапи. Л., 1973.
9. Сказки и повести Древнего Египта./Пер. с древнеегипетск. И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М., 1956.
10. Ходжаш С. И. Египетская мифология в малой пластике.— В кн.: Павлов В. В., Ходжаш С. И. Египетская пластика малых форм. М., 1985.